

роман

Харассмент

Кира Ярмыш

CoRPUS

18+

Русский Corpus

Кира Ярмыш

Харассмент

«Corpus (АСТ)»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ярмыш К. А.

Харассмент / К. А. Ярмыш — «Corpus (АСТ)», 2022 — (Русский Corpus)

ISBN 978-5-17-148569-6

Инге двадцать семь, она умна, красива, получила хорошее образование и работает в большой корпорации. Но это не спасает ее от одиночества – у нее непростые отношения с матерью, а личная жизнь почему-то не складывается. Внезапный роман с начальником безжалостно ставит перед ней вопросы, честных ответов на которые она старалась избегать, и полностью переворачивает ее жизнь. Эти отношения сначала разрушают Ингу, а потом заряжают жаждой мести и выводят на тропу беспощадной войны.

В яркой, психологически точной и честной книге Киры Ярмыш жертва и манипулятор часто меняются ролями. Автор не щадит ни персонажей, ни читателей, заставляя и их задавать себе неудобные вопросы: как далеко можно зайти, доказывая свою правоту? когда поиск справедливости становится разрушительным? и почему мы требуем любви к себе от тех, кого ненавидим?

Содержит нецензурную брань. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148569-6

© Ярмыш К. А., 2022
© Corpus (АСТ), 2022

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Кира Ярмыш

Харассмент

Published by arrangement with The Robbins Office, Inc.
International Rights Management: Susanna Lea Associates

© К. Ярмыш, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022

© ООО «Издательство Аст», 2022

Издательство CORPUS ®

* * *

Говоря о сексуальном принуждении и домогательствах, очень легко и даже соблазнительно скатиться в банальность, в бинарные оппозиции «насилник – жертва», в прямолинейное морализаторство. Кира Ярмыш в своем новом романе ухитряется пройти по тонкому льду, сохраняя сложность взгляда и в то же время показывая, как неравноправные, завязанные на власть и зависимость отношения превращаются в гибельную ловушку, калечащую души и судьбы.

Галина Юзефович

Часть первая

Галушкин стоял возле кулера и невероятно долго набирал чайник. Инга сфокусировала взгляд в одной точке: там, где ободок чайника нажимал на рычаг с холодной водой, – и слушала бульканье. По мере того как набиралась вода, тональность звука менялась. Инга прикрыла глаза, но продолжала наблюдать из-под ресниц. Ужасно хотелось пить. Чайник казался бездонным.

– Долго еще тусили вчера? – спросил Галушкин. Он стоял, наклонившись к кулеру и вытянув руки вперед, а теперь еще сильно повернул голову, пытаясь посмотреть через плечо на Ингу. Поза была на редкость нелепой.

– Не очень.

В памяти всплыла сияющая раковина с таким же сияющим краном и черно-белая плитка на полу. Инга крепко зажмурилась.

– Жалею, что не смог остаться с вами подольше, – посетовал Галушкин, без особой, впрочем, печали. Он наконец-то выпрямился и, громко хлопнув крышкой чайника, уступил Инге место. – Рассчитываю наверстать все на новогодней вечеринке.

Этим утром мысль о вечеринках вызывала в Инге решительный протест. Набрав воды в свою термозакружку, она залпом выпила, а потом наполнила ее еще раз.

– А вы Новый год обычно как отмечаете? Всем офисом? Снимаете что-то? – спросила она наконец, решив из вежливости поддержать разговор. На кухне они с Галушкиным были вдвоем.

Вежливость давалась мучительно.

Галушкин поставил чайник на подставку и щелкнул кнопкой.

– Ну да, в прошлом году какой-то клуб снимали в центре. Но на самом деле ничего выдающегося. Слишком много людей. Все разбиваются по своим же отделам и бухают.

Инга кивнула, изображая внимание, и еще помялась у кулера, гадая, нужно ли как-то закончить разговор. Галушкин отвернулся, чтобы бросить в кружку чайный пакетик, и Инга, тут же малодушно воспользовавшись моментом, выскользнула из кухни.

Ковролин пружинил под ногами – в обычный день она бы этого не заметила, но сейчас Инге казалось, что шпильки вязнут в ворсе, и она вот-вот споткнется, смешно упадет, и все, конечно, догадаются, в каком она состоянии. Сегодня не то что ходить – ровно стоять на каблуках уже был подвиг. Ковыляя мимо переговоров, Инга посмотрелась в стекло – ее лицо в отражении выглядело уставшим, но никаких особых следов разгула, к счастью, заметно не было. Приободрившись, она добрела до своего места в их отсеке в самом углу опенспейса и со вздохом опустилась в кресло.

– Угощайся, – сказала Мирошина из-за монитора и пододвинула к ней миску с печеньем. – На меня всегда такой жор с похмелья нападает. Последний коктейль вчера был явно лишним. Как вы это выдержали еще, я не понимаю.

Перед Ингой мелькнуло видение: лакированная столешница, в которой отражаются лампы, и темный силуэт сидящего напротив человека.

– Да мы недолго потом сидели, почти сразу разошлись. – Она пожала плечами и демонстративно захрустела печеньем, надеясь, что Мирошина верно истолкует сигнал и отстанет со своей болтовней.

Мирошина высунулась из-за монитора и сгребла из миски три печенья разом.

– Когда я уходила, Аркаша был уже о-о-очень пьян, – сообщила она с удовлетворением человека, который делится сногшибательным секретом.

– Ну, мы все пили немало.

– Не то слово! Представляешь, я уснула в такси! Водитель меня разбудил у дома. Стыдобушка. Вон даже Бурматова до сих пор нет, а это показатель.

Инга бросила невольный взгляд на кабинет Бурматова, хотя прекрасно знала, что он пуст. Стена, отделявшая его от опенспейса, была сделана из стекла, чтобы подчеркнуть демократичность начальства. Вообще-то Ингу это только раздражало (чудилось, что ей все время смотрят в спину), но сегодня она разглядела в такой корпоративной политике очевидные плюсы: узнать, на месте ли Бурматов, можно было издали. Свет в кабинете не горел, а стул был небрежно повернут спинкой к столу. В очередной раз убедившись в этом, Инга испытала мгновенное облегчение, которое вскоре, однако, сменилось нарастающим мандражом. Чем дольше Бурматов не приходил, тем больше Инга нервничала, ожидая встречи.

– Он вообще мало пьет, Илья, – трещала тем временем Мирошина с набитым ртом. – Поэтому после каждой вечеринки помнит, кто напился и что делал. Но лишний раз не напоминает, конечно, не изверг же он все-таки.

У Инги свело щеки от усилий сохранить бесстрастное выражение лица.

– И часто кто-нибудь напивается? – спросила она как бы невзначай.

– Ой, да постоянно. Праздновали день рождения Галушкина, и Алевтина так отжигала, что, прикинь, упала со стула! Нет, ну ты не подумай, что мы тут алкоголики какие-то. Просто всякое бывает.

– Да, – пробормотала Инга, – всякое.

В надежде отделаться от Мирошиной она спряталась за своим монитором и ожесточенно застучала по клавишам.

– Много работы? – тут же поинтересовалась та. Так просто ее было не остановить.

– Да так, кое-что.

– А у меня сегодня пока полный штиль. Повезло, а то не знаю, как бы я в таком состоянии работала.

– Угу.

– Ну ладно, ладно, не отвлекаю. Где, интересно, все? Времени почти десять. Даже Галушкин пошел за чаем и пропал.

Инга на самом деле не работала. Открыв телеграм, она лихорадочно настрочила сообщение: «Катастрофа. По-моему, я вчера сделала страшную глупость» и с силой ударила по клавише «Enter».

Ответ пришел почти мгновенно.

«Это не редкость. Но не теми, что именно ты сделала?»

Инга краем глаза заметила, что какой-то человек направляется в ее сторону, и оторвалась от экрана. По проходу шел Илья, здороваясь с кем-то. Мельком взглянув на них с Мирошиной, он кивнул и зашел в свой кабинет. Инга вросла в кресло и не шевелясь следила, как Илья включил там свет, швырнул портфель на диван и, развернув стул к себе, сел.

– Ну наконец-то, хоть кто-то, – тут же прокомментировала Мирошина.

Инга так резко встала, что у нее на секунду почернело в глазах. Она ухватила кончиками пальцев за край стола.

– Сейчас вернусь, – пробормотала она и, глядя строго перед собой, но ни в коем случае не на кабинет Бурматова, направилась в туалет. Топкую вязкость ковра она постаралась компенсировать решительностью походки.

Туалет был пуст. Инга облокотилась на раковину и прикрыла глаза. От резкого вставания голова все еще кружилась, а теперь к тому же начало слегка подташнивать. Зачем она так вскочила?

Инге показалось, что, кивнув, Илья посмотрел прямо на нее, но его взгляд она понять не успела. Неодобрительный? Равнодушный? В ней самой в это мгновение все взметнулось, как листья от ветра. Что ж, самое страшное позади – их встреча состоялась, только Инга не знала,

что чувствует: радость оттого, что она прошла так быстро и безболезненно, или мрачное предчувствие, что неприятный разговор еще впереди? Пожалуй, кивок был слишком отрывистым, чтобы сойти за приветливость, но Илья и раньше здоровался сдержанно. Может, и не будет никакого разговора? В конце концов, что тут обсуждать. Ну выпила лишнего, с кем не бывает.

Инга открыла глаза и посмотрела на себя в зеркало. Из прически выбилась прядь, она заправила ее обратно. Внимательно изучила лицо – лоб не блестел, стрелки не размазались. Сделав шаг назад, Инга провела руками по бедрам, разглаживая юбку, и повернулась вполоборота, разглядывая в отражении спину. Чуть пониже плеча на блузке виднелось небольшое рыжее пятнышко.

Инга выругалась сквозь зубы и потеряла пятно. Оно не стиралось. Блузка была белая и свежая, откуда ему взяться? Инга намочила пальцы и снова потеряла ткань, но преуспела только в том, что вокруг маленького рыжего пятна образовалось еще одно большое влажное. От расстройства Инга цокнула языком.

Включив сушилку пассами рук, Инга подставила под нее плечо, надеясь, что за этим занятием ее никто не застанет. Похмельная головная боль словно ждала этого момента, чтобы резко напасть. Плечу через несколько секунд стало обжигающе горячо.

Инга ликвидировала последствия своего провального прихорашивания, еще раз оглядела себя и вышла. Если с утра она и так чувствовала себя недостаточно уверенной, то теперь это ощущение взлетело до небес. Дурацкое пятно. В четырнадцать лет Инга нашла на даче книжку под названием «Энциклопедия стервы», где на обложке была изображена женщина в небрежно повязанной шелковой косынке, томно покусывающая дужку солнцезащитных очков, а внутри содержалась масса жизненных премудростей, среди которой Инге больше всего запомнилась одна: «Настоящая стерва никогда не позволит себе ходить на работе в рваных колготках. Поставили затяжку и думаете, что никто не заметит? Это на толстой бухгалтерше Маше никто не заметит, а у безупречной стервы даже мелкий изъян на виду». Повзрослев, Инга перестала доверять подобным книжкам, но все равно стремилась одеваться без изъянов. Пятно на блузке превращало и без того не лучший день в окончательно испорченный.

Пока Инги не было, успели вернуться Галушкин с чаем и прийти Алевтина – зажимая телефон плечом, она что-то быстро писала в блокноте, пока ее компьютер включался. Инга помахала ей рукой, Алевтина кивнула, не прекращая писать. Казалось маловероятным, что она могла упасть со стула, веселясь на вечеринке, – последнее, что приходило на ум при взгляде на нее, было веселье. Инга никогда раньше не встречала человека, распространявшего вокруг себя ореол такого ледяного достоинства. Впрочем, Алевтина ей нравилась – ее величавость не только казалась гарантией от мелких подлостей и подвохов, но и удивительно гармонировала с ее красотой (отличительной чертой, моментально располагавшей Ингу к людям): Алевтина была высокой и худой, как спица, с выпиравшими сквозь одежду тазовыми косточками и длинными пальцами. Гладкие черные волосы она разделяла на прямой пробор и собирала на затылке. Они так сияли в свете ламп, что казались похожими на нимб.

Мирошина, по-прежнему жевавшая печенье, производила впечатление полной противоположности Алевтине. Она была невысокой блондинкой с формами, которые старательно подчеркивала поясами и вырезами. Инга довольно быстро сделала вывод, что Мирошину в жизни интересует ограниченное количество вещей: ее британский кот (судя по всему, очень капризное создание), инстаграм-аккаунты магазинов одежды и сплетни о коллегах.

– Аркаша написал, что ему сегодня так плохо, что он впервые за год проспал, – сообщила она, как только Инга села напротив.

– Но ему уже лучше?

– Вроде да. Говорит, мчит на такси. Если Илья будет спрашивать, просил сказать, что мать заболела и пришлось завезти ей лекарства.

Инга хмыкнула и тут же опять покосилась на кабинет Бурматова. Он что-то печатал. Разбудив свой компьютер, Инга снова открыла телеграм и написала в окошке: «По-моему, я вчера немного странно вела себя со своим начальником». На этот раз сообщение повисло непрочитанным.

В ожидании ответа она вяло полистала фейсбук, потом инстаграм, потом не без отвращения открыла рабочую почту. О делах думать не хотелось. Инге нужно было срочно обсудить вчерашнее.

Обычно Максим отвечал быстро, если только сам не был занят работой, но в этот раз как будто прошла целая вечность. Наконец в углу экрана всплыло сообщение:

«Насколько странно?»

«Мы пошли отметить окончание проекта, и все напились. И я. Мы остались вдвоем. Я несла какую-то чушь и тупо хихикала. А потом стала гладить его по руке».

«А он тоже напился?»

«Мне казалось, что да, но теперь я не уверена. В общем, я в какой-то момент поймала себя на том, что сижу и натурально наглаживаю ему руку через пиджак. А он ничего не говорит!!! И свою руку не убирает!!! Короче, я так охренела от того, как мы к этому пришли, что убежала в туалет и просидела там минут 20, пока пыталась сообразить, что дальше делать».

«А потом что?»

«Ну я вернулась, схватила сумку и сказала, что мне срочно нужно уйти. И буквально сбежала. Вспомнила, что надо вызвать такси, когда была уже в конце улицы. Еще ждала потом на холоде сто лет. Зато хоть протрезвела слегка».

«Нууу... могло быть и хуже».

«Ты думаешь?»

«Ну, ты могла, например, комично упасть, когда убегала. Или тебя могло, например, стошнить ему на пиджак».

«Дурак».

Инга свернула телеграм и, откинувшись в кресле, раздраженно огляделась. Галушкин отвратительно громко прихлебывал чай.

На экране снова возникло сообщение.

«Камон, не переживай. Ну, погладила по руке. Странно, конечно, но не смертельно. А сегодня ты его видела уже? Он что-нибудь сказал?»

«Видела, как он в офис пришел с опозданием на час. Кивнул просто, мне показалось, не очень по-доброму. И всё».

«Ну и забей. Слушай, все были пьяные, с кем не бывает».

Инга перечитала сообщение, чтобы как следует проникнуться этой мыслью. Максим прав. Алкоголь все оправдывает.

Пришло новое сообщение:

«А он тебе вообще нравится?»

У Инги даже дыхание перехватило. Она замолотила по клавиатуре:

«Да при чем здесь «нравится»?! Мне работать с ним! Что он обо мне подумал, ты представляешь? Первая вечеринка, и я лезу к начальнику. Блин, скажи мне кто-нибудь это вчера, не поверила бы. Может, мне нужно пойти и извиниться?»

«Мне кажется, это будет еще страннее. Веди себя обычно. Если он адекватный чувак, то понял, что ты просто напилась и тебя не туда занесло. Ты ж к нему не целоваться лезла».

«Целоваться точно не лезла».

«Вот и забей».

Инга отключила телеграм на рабочем столе и снова открыла почту. Последний ответ Максима опять немного ее успокоил. Они дружили одиннадцать лет, и она привыкла доверять его мнению. Только Максиму было позволено ее критиковать, и только его похвала казалась Инге

по-настоящему ценной. Иногда она ловила себя на ощущении, что если у всех людей существовал какой-то таинственный аппарат внутри, определяющий хорошее и плохое, то свой она как будто вынесла за пределы тела и поместила в другого человека. Жить так было довольно просто: можно было не утруждать себя самоанализом, а просто обратиться к Максиму, как к священному оракулу, и ждать, когда он все растолкует. Его авторитет для Инги был непререкаем.

Прямо сейчас ей все еще было немного не по себе, но привычный механизм уже пришел в движение: надо просто осознать слова Максима, и тогда сомнения отступят. Что, в самом деле, такого? Пьяные поглаживания – вещь, безусловно, стыдная, но нормальный человек на месте Бурматова и сам, скорее всего, сделает вид, будто ничего не произошло.

Аркаша влетел в офис и, зыряка в сторону бурматовского кабинета, направился к своему месту короткими перебежками, то и дело прячась за перегородками опенспейса. Все следили за его приближением с усмешкой, только Бурматов, кажется, был настолько поглощен работой, что ни разу не поднял головы. Наконец Аркаша добрался до их углового отсека и рухнул на стул.

– Фуууух, ну и утро! – выдохнул он.

– Похмелье? – тут же участливо поинтересовалась Мирошина и, забрав от Инги печенье, пододвинула к нему.

Аркаша благодарно на нее посмотрел. Он был похож на огромного младенца – пухлый, рыхлый, с круглой лысой головой и огромными голубыми глазами. Иначе чем «Аркаша» его не называли. Инга испытывала затруднения, обращаясь к нему, потому что так фамильярничать было преждевременно – она еще и двух месяцев не проработала, – но церемонное «Аркадий» звучало даже нелепее.

– Пока собирался, выпил две таблетки аспирина, – пожаловался он уже лично Мирошиной. – Кто придумал праздновать в четверг, когда в пятницу на работу?

Инга в душе была горячо с ним согласна.

– Знаете, что меня всегда поражало? – заявил Галушкин, еще раз громко отхлебнув чай. – Что большие корпоративы устраивают в понедельник или вторник.

– Потому что место снять дешевле, – ответила Алевтина очень серьезно. Она закончила разговаривать по телефону и теперь что-то быстро печатала на компьютере, не глядя на коллег.

– Да я понимаю. Но мне всегда казалось, что таким образом нам намекают, что на корпоративах не положено пить.

– Это была бы отличная идея, – простонал Аркаша.

Галушкин, несмотря на все свои околорюжские рассуждения, выглядел возмущительно бодро и вчера действительно ушел одним из первых – сразу после Алевтины (что, кстати, лишний раз заставляло Ингу усомниться, будто та могла напиться и падать со стульев). В отличие от Аркаши, он был высоким, подтянутым и плечистым, и хоть не казался особым красавцем, Инга поначалу на него заглядывалась – было в Галушкине что-то дерзкое и вызывающее, что ей нравилось.

У Инги коротко завибрировал телефон, и она машинально открыла сообщение, не обратив внимания на отправителя. «В 13 идем на обед» – было написано на экране.

Инга уставилась на текст, потом на имя автора. Она неожиданно почувствовала себя в луче света, сидящей у всех на виду. Ей хотелось повернуть голову и посмотреть на Бурматова через стеклянную стену кабинета, но она не сомневалась, что прямо сейчас он сам на нее смотрит. Следующим ее порывом было, не выпуская телефон из рук, написать Максиму и попросить совета, но это желание она тоже подавила как недостойное. Расхлебывать нужно было самостоятельно, причем быстро, однако Инга совершенно не понимала, что написать. Ее смущало сразу все – и смысл сообщения Бурматова, и его повелительный тон, и даже то, что оно пришло ей в телеграмме, а не через корпоративный мессенджер. Неужели он вчера расценил

ее пьяные прикосновения как приглашение к чему-то еще? Стыд окатил Ингу с головой. Что же ему ответить? «Прости, Илья, ты меня неправильно понял»? «Мое поведение вчера было непрофессиональным, но я не имела в виду ничего такого?» Все это представлялось ужасно глупым, особенно будучи написанным.

Вдруг она вообще надумала лишнего? Тогда ее дурацкое положение только усугубится этими сообщениями. Может быть, Илья вовсе не заигрывает с ней, а, наоборот, хочет сделать выговор за нарушение рабочей этики. Инге стало жарко.

В замешательстве она снова посмотрела на телефон. Оправдываться в ответ на приглашение обедать, да еще по переписке, не хотелось. Что тогда, отказаться? Общая экстраординарность ситуации лишила ее возможности сделать это непринужденно. Очевидно, оставался единственный вариант – согласиться и уже за обедом понять, как вести себя дальше. Инга написала «окей» и быстро отложила телефон, для верности перевернув его экраном вниз. Она не хотела больше никаких сообщений.

Следующие два часа Инга старалась работать, надеясь своим заблаговременным усердием заслужить прощение на случай, если придется его просить. К тому же работа помогала отвлечься. На телефон она по-прежнему старалась не смотреть, забывая, что телеграм установлен у нее и на рабочем столе компьютера. Однако он молчал. Без десяти час Инга удостоверилась, что новых сообщений нет, и покосилась через плечо на кабинет Ильи. Он расслабленно сидел, повернувшись на стуле спиной к столу, и держал телефон обеими руками. В этот же момент Ингин айфон ожил и завибрировал. От неожиданности она даже вздрогнула и схватила его со стола так быстро, словно сообщение мог прочитать кто-то другой. «Через пять минут встречаемся внизу». Инга покраснела. Ей было неловко оттого, что только что она как будто случайно подглядела за Ильей.

– А ты куда? Ты обедать с нами не пойдешь? – спросила Мирошина, когда она встала из-за стола.

– Нет, – помедлив, ответила Инга. – У меня встреча.

Она не испытывала ни малейшего желания говорить, что идет обедать вдвоем с Бурматовым, потому что ей мерещилось в этом что-то предосудительное, но это же ее и раздражало. Инга не хотела иметь никаких сомнительных секретов. Твердо решив раз и навсегда разобраться с ситуацией, как бы унижительно это ни оказалось, она направилась к лифту.

Внизу в холле было шумно. В ожидании Бурматова Инга присела на бортик декоративного фонтана, расположенного на равном удалении от всех лифтов, и стала смотреть по сторонам, на снующих мимо людей. Первый этаж их бизнес-центра жил особенно бурной жизнью: здесь находилось бесчисленное множество кофеен, которые то и дело закрывались и открывались снова под другими названиями, магазины косметики и одежды, химчистки и аптеки.

Инга засмотрелась на женщину в облегающей спортивной форме, которая не шла, а словно плыла по холлу в сторону спортзала, держа в руках пластиковый контейнер с сырниками, и не заметила, что к ней кто-то подошел.

– Девушка, здесь нельзя сидеть, – раздался суровый голос над Ингиной головой.

Инга моментально подскочила и нервным движением разгладила юбку. Она отреагировала не столько на слова, сколько на интонацию – когда она слышала недовольство в голосе, обращенном к ней, то в первую секунду автоматически чувствовала себя виноватой.

Рядом стоял, возвышаясь, охранник в клетчатой рубашке, заправленной в джинсы. Инга была невысокого роста, но тут ей пришлось практически задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Лицо было молодое, и сам он, несмотря на строгий тон, улыбался уголками губ.

– Здесь нельзя сидеть, – повторил охранник, окидывая Ингу взглядом с ног до головы.

Она поняла, что все еще стоит, застыв, с ладонями на бедрах. Нахмурившись, она скрестила руки на груди, делая вид, что недовольна резким окриком, хотя на самом деле была недовольна собой, что так глупо всполошилась.

– А что случится, бортик треснет? – презрительно спросила Инга.

Охранник продолжал беззастенчиво ее разглядывать. У него были угольно-черные густые брови, которые то и дело двигались, пока он водил по Инге взглядом, существуя как будто отдельно от остального лица. Он улыбнулся отчетливее:

– Нет, просто нельзя сидеть. Администрация запрещает.

Инга почувствовала движение позади себя и торопливо обернулась.

– Ну что, куда пойдём? Есть пожелания? – спросил Илья, глядя, впрочем, не на Ингу, а на охранника с бровями. Спустя мгновение тот отошел.

– Без разницы, – угрюмо ответила Инга. Она вдруг вспомнила о пятне на блузке, которое Илья, пока она стояла спиной, мог заметить, и это не прибавило ей энтузиазма.

– Тогда как ты относишься к бургерам?

Инга относилась к бургерам хорошо, особенно с похмелья. Она кивнула.

Несмотря на то, что кафе вокруг было в изобилии, Илья повел ее очень далеко: им пришлось пройти через весь холл и спуститься по лестнице на минус первый этаж. Инга отметила это про себя, подумав, что Бурматов не хочет, чтобы их увидели. Это только подстегнуло ее опасения – она уже перестала разбирать, какие именно. Ей просто было стыдно, неудобно, и ничего приятного она не ждала.

Ресторан, куда они пришли, было темным и брутальным: кирпичная кладка, грубая мебель. Инга порадовалась недостатку света – в полутьме объясняться будет легче. Официант принес меню.

– Могу подсказать, если хочешь. Я сюда часто хожу, – деловито предложил Илья.

Как только они сели за стол и разговор стал неизбежен, у Инги мгновенно пропал аппетит. Чтобы не выдать своих переживаний, она, однако, уныло согласилась.

– А пить ты что будешь? Воду, кофе? Пиво?

Ей показалось, что Бурматов слегка усмехнулся.

– Воду, – содрогнувшись, ответила Инга.

Едва официант записал их заказы и отошел, она решила больше не откладывать.

– Я бы хотела извиниться, – торжественно начала она, но Илья тут же перебил:

– Сколько ты уже у нас работаешь?

– Два месяца.

– А испытательный срок у тебя три?

– Да.

– Тогда, я думаю, мы можем считать его оконченным.

У Инги упало сердце.

– Илья, я бы действительно хотела извиниться, – волнуясь и чувствуя, что тараторит, залепетала она. – То, что произошло вчера, было абсолютно непрофессионально, и я гарантирую, что это больше никогда не повторится.

– Ты о чем? – Илья выглядел искренне удивленным.

Инга окончательно ступевалась.

– Ну... я о... – Она испуганно покосилась на его правое плечо. Перед глазами у нее отчетливо стояло, как она проводит рукой по этому плечу. Илья не проследил за ее взглядом, и Инга еле слышно закончила: – Я о том, как я себя вчера вела.

Повисло молчание. С кухни было слышно громкое шипение жарящегося мяса.

Илья вдруг расхохотался.

– Ты подумала, что я собираюсь тебя уволить? Да нет же, я говорю, что твой испытательный срок закончен, потому что я не вижу больше смысла тебя тестировать. Ты отлично себя показала на предыдущем проекте, мы берем тебя в штат.

До Инги даже не сразу дошел смысл сказанного, так основательно она приготовилась к худшему.

– Правда? – оторопело пробормотала она.

– Ну конечно. Я тебя за этим и позвал – обсудить результаты твоей работы и вместе подумать, как тебе дальше развиваться у нас.

Инга с шумом выдохнула и наконец смогла улыбнуться, хотя пока еще неуверенно. У нее как камень с души свалился. А она напридумывала себе всяких ужасов! Вот, оказывается, как на самом деле все хорошо!

– Спасибо! – горячо проговорила она. – Я очень рада! Но еще раз прости за вчерашнее, такого больше никогда не случится.

Илья отмахнулся:

– Да я сразу и думать об этом забыл. Ничего страшного не произошло. Все выпили, всем было весело, я не придумал этому никакого значения. Я даже сейчас не сразу понял, о чем ты. А ты переживала?

– Ну да, немного. Эйчары на собеседовании довольно долго об этом говорили – что они следят за атмосферой в офисе и что любые отношения на работе не допускаются, вот я и испугалась, что ты решил...

– Эйчар нагнал жути, у нас все совсем не так строго, – весело сказал Бурматов. – И в любом случае я ничего такого не подумал. О, вот и наши бургеры.

Инга набросилась на еду, хотя еще пару минут назад не чувствовала голода.

– М-м-м, очень вкусно, – льстиво сказала она.

Ей хотелось как-то отблагодарить Илью за то, что ее наконец отпустило. Впрочем, бургер и правда был вкусным.

– Я же говорил. Люблю это место. Вообще очень придирчиво отношусь к мясу, но тут с ним полный порядок. Первый раз я даже удивился – такой неприметный ресторан, сюда никто не доходит обычно.

Они продолжили обсуждать мясо и заведения, где его хорошо готовят, потом вчерашний бар – Илья назвал его чересчур претенциозным, и Инга согласилась. Она поймала себя на том, что очень много смеется – больше, чем это предполагала тема разговора, – но у нее и правда все теперь вызывало безудержную радость. К тому же Илья действительно несколько раз остроумно пошутил.

Он был невысокого роста, коренастый и спортивный. Инга знала, что он ровно на десять лет ее старше – ему было тридцать семь. Носил очки в массивной черной оправе, а волосы укладывал намеренно небрежно, что придавало ему лихой, но немного комичный вид. Инга не могла понять, нравится ли он ей внешне. Ее первое впечатление об Илье, когда она увидела его на собеседовании, было таким же: с одной стороны, все с ним было хорошо – дорогой пиджак, кроссовки, он держался расслабленно и приветливо, хотя в нем чувствовалась самоуверенность. С другой стороны, у него был нос картошкой, который придавал его лицу простецкое выражение. Но самое главное, Инга не могла отделаться от мысли, что если снять с Бурматова костюм, очки и причесать, то он как бы растворится. В нем не было ничего, за что бы цеплялся взгляд, – его внешность и манера вести себя были лишены всякой индивидуальности. Иногда Илья казался ей симпатичным и смешным, а иногда таким неприметным, что она не понимала, как он вообще может вызывать какие-то чувства.

Она снова вспомнила, как вчера гладила его по руке. На этот раз в памяти всплыли подробности вроде рельефа бицепса, который она ощутила сквозь ткань пиджака. Пожалуй, он все же ничего. В конце концов, усредненная привлекательность – тоже привлекательность, разве нет?

Инга обнаружила, что уже минуту задумчиво скользит по Илье взглядом. Она тут же отвела глаза и глотнула воды. Ну что за дура. Только что переживала, что Илья будет к ней подкатывать или уволит за неуместное поведение, а теперь сама фантазирует черт знает о чем.

– На следующей неделе у меня встреча с клиентом, и я хочу взять на нее тебя, – тем временем говорил Илья.

– Меня? – не сразу сообразила Инга, отвлекшись на свои размышления. – Конечно, но я думала, с тобой Алевтина обычно ходит.

Алевтина была начальницей их отдела. Три человека в нем – она сама, Галушкин и Инга – отвечали за внешние коммуникации, а Мирошина и Аркаша – за внутренние. Бурматов же заведовал всем департаментом коммуникаций, куда входил еще и огромный отдел маркетинга, занимавший почти весь их этаж.

– Обычно да, но я хочу вас познакомить, потому что тебе теперь придется много с ними работать. Алевтина, кстати, тебя хвалила.

– Да? – Инга чувствовала, как с каждым новым словом Ильи у нее в груди разливается блаженная теплота.

– Да. И вообще все в команде довольны твоей работой. И я, но я это уже сказал. Ну что, ты доела, пойдём?

Они расплатились и направились к выходу. В дверях Инга опять вспомнила о пятне на блузке и пропустила Илью вперед. Ей сейчас особенно не хотелось, чтобы он заметил в ней какой-нибудь изъян.

Мать позвонила вечером, как только Инга переступила порог своей квартиры.

– Ты помнишь, что обещала привезти мне фотоаппарат? – с ходу спросила она.

Инга мысленно застонала.

– Я не успела сегодня к тебе заехать. Он тебе очень нужен?

– Конечно, очень. Я, можно сказать, всю неделю живу в ожидании этого фотоаппарата.

– Могла бы сказать, что живешь в ожидании меня!

– Ты меня отлично поняла.

Вздыхнув, Инга плюхнулась на кровать.

– Хорошо, я завтра с утра за ним заеду.

– Большое спасибо. Тут, между прочим, очень красиво. И я довязала скатерть. Приедешь, похвастаюсь.

Инга отключилась и вытянулась на кровати во весь рост, глядя в потолок. Потом расстегнула пуговицы на блузке, не вставая, стащила ее с себя и швырнула на пол. Ехать с утра в квартиру матери, а потом еще два часа на дачу совершенно не хотелось, но отказаться было невозможно. Инга пообещала, что вознаградит себя чем-нибудь особенным на следующих выходных.

Утром, когда она проснулась, за окном моросил дождь, а айфон показывал температуру +1. Ингина решимость быть примерной дочерью подверглась серьезному испытанию. Отступить, однако, было некуда, поэтому она поплелась в ванную, где полчаса простояла под горячим душем, а потом сварила кофе и уселась с кружкой за стол перед окном. Она говорила всем, что сняла квартиру из-за этого стола – в сущности, он представлял собой неимоверно широкий деревянный подоконник, за которым было удобно сидеть на высоком стуле и смотреть на улицу. Инга жила на втором этаже, и ее окна выходили во внутренний двор, в центре которого рос каштан. Ей никогда не надоело на него смотреть. Летом, когда на нем распускались листья, даже стены домов вокруг словно зеленели; зимой его крона казалась воздушной, как облако. Любимой частью Ингиного дня было сидеть за подоконником, пить кофе и задумчиво разглядывать каштан в окне. Если у нее по утрам было на это время, она сразу чувствовала, что живет очень правильной, осознанной жизнью.

Это ощущение, хоть и с опозданием, пришло и сегодня, поэтому за фотоаппаратом Инга поехала в хорошем настроении. Из квартиры матери – той, в которой она сама прожила большую часть жизни, помчалась на вокзал, надеясь успеть на хорошую электричку. Ей повезло:

электричка отходила через десять минут. В начале ноября на дачу уже никто не ездил, поэтому внутри было почти пусто. Инга устроилась у окна в середине вагона и закуталась в шарф. По стеклу ручейками бежали капли.

Мать обожала дачу. Она готова была проводить на ней все выходные и отпуск в любое время года и постоянно занималась ее усовершенствованием – делала ремонт, утепляла, шила шторы, вешала и перевешивала картины, вязала пледы. Единственное, чего она категорически не делала, – ничего там не сажала. Для большинства людей дача означала огород – но только не для ее матери. Мать говорила, что это место творчества и она не собирается убивать его такой пошлостью, как грядки.

Участок достался Ингиному отцу – он работал иллюстратором в советском издательстве, и всем сотрудникам полагалось по несколько соток в садовом товариществе. Дом родители построили сами по отцовским чертежам, поэтому он получился особенным, непохожим на типовые дачные постройки. В детстве, проезжая по поселку на машине, Инга всегда с тревогой рассматривала другие дачи, боясь, что встретит ту, которая понравится ей больше, но, подъезжая к своей, каждый раз выдыхала с облегчением – никакая не могла с ней сравниться. Дом был несимметричный, с пристройками и верандами, с окнами под острыми козырьками и даже с флюгером, и походил на замок из сказки, спрятанный в лесу. Внутри он тоже казался ей замком со множеством секретных мест и загадочных предметов – потайные шкафы, деревянные чемоданчики с отцовскими красками, где она каждый раз находила новые наброски, коробка с пожелтевшими газетами, пишущая машинка, мамины гербарии и вазы, которые она привозила из путешествий. Все это Инга обожала рассматривать, когда была маленькой, и даже теперь, приезжая на дачу, испытывала легкое благоговение. Там всегда находилось что-то, чего она раньше не замечала. Особенно после смерти отца. Случайно наткнувшись на его трубку, позабытую на полке за часами, или рисунок, сделанный на полях книги, Инга ощущала трепет, словно нашла еще один недостающий кусочек шифра, который рано или поздно сложится целиком и приведет ее к спрятанному сокровищу.

При всей своей сентиментальной значимости дача нисколько не интересовала Ингу с хозяйственной точки зрения, но мать, кажется, была этому только рада: она ревностно желала обустроить быт сама. Инга ничего не имела против такой увлеченности, хотя порой это все же начинало казаться ей нездоровым. Несколько раз они крупно ругались из-за того, что Инга хотела приехать на дачу с друзьями или с молодым человеком, а мать отказывалась с нее уезжать.

Выйдя на станции, Инга обнаружила, что дождь перестал. Было холодно, но безветренно, в сером небе появились просветы. Вместе с Ингой вышло всего несколько человек. Она дошла до конца платформы и, прежде чем спуститься, оглядела парковку. Мать она заметила сразу. Ее вообще трудно было не заметить – на фоне остальных людей, одетых в черно-серое, она выделялась бордовым пальто и короткими белоснежными волосами. Сейчас она стояла, прислонившись к капоту машины, и курила, пристально, без тени улыбки, наблюдая за приближением Инги.

– Ты не думала подстричься? – было первое, что она спросила.

Инга машинально дотронулась до волос, которые, она и так знала, были убраны в узел на затылке.

– Как ты это определила?

– Челка тебе в глаза лезет.

– Я ее отращиваю.

Мать щелчком выкинула сигарету в кусты и, ни слова больше не говоря, села за руль. Инга кинула сумку на заднее сидение и сама уселась впереди.

– Как добралась? – спросила мать, выезжая с парковки.

– Нормально. Людей почти не было.

- Поэтому я и люблю приезжать сюда осенью и весной. Никого нет.
- Ты всегда любишь сюда приезжать.
- Справедливо. Фотоаппарат привезла?
- Забыла.

Мать оторвалась от дороги и ошеломленно уставилась на Ингу. Та вздохнула.

- Да привезла я его, конечно. Напугать тебя решила.

Мать еще секунду смотрела на нее, а потом опять отвернулась к дороге, ничего не ответив. Инга тоже отвернулась к окну и стала разглядывать мелькавшие за ним деревья.

- Ты любишь осень? – спросила она.
- Я в том возрасте, когда больше не делишь времена года на хорошие и плохие.
- Тебе пятьдесят три.
- Звучит как вечность. Почему ты спросила?

– Ну не знаю. – Несмотря на то, что в машине было тепло, Инга нахохлилась и снова поправила шарф. – Мне осенью как-то грустно. Меланхолия нападает.

- Ты просто идешь на поводу у дураков, которые думают, что осенью принято хандрить.

А на самом деле нужно просто пить хорошее вино и перечитывать классику.

- О, поверь мне, я пью, – мрачно сказала Инга.
- Ну и отлично. Дома, кстати, есть.

Они подъехали к даче. Инга открыла калитку, мать завела машину во двор. Изнутри дома донесся собачий лай.

- Ты заперла Гектора? – укоризненно спросила Инга.
- Не хотела оставлять его на улице.
- Взяла бы с собой.
- Тоже не хотела.

Инга смотрела, как мать идет к дому. Она иногда не понимала, как к ней относиться. То есть, разумеется, это была ее мама и она ее любила, но это чувство было гладким, как булыжник, лежащий на дне. А на поверхности плавало множество других чувств с острыми краями, которые то и дело царапали Ингу.

Чаще всего она испытывала изумление. Ее изумляло то, как мать выглядит – всегда, невзирая на ситуацию. Она могла быть одетой в пижаму или вечернее платье – на нее все глазили. Ингу изумляло и то, насколько мать была к этому равнодушна. Она словно не замечала, какой эффект производит на людей, и это одновременно восхищало и злило. Она никогда не оправдывалась, не извинялась и не спрашивала разрешения. Мать вообще обращала мало внимания на окружающих, хотя назвать ее эгоисткой не поворачивался язык. Она поступала по-своему не потому, что слишком ценила свои интересы, а потому, что считала их универсальным высшим благом. Ей даже в голову не приходило, что у людей может быть иное мнение. Впрочем, как давно заметила Инга, в обществе ее матери иных мнений обычно и не бывало.

Они вошли в дом. Гектор, истерично виляя хвостом, сначала бросился к матери, потом к Инге, потом опять к матери. Она рассеянно погладила его по голове, и он зашелся в экстазе. Гектор был лабрадором, которого мать завела несколько лет назад, когда Инга съехала и стала жить отдельно. Он был самым добродушным псом из всех собак, которых Инга знала, и это воинственное имя ему решительно не шло.

- Пойдем к реке, – сказала мать. – Хочу пофотографировать.

Они вышли из дома и зашагали по поселку. Мать несколько раз останавливалась и щелкала фотоаппаратом – что она снимала, Инга не понимала, но не спрашивала. Гектор трусил впереди, то и дело оборачиваясь. Если он видел, что люди отстали, то садился и ждал.

Река была совсем рядом, на нее открывался вид с холма. Летом холм и берег утопали в зелени и тропинка, ведущая вниз, еле угадывалась в лопухах, но сейчас все кругом было голым и безжизненным. От пышных кустов у воды остались только черные, словно обгорев-

шие, остовы. Река казалась сизой, а песок на берегу – серовато-белым. На холме дул пронизывающий ветер, и Инга быстро продрогла. К счастью, под холмом он почти не чувствовался.

На берегу Инга уселась на бревно, которое служило тут лавочкой, и смотрела, как мать фотографирует одной ей видимые картины. Несколько раз она шелкнула и Ингу, а потом неожиданно увлеклась и стала командовать, как той лучше сесть и куда направить взгляд. Инга была уверена, что выглядит отвратительно – с растрепанными от ветра волосами и с красным носом, но не спорила, потому что знала: это бесполезно. К тому же приходилось признать, что у матери был талант – обычно на фотографиях, сделанных ею, Инга оказывалась красивее, чем думала о себе. Она много раз еще подростком приставала с вопросом: «Это ты меня так видишь?», втайне надеясь выклянчить похвалу. Мать не поддавалась на провокации и всегда невозмутимо отвечала, что видит только удачный кадр, а то, похожа Инга на себя или нет, – случайное стечение ракурса, света и выражения лица.

Когда стало совсем холодно, они вернулись в дом и начали готовить обед. Мать обожала готовить, но Инга никогда не разделяла ее увлечение. Обычно ее участие ограничивалось тем, что она сидела на кухне и поддерживала беседу. Сейчас она рассказывала, что ее испытательный срок на работе закончился на месяц раньше, чем должен был.

– Не сомневалась, что так и будет, – сказала мать, стоя к ней спиной и помешивая овощи на сковороде.

– Почему? – спросила Инга, заподозрив подвох.

– А почему нет? У тебя хороший опыт, и ты быстро схватываешь.

– Что я слышу! Неужели это комплимент?

Мать ничего не ответила, но когда она на секунду повернулась, Инга увидела, что она улыбается.

После обеда мать заявила, что хочет почитать, а Инга, взяв кофе, отправилась на второй этаж. Там было две комнаты – в одной, приезжая на дачу, она спала, а вторая была завалена вещами. «Отцовский хлам», – презрительно говорила мать, при этом ничего оттуда не выбрасывая. Усевшись в кресло, Инга пододвинула к себе коробку с пластинками и стала их перебирать, читая названия композиций и описания альбомов. Почти все здесь был джаз. Инга не стремилась найти что-то конкретное, ей просто нравилось рассматривать обложки и по потрепанности конвертов определять, какие отец слушал чаще. Она делала это не впервые, но каждый раз испытывала совершенное умиротворение в процессе, как будто это был особый вид медитации. Просмотрев все пластинки, Инга стала перебирать книги на полке над столом – их она тоже знала наперечет, но ей никогда не надоедало. Среди книг появилась одна новая – видимо, мать поставила – «Витязь в тигровой шкуре». Инга начала ее читать и не заметила, как уснула.

Вечером они решили пить вино на веранде: вынесли туда два плетеных кресла и гору одеял. Инга думала, что сразу замерзнет, но было хорошо – то ли стало теплее, то ли вино согревало. Еле слышно шелестел дождь. Мать много курила.

– Как поживает Кирилл? – спросила она, в очередной раз затянувшись.

Инга закатила глаза.

– Мама, мы расстались с ним полгода назад.

– Вы и раньше все время расставались, а потом мирились.

– На этот раз окончательно.

Мать помолчала, глядя в лесную темноту перед собой. Потом снова спросила:

– И что, ты теперь одна?

– В основном.

– Завела бы себе тиндер.

Инга покосилась на мать и, кажется, успела поймать ее самодовольное выражение.

– Ты считаешь, мне обязательно кто-то нужен?

– Мне кажется, это отличное развлечение. Если бы он был в мое время, я бы точно его себе завела.

– Расскажи, как ты познакомилась с папой.

– Я же сто раз рассказывала.

– Ну еще раз.

– Он позвал меня к себе домой и поставил пластинку с Телониусом Монком. Больше я не уходила.

– Ой, а может, сейчас поставим? – Инга даже привстала, воодушевленная идеей. – Его проигрыватель наверху работает?

Мать выдохнула дым и не пошевелилась. Инга замерла, ожидая, что она скажет.

– Ты знаешь, – задумчиво проговорила мать, – мне кажется, я никогда особо не любила джаз.

Инга откинулась в кресле и подоткнула одеяло под ноги.

– Почему же ты тогда «больше не уходила»? – почти обиженно спросила она.

– Видимо, я зато любила твоего отца.

Поздно вечером, уже лежа в кровати, Инга открыла тиндер и принялась быстро его листать. Она установила приложение еще год назад, когда впервые рассталась с Кириллом, а потом так и не удалила, но матери признаваться в этом не собиралась.

Впрочем, тиндер приносил ей исключительно разочарование. Если верить ему, все мужчины делились либо на розовощеких толстяков с жидкой челкой, которые рассуждали о том, какой работающей, сексуальной и покорной должна быть женщина, либо на оффотошопленных кудрявых красавцев, в существовании которых Инга здорово сомневалась. Была еще небольшая прослойка шутников со смешными фотками и нелепыми фразочками в профиле – при такой скудости выбора Инга задерживалась на их страницах чуть дольше. Однако мужчин, которые ей бы по-настоящему нравились, почти не попадалось. За весь год у нее было два или три тиндер-свидания, и все они не зашли далеко.

Смахнув влево очередную анкету, Инга некоторое время созерцала следующую, пока не заскриншотила ее и не отправила Максиму. Страница принадлежала мужчине с волосами, убранными в хвост, который в описании рассуждал о своих сексуальных требованиях к женщине, не стесняясь деталей, но при этом заменял слово «секс» на «кекс». Инга и Максим обменялись скриншотами впечатливших их аккаунтов и едко шутить на их счет.

Спустя десять минут бессмысленного листания Инга ощущала смертельную скуку, но спать не хотелось и заняться больше было нечем. Она зашла в настройки и увеличила возрастной диапазон претендентов с тридцати пяти лет до тридцати семи. В конце концов, если она не встретит среди них свою судьбу, то хотя бы найдет новый источник для шуток с Максимом.

Она почти бездумно смахнула еще несколько анкет влево и вдруг замерла.

На экране был ее начальник, Илья Бурматов. В профиле всего три фотографии – на первой, основной, он одет в белую футболку, на лице солнцезащитные очки, улыбается расслабленно, позади – ослепительное море. На второй катается на серфе – лица не разглядеть, зато отлично видно мускулатуру. На третьей он в свитере с оленями на фоне наряженной елки – фотография явно студийная, и ее пошлость несколько уравновешивалась скептическим выражением лица Ильи.

Инга внимательно изучила каждую фотографию. На фотке с серфом задержалась особенно долго: ее пленила самовлюбленность, которую, очевидно, испытывает человек, выкладывающий такие снимки. Все фотографии относительно свежие – по крайней мере, Илья сейчас выглядел точно так же. При этом камера явно его украшала – в жизни он не казался ей таким привлекательным.

Рассмотрев каждую деталь, Инга перешла к самому профилю. В нем была всего одна фраза на английском: «More like Russell and 'state your intentions', less like Sartre and 'my mental

mess is cute'». Инга тут же зауглила фамилию Рассел и, продравшись сквозь юмористов, актеров и баскетболистов, нашла на Википедии статью про философа Бертрана Рассела. Она ничего про него не знала. Фраза ей, однако, понравилась. Означает ли это, что Илья Рассела читал? Инга уважала начитанных людей. Или он просто подсмотрел где-то фразу? На всякий случай она зауглила и ее, но совпадений не нашла.

В профиле была и ссылка на инстаграм – самая любимая Ингина часть в путешествиях по тиндеру. Она обожала рассматривать фотографии и читать посты – при скудности тиндеровских анкет настоящее знакомство могло произойти только через них. Инга сама не вела инстаграм и использовала его для того, чтобы подглядывать за другими. Из всех коллег она уже находила мирошинский и Алевтинин, а искать инстаграм Ильи ей раньше даже не приходило в голову.

Он вел его не то чтобы часто, но стабильно – примерно одна фотография в месяц. Инга тут же нашла снимки с морем и серфом – сделаны год назад, геотег – Шри-Ланка. Оттуда же были и другие фотки – закат на каком-то пляже (ничего особенного), Илья взбирается на скалу (впечатляющий бицепс), коктейль с зонтиком крупным планом. Среди более поздних фотографий – Илья на какой-то вечеринке, в пиджаке и с бокалом шампанского, Илья что-то кричит на хоккейной трибуне, Илья едет на велосипеде, селфи Ильи в огромных наушниках. На всех фотографиях он был один. Инга пролистала инстаграм ниже. Взгляд выхватил кадр с наряженной елкой. Инга полистала карусель – снимков оказалось несколько. Действительно, студийная фотосессия – белоснежный камин, мягко светится гирлянда, под елкой гора подарков разной формы в блестящей бумаге. Фотографию, где Илья был один, Инга уже видела в тиндере, на остальных трех он был запечатлен в обнимку с какой-то девушкой. Инга рассмотрела ее с дотошностью. Она была очень красивой – с огромной копной золотых кудрей и фарфоровой кожей. Отметки на ее профиль не стояло, в подписи к фоткам – одна-единственная фраза: «С Новым годом!» Дата публикации – 31 декабря два года назад. Инга еще раз внимательно пролистала более поздние снимки – девушка больше ни на одном не появлялась. Инга снова вернулась к новогоднему посту. Посмотрела три комментария и все 112 лайков, но ее аккаунта среди них не нашла.

Она сама не очень понимала, почему ее так захватило это расследование. Ясно, что Илья с этой девушкой давно расстались. Однако она казалась такой исключительно красивой, что Инга испытала что-то вроде уважения к самому Илье. Очевидно, он тоже был в чем-то исключительным, если привлек такую красавицу.

Инга вернулась к его профилю в тиндере, заскриншотила первую фотку, фотку с серфом и отправила Максиму: «Прикинь, наткнулась в тиндере на того самого своего начальника». Лежа в кровати, некоторое время смаковала мысль: а вот взять бы сейчас и смахнуть анкету вправо. Она знала, что не сделает этого, но фантазировать о такой шалости было приятно.

«Ого, – написал Максим. – Понимаю, почему ты решила к нему подкатить».

«Да не решила я к нему подкатить, – сразу же заволновалась Инга. – Я так нажралась, что могла бы гладить ножку стола».

«Я шучу. Но вообще он ничего такой».

«Это фотки, в жизни хуже».

«Для человека, у которого не было секса шесть месяцев, тебе удастся быть на удивление беспристрастной!»

«Да при чем тут секс! Ты с ума сошел? Он мой начальник, это вообще не обсуждается».

«Тихо-тихо, не кричи».

«Спокойной ночи».

Инга почти стукнула по экрану, с раздражением закрыв телеграм. Несколько секунд она разглядывала разноцветную мозаику иконок на телефоне, после чего снова нажала на значок

тиндера. Открылся профиль Ильи. Инга опять пролистала его фотографии, потом еще раз – в обратную сторону, а потом решительно отложила телефон на тумбочку и закрыла глаза.

Встреча с новым клиентом была запланирована на вторник, и в то утро Инга собиралась с особенной тщательностью. Она так старательно рисовала себе стрелки, что переборщила, и ей пришлось бежать умываться, чтобы успеть нарисовать их заново. Волосы, которые она почти всегда носила собранными на затылке, сегодня тоже никак не желали ложиться. В пятый раз распуская их и укладывая снова, Инга с досадой размышляла, почему так всегда бывает: когда идешь, например, в магазин и наспех завязываешь хвост, то выглядишь королевой, а когда час собираешься перед важной встречей, ничего не выходит.

Что она наденет, Инга решила еще накануне, но, покрасовавшись в своем наряде перед зеркалом, решила вдруг, что выглядит чересчур фривольно. Юбка была слишком коротка для деловых переговоров. Инга выбрала другую, длинную, но все равно осталась не удовлетворена собой – теперь она походила на бабку. В конце концов Инга надела простое синее платье чуть выше колен – она знала, что это платье очень ей шло, и поэтому обычно приберегала его для случаев, когда нужно было произвести впечатление.

Она и правда хотела произвести впечатление – но не столько на клиентов, сколько на Илью. Раз он взял ее в команду до конца испытательного срока, да еще и хочет поручить отдельный проект, она должна показывать себя с лучшей стороны.

– Божечки, где ты купила это платье?! – воскликнула Мирошина, когда Инга подошла к своему рабочему месту. Мирошина следила за ее приближением от самой двери офиса. – Тебе так идет!

– Да я его года три назад покупала, – отмахнулась Инга. На самом деле ей было приятно. – В Лондоне.

– Прямо качество, сразу видно. У нас тоже можно такое отловить, но надо искать. Кстати, Бурматов уже подходил и просил тебя зайти.

Инга тревожно посмотрела на экран телефона – было девять ноль две. Вряд ли это считалось опозданием.

Дверь в кабинет Ильи была открыта. Инга вежливо постучала костяшками пальцев о дверной косяк и спросила:

– Звал?

В их компании к начальникам было принято обращаться на «ты» – в рамках все той же показательной демократичности.

– Да. – Илья не сразу поднял глаза от монитора. – Заходи. Хотел тебе дать материалы по Сберу.

– По Сберу?

– Клиент, с которым мы встречаемся.

– Ого, – удивилась Инга. – Ничего себе. Круто.

Илья наконец оторвался от компьютера и посмотрел на нее. Его взгляд блуждал по ее платью ровно столько, чтобы Инге стало одновременно лестно и немного неловко.

– Мы с ними уже работаем по другим проектам, но это новый. Софт для банкоматов. Хочу, чтобы ты внимательно посмотрела, что мы делали с ними раньше, – наконец сказал Илья. – Сейчас расшарю тебе презентации. А вот здесь, в папке, бумажные отчеты. Тоже можешь взглянуть.

Инга взяла со стола папку и помедлила, ожидая, что Илья скажет что-то еще. Он, однако, сразу же уткнулся в компьютер, показывая, что разговор окончен. Как только Инга вернулась на свое рабочее место, ей в почту упало письмо с каким-то вложением – видимо, те самые презентации. Она уже хотела щелкнуть по нему мышкой, но тут ей пришлось еще и сообщение.

«Был так впечатлен, что даже забыл сказать: отлично выглядишь».

Инга помедлила, прежде чем ответить «спасибо». Она чувствовала, что жар бросился ей в лицо. Всего лишь вежливый комплимент, строго сказала она себе, но сердце толкалось и подпрыгивало: зачем было присылать его отдельно? К тому же она снова обратила внимание, что Илья написал ей в телеграм, а не в рабочий мессенджер.

Встреча оказалась настолько короткой, что ее основная часть закончилась раньше, чем им успели принести кофе. Все здесь друг друга знали, так что поводом собраться, как быстро поняла Инга, стало просто знакомство с ней. Она чувствовала признательность, но еще больше – удивление: Илья сам привел ее, чтобы представить. Инга попыталась поговорить о проекте, но на нее замахали руками: все рабочие вопросы потом, один на один с девочкой из их пиар-отдела (она тоже была на встрече и, в отличие от Инги, выглядела скучающей). Разговор о сотрудничестве все же зашел, хотя обсуждали старые дела, и несмотря на то, что обращались только к Илье, Инга все равно чувствовала себя очень значительной.

– Пообедаем? – спросил Илья, когда они вышли из офиса Сбербанка. – Тут недалеко есть стейк-хаус, который я люблю.

Инга подумала, что стейк-хаус в разгар рабочего вторника звучит чересчур шикарно, о чем она и сообщила Илье. Он скривился.

– Не люблю есть абы где. Жизнь для этого слишком коротка. – Он засмеялся, и Инга тоже из вежливости улыбнулась, хотя это замечание показалось ей на редкость пошлым. – В общем, не вижу смысла идти в другое место, если это буквально за углом. Даже ехать не надо. Я, конечно, угощаю.

Инга запротестовала, но Илья уже не слушал ее, решительно зашагав по улице. Ей ничего не оставалось, кроме как семенить за ним следом.

Ресторан в самом деле оказался совершенно неуместным для рабочего обеда; он подходил скорее для свиданий. Она чувствовала себя скованно, что по контрасту с подчеркнутой беспечностью Ильи ее беспокоило. Инга пыталась понять, напрасно ли переживает. Строго говоря, переживать было не о чем, но она все равно нервничала.

Илья опять пустился в рассуждения о том, в каких ресторанах хорошая кухня, и Инга подумала, что он просто не знает, о чем с ней говорить. Однако если он сам и чувствовал замешательство, то виду не подавал – наоборот, разглагольствовал с таким упоением, словно это была его любимая тема. Его увлеченность постепенно убаюкала Ингу, и она расслабилась.

– Ты любишь готовить? – спросил Илья.

– Нет. Терпеть не могу всю эту возню, если честно. Люди, которые отдыхают при этом или тем более получают удовольствие, – просто фантастические существа для меня.

– Это я! – рассмеялся Илья. – Обожаю готовить. Ну, не пироги печь, а такую brutальную мужскую еду. – Он скорчил свирепое лицо и тут же опять рассмеялся. – В моем доме кухня – особое место. Я не пускаю туда непосвященных.

На этих словах он так многозначительно посмотрел на Ингу, что она испытала потребность как-то оправдаться.

– Да я и не претендую, – сказала она, улыбнувшись.

– Как знать, может, тебя я когда-нибудь и посвящу.

Инга, разрезавшая стейк, быстро вскинула на него глаза, но Илья уже продолжал как ни в чем не бывало:

– А ты чем любишь заниматься?

Она пожала плечами.

– Да ничем особенным. Рисую немного. Мой отец был художником.

– Ого! Знаменитым?

– Он иллюстрировал советские детские книжки. Ты наверняка видел что-то из его работ, но не знал, что это он.

– И ты пошла в отца?

– Не сказала бы. Даже наоборот. Когда поняла, что рисовать как он я не буду, сразу бросила. Но на уровне хобби это осталось.

– А у тебя есть какие-нибудь фотки того, что ты рисовала? Покажи!

Если Илья и раньше казался преисполненным энтузиазма, то теперь у него прямо-таки загорелись глаза. Инге на секунду почудилось, что все это игра, – уж слишком нарочитым казался такой интерес. Тем не менее она послушно открыла фотографии на телефоне, полистала и нашла акварельный рисунок их дачного дома, который она сделала прошлым летом.

– Это очень хорошо, Инга, – одобрительно сказал Илья, раздвигая пальцами изображение на экране и вглядываясь в детали. – Мне кажется, ты могла бы быть художницей. Покажи еще что-нибудь.

Инга закрыла фотографию и секунду помедлила, вспоминая, где еще могли быть сохраненные рисунки, но, прежде чем она успела перелистнуть страницу, Илья сам ткнул в другой снимок. На экране открылось ее селфи с Кириллом, сделанное в тот же приезд. Дача виднелась за их спинами.

– Это тот самый дом, что ты рисовала? – спросил Илья, снова бесцеремонно тыча пальцами в телефон и увеличивая фотографию. Сначала он посмотрел на дачу, потом передвинул кадр ниже и стал рассматривать Кирилла.

– Да, – коротко сказала Инга и забрала телефон.

– А это твой молодой человек?

– Бывший.

– Оу, сочувствую.

– Не стоит.

Инга испытывала сразу много разных чувств – негодование оттого, что Илья без спроса полез в ее телефон, вторгнувшись в область, куда она его не приглашала; неловкость, что он увидел их с Кириллом; и вместе с тем – странно – еле заметное облегчение потому, что она назвала Кирилла бывшим и этим сразу расставила все по своим местам.

– Извини, если влез, куда не следовало, – сказал Илья, словно прочитав ее мысли. – Увидел дом на фотке и захотел посмотреть. Ты действительно очень хорошо рисуешь, тебе не стоит бросать. А это твой дом?

– Это наша дача, – нехотя ответила Инга. Она все еще была немного недовольна. – Отец с матерью ее построили.

– Кажется, там очень красиво. Далеко от Москвы?

– Под Дубной.

– Забавно, у меня у знакомых там дача недалеко. Как раз ездил к ним на выходных. Может, вы соседи?

Инга пожала плечами. Ее раздражение постепенно прошло, и она улыбнулась.

Когда им принесли счет, Илья вложил в него свою карточку и отодвинул на край стола.

– Сколько я тебе должна? – спросила Инга, доставая из сумки кошелек.

– Нисколько.

– Илья, я так не могу. С какой стати ты будешь за меня платить?

– Почему бы и нет?

Илья сидел напротив, положив руку на спинку соседнего стула, и, как показалось Инге, наслаждался ее смущением.

– Потому что ты мой начальник, – твердо сказала она.

– Я твой начальник, и у меня больше зарплата. И это я тебя сюда пригласил. Поэтому не придумывай. В другой раз ты меня угостишь.

Инга с непроницаемым лицом убрала кошелек обратно в сумку. Ей очень не нравилось чувствовать себя в долгу, но было ясно, что Илья не собирается уступать, и продолжать спор становилось унижительно. Тем не менее Инга отметила про себя, что Илья уже второй раз за

разговор намекает на общее будущее. Если обещание еще одного совместного обеда было, скорее всего, просто попыткой успокоить ее, то фраза про кухню для посвященных звучала уже не так невинно. Впрочем, Инга тут же сказала себе, что слишком заморачивается. Чем меньше придавать значения случайным словам, тем легче избегать двусмысленности. Они вышли из ресторана и направились к машине.

Вечером в метро по дороге домой Инга снова залезла в тиндер. После сегодняшнего ресторана она подумала, что сто лет не была на свиданиях. Ее воодушевление, впрочем, быстро сошло на нет: за несколько минут Инга смахнула вправо несколько приятных, но малообещающих анкет, остальные по привычке почти без раздумий отправила влево.

Она давно сделала вывод, что выбор пары в интернете ничем не отличался от интернет-шопинга – человечность в обоих случаях равнялась нулю. Это было не бог весть какое открытие, но Инга не переставала удивляться сходству. И если в обычной жизни еще было место случайности, импровизации и внезапному порыву, то поиск чего бы то ни было в интернете ограничивался сухими характеристиками.

Например, если она покупала платье онлайн, то сразу проставляла в фильтрах нужные галочки: черное, средней длины, с круглым вырезом, размер XS. Потом она листала отобранные модели одну за другой, пытаясь представить, как они будут на ней смотреться. Даже если ей казалось, что вещь ей подходит, и она ее заказывала, реальность почти всегда расходилась с ожиданиями: то ткань была слишком тонкой, то размер не подходил. В жизни таких проблем не бывало: взгляд как-то сразу сам выхватывал нужное, и хотя в конечном счете это могло быть вовсе не черное, не средней длины и иногда даже не платье, Инга уходила из магазина абсолютно счастливой.

С людьми было так же: в обычной жизни Инга часто влюблялась в мужчин, несколько не отвечающих ее формальным требованиям, но когда она листала анкеты в тиндере, формальность была ее единственным ориентиром. Она хотела, чтобы ее партнер был худым, – все люди с лишним весом смахивались влево; высоким – туда же отправлялись коротышки; некурящим – минус претенденты с сигаретой на фотографиях. Ей не нравились тусовщики с фотками из клубов, люди без высшего образования, сексисты, безработные, не говоря уже о женатых и тех, кто искал девушку для секса втроем или «госпожу». У остроумцев с избитыми шутками тоже не было шансов – стоило Инге заметить в профиле фразу «если спросят, где познакомились, скажем, что в библиотеке» (эта формулировка встречалась ей безобразно часто), как она моментально теряла интерес. Преимуществом в Ингиных глазах пользовались мужчины с хорошими вузами и работой, машиной, английским языком, с милыми собаками и без посторонних женщин на фотографиях. Однако даже если претендент проходил сквозь сито ее формальных требований, Инга давно убедилась, что на свидании ее все равно ждет разочарование.

Циничность собственного подхода ее расстраивала. Инга предпочла бы встретить любовь случайно и навек, а не рассудочно выбирать мужчину из представленного ассортимента, сопоставляя их рост и наличие водительских прав. С Кириллом Инга познакомилась, когда он чуть было не сбил ее в парке на велосипеде, – и несмотря на то, что в конечном счете избежать разочарования не удалось, вспоминать хотя бы начало отношений было приятно.

С Ингой, однако, редко знакомились случайно. В университете она всерьез тревожилась из-за этого: у всех ее подружек был ворох историй, как парни пытались склеить их в метро или в баре, как таксист клянчил номерок или пьяная компания на улице свистнула вслед, и только с Ингой ничего подобного никогда не случалось. Это было даже обидно, потому что, вообще склонная к тревожности и самоанализу, тут Инга не сомневалась: она красивее всех своих подружек. Тем не менее, если в пятницу она шла с ними в клуб, то через два часа с изумлением наблюдала, как все постепенно обзаводятся поклонниками и только Инга, а вместе с ней еще одна девочка из их компании, толстая Катя, остаются без пары.

Кирилл был первым молодым человеком, познакомившимся с Ингой на улице (хоть и не при совсем обычных обстоятельствах). Ему же она в приступе откровенности и пожаловалась на это, когда они встречались уже несколько месяцев. «Может, у меня лицо какое-то не такое? – с искренним беспокойством спрашивала Инга. – Слишком строгое? Умное? Отталкивающее?» Кирилла, казалось, умилило ее огорчение. «Я давно это понял, но ты – пример как из учебника, – сказал он с иронией. – Самые одинокие бабы – красивые. Все боятся с ними знакомиться. Кажется, у них и так миллион мужиков, и поэтому тебе вообще ловить нечего. А на самом деле все наоборот – они как раз самая легкая добыча, потому что истосковались по вниманию, да еще и успели напридумывать себе неизвестно что. Прямо как ты». На Ингу эти слова произвели большое впечатление в особенности потому, что Кирилл вроде бы сделал ей комплимент, но она чувствовала себя не польщенной, а униженной. Впрочем, Инга вскоре поняла, что это касалось почти всего, что делает Кирилл: его самые благие намерения были как будто с душком. Например, он с готовностью бросался на помощь, когда нужно было забить гвоздь или донести что-то тяжелое, но при этом принимал почти раздраженный вид, словно своей попыткой справиться в одиночку Инга наносила ему личное оскорбление. Она боролась с собой, чтобы поблагодарить его искренне, но у нее не слишком-то получалось.

На экране высветился пуш, что у Инги образовалась новая пара, – она не торопясь нажала на уведомление, чтобы посмотреть с кем. Его звали Антон, он был худой и высокий. В сфере работы написано «IT», образование – МГУ. На одной фотографии он смеялся, сидя за барной стойкой в каком-то пабе, на второй – стоял посреди леса, засунув руки в карманы джинсов. Симпатичный, но ни одного слова в разделе «о себе» – Инга такое не любила, слишком велико пространство для сюрпризов.

Почти сразу же от него пришло сообщение:

«Привет. Как дела?»

Инге с первого взгляда не понравилась эта точка после «привет» – как будто человек настолько не заинтересован в беседе, что даже не расщедрился на восклицательный знак. Отдельного неодобрения заслуживала банальность вопроса. Она сухо ответила:

«Привет. Хорошо. Как у тебя?»

«Застрял в лифте. Дай, думаю, в тиндер пока зайду – а тут ты. Может, не напрасно застрял».

Это было уже кое-что.

«Сочувствую, что застрял, – написала Инга. – Но по крайней мере, у тебя там ловит связь».

Ее поезд начал замедлять ход, и она оторвалась от телефона, чтобы послушать объявление станции. Станцию не объявили – вагон остановился в тоннеле. За стеклом виднелись переплетения труб, покрытых многолетней пылью. Моргнул свет, поезд издал шипение, похожее на усталый вздох.

«А ты что делаешь?» – пришло сообщение.

«Ты не поверишь, но кажется, я застряла в вагоне метро».

«Возможно, это знак».

– Уважаемые пассажиры! – с неправдоподобной радостью объявил женский голос. – Поезд сейчас отправится! Просьба сохранять спокойствие.

«Куда едешь?» – спросил Антон.

«Домой с работы».

«А кем работаешь?»

«Пиарщицей. А ты?»

«Программистом».

Поезд продолжал стоять на месте. Механический женский голос повторил объявление.

«А чем ты занимаешься в свободное время?» – написала Инга скорее из вежливости: разговор не слишком ее занимал, но она сама ненавидела, когда люди, с которыми она переписывалась в тиндере, отвечают односложно и не задают встречных вопросов.

«Да всем. Читаю. Смотрю кино. Хожу в походы в горы. Сложно ответить на этот вопрос что-то оригинальное. Знаешь, у половины девушек в тиндере написано, что они любят «кофе и путешествовать», – но наверняка они все правда это любят».

«Должна признаться. Я тоже люблю кофе и путешествовать».

«Я не осуждаю тебя».

Инга улыбнулась. Возможно, этот Антон не так уж плох. По крайней мере, он был способен на длинное сообщение с обилием знаков препинания. Ингины ожидания от общения в сервисах онлайн-знакомств были поразительно низки.

– Уважаемые пассажиры, будьте внимательны, поезд отправляется, – пробубнил в микрофон машинист.

Следующая станция была Ингина – «Аэропорт».

«Я выбрался из лифта», – написал Антон.

«А я – из метро».

«Хм, тиндер говорит, что ты находишься в одном километре от меня».

Инга проверила – под фотографией Антона и правда стояло указание: «в 1 км от вас».

«Я живу на Соколе, а ты?» – написал он.

«На Аэропорте».

«Мне кажется, это все и правда знак. Как ты смотришь на то, чтобы встретиться?»

Инга, глядя в телефон, налетела на ступеньку.

«Что, прямо сейчас?» – спросила она. Одно дело было абстрактно мечтать о свидании, другое – пойти на него вот так сразу.

«Ну да. Если ты, конечно, не занята».

Инга отошла к стене, чтобы не мешать идущим мимо людям, и замерла над экраном телефона. Что написать – устала? Дела дома? Давай в другой раз, ближе к концу недели? Она была вовсе не настроена на встречу так быстро.

Антон, видимо, почувствовал ее колебания. На экране появились три мигающие точки – он что-то печатал, – а потом возникло сообщение:

«Между Аэропортом и Соколом есть кофейня. Раз уж ты любишь кофе. Долго сидеть не предлагаю».

И почти сразу же еще одно:

«Столько совпадений за вечер – это нужно отметить».

Инга, которая уже решила было отказаться, сославшись на то, что ей рано вставать, опять замерла над экраном. Не то чтобы слова Антона звучали особенно убедительно, но должно же быть в жизни место спонтанности. Он, в конце концов, не производил отталкивающего впечатления, совпадения и правда были забавными, а она сегодня была в красивом платье.

«Ладно, – написала Инга. – Давай, только недолго. Где эта кофейня?»

Домой она вернулась в первом часу ночи и сразу же завалилась спать. В кофейне они с Антоном просидели недолго и вскоре переместились в соседний бар, но почти не пили – все время разговаривали. Когда Инга посмотрела на часы, было без двадцати двенадцать, и хотя уходить не хотелось, она все же заставила себя собраться. Ингу вдруг охватило беспокойство: все идет так хорошо, что лучше поскорее закончить вечер, пока ничего не случилось. Она боялась, что в последний момент что-нибудь испортит ее впечатление.

Антон проводил Ингу до дома, и у подъезда она опять встревожилась – вдруг он сейчас начнет напрашиваться в гости? Это относилось как раз к категории вещей, портящих впечатление. Антон, однако, напрашиваться не стал и, расставаясь с ней, вел себя так естественно,

словно ему это даже в голову не пришло: на прощание приобняв Ингу, он зашагал по улице обратно, не оборачиваясь. Инга, которая уже морально приготовилась ему отказывать, почувствовала некоторую досаду – приглашать его к себе она, допустим, пока не хотела, но уж поцеловать ее он мог бы!

Несмотря на то, что накануне она легла позже обычного, утром Инга проснулась до будильника и тут же вспорхнула с кровати. Она протанцевала в ванную, а оттуда на кухню. Кофе, который она каждое утро варила в турке, вскипел и убежал, пока она засмотрелась на облетающий каштан за окном, но Ингу это не расстроило.

В отличие от вчерашнего, сегодня был именно тот день, когда ей удавалось хорошо выглядеть, не прикладывая особых усилий. Одевшись и накрасившись, она сначала полюбовалась собой в зеркало издали, а потом подошла ближе и внимательно изучила лицо. Инга вообще обожала рассматривать свое отражение. В детстве у нее в комнате было зеркало, прикрепленное к дверце шкафа с внутренней стороны. Открыв дверцу, Инга пряталась за ней и, усевшись на пол, часами смотрела на свое отражение. Она поворачивала голову из стороны в сторону, наблюдая, как по лицу перемещается свет, корчила рожи, зажмуривалась и пыталась сделать такое выражение, как у нее было, например, днем раньше, когда в школе ее похвалили у доски и поставили пять, – а потом открывала глаза и запоминала, как выглядит это выражение. Когда мать застукивала ее за этим занятием, то непременно отгоняла от зеркала и угрожала вдогонку, что если слишком много собой любоваться, то «вся красота пропадет». Ингу это здорово пугало – материнский авторитет был для нее нерушим, и она волновалась, что зеркало и вправду может вытянуть часть красоты. Особой ценности в своей она, впрочем, не видела, но было бы грустно, если бы ей стало нечего рассматривать.

По прошествии лет Инга обнаружила, что зеркала не только не отнимают красоту, а, наоборот, позволяют ее оттачивать, и бесстрашно стала этим пользоваться. Оно обожала краситься потому, что это позволяло ей добрых полчаса рассматривать детали лица, все еще корчила рожи и иногда даже разговаривала со своим отражением. При этом Ингу по-прежнему очаровывала не столько собственная внешность (привилегия людей, привыкших к своей красоте), сколько сама возможность исследовать ее.

Сообщение от Антона опять пришло, когда она ехала в метро, – он интересовался, как ей спалось. К этому моменту Инга уже начала беспокоиться, почему он не пишет, и раздумывала, не написать ли первой. Когда телефон завибрировал и она увидела имя на экране, сердце подпрыгнуло. Инга быстро ответила, что спалось ей отлично и проснулась она в прекрасном настроении.

«Я тоже и сразу подумал, что нам надо увидеться снова», – написал Антон.

Инга счастливо улыбнулась экрану. Она обожала это чувство в самом начале отношений: недосказанность, сомнения, а потом – постепенно крепнущая уверенность, что человек в тебе нуждается.

«Можно в пятницу», – написала она.

«Давай. Никуда не нужно будет торопиться».

Инга входила в офис окрыленной.

Она продолжала переписываться с Антоном все утро и на планерке, которая традиционно бывала у них по средам, то и дело украдкой поглядывала в телефон. Вообще-то пользоваться техникой во время совещаний запрещалось, но Инга стратегически заняла место сбоку и немного позади Ильи, чтобы он ничего не заметил. Подводя итог большого проекта, окончание которого они так постыдно для Инги отметили на прошлой неделе, Илья похвалил ее и сообщил всем, что Инга теперь – полноправный член команды и будет заниматься Сбербанком.

На этих словах все повернулись к Инге, и она торопливо опустила руку с телефоном под стол, но, кажется, ее маневр от Ильи не укрылся. Он нахмурился и тут же отвернулся, ничего не

сказав. Стали обсуждать дела на неделю. Инга почувствовала себя виноватой – ее тут хвалят, а она, как школьница, переписывается из-под парты.

Обедать они обычно ходили всем отделом. Место каждый раз выбирала Мирошина, и все покорно шли за ней. Инга быстро поняла почему: если кто-то другой осмеливался настаивать на своем выборе, то Мирошина, конечно, соглашалась, но в кафе мучительно долго делала заказ, дотошно выпрашивала у работников за стойкой ингредиенты любого бутерброда (в составе обязательно находилось что-нибудь, что она не ела), а в итоге ограничивалась пирожным и кофе. Все эти действия она совершала подчеркнуто стоически, без тени недовольства, так что остальным, конечно, становилось перед ней особенно неловко.

Мирошинским фаворитом было заведение, где готовили только салаты, поэтому туда они ходили чаще всего. Мирошина выбирала его за диетичность, но, глядя на ее тарелку, в которой листья салата были смешаны с карамелизованной грушей, куриной печенью, кедровыми орешками и клюквенным соусом, Инга временами испытывала зловредное желание положить конец этой иллюзии.

Они уселись за стол номер восемь – они всегда садились за него, потому что он был самым большим, и Галушкин сказал:

– Поздравляю со Сбербанком. Вообще-то мороки с ними будь здоров – они довольно капризные, – но опыт интересный.

– Паша вел предыдущие два проекта, – тут же влезла с пояснениями Мирошина. Едва сев за стол, она нахмурилась и сразу же стала смахивать салфеткой невидимые крошки.

– Я не знала, – сказала Инга. – Обращусь к тебе, если будут вопросы?

– Конечно. Помогу, чем смогу.

– Нам надо обсудить, что мы подарим Бурматову на день рождения, – объявила Мирошина, покончив с крошками.

– Он же еще нескоро, – рассеянно пробормотала Алевтина, быстро набирая сообщение.

Инга ругала себя, что слишком много времени проводит в телефоне, но до Алевтины ей было далеко. Впрочем, та не производила впечатление человека, убивающего время в соцсетях, – Инга подозревала, что Алевтина постоянно работает, и это вызывало у нее одновременно уважение и ужас.

– Две недели.

Им принесли заказ. Несомненным плюсом этого места была его скорость.

– А что вы обычно ему дарите? – спросила Инга.

– Света с Алевтиной выбирают. – Галушкин без энтузиазма принялся ковыряться в своей тарелке. – В прошлом году вроде были какие-то часы с пульсометром для бега.

– В этом году я думала ему виниловый проигрыватель подарить, – с заговорщицким видом сообщила Мирошина.

– А он слушает музыку?

– Да ты что! Это его главное увлечение после спорта!

– Я не настолько хорошо его знаю.

– Ну, если никто не против проигрывателя, то я сделаю рисерч. Алевтина, поможешь мне?

– Угу, – промычала Алевтина, кажется даже не расслышав вопрос.

– А когда день рождения будет у Алевтины, мы в качестве подарка отберем у нее всю технику, чтобы она хоть иногда отдыхала! – игриво пообещал Галушкин.

Алевтина оторвалась от экрана, посмотрела на него озадаченно и снова погрузилась в телефон.

Инга делилась с Максимом всем, в том числе и своим тиндеровским уловом, но в этот раз молчала, что было ей несвойственно. Она боялась спугнуть удачу. Одно дело – зубоскалить над

дурацкими анкетами или жаловаться на неудачное свидание, и совсем другое – признаваться, что у нее забрезжила надежда. Дело было не в Максиме – он бы порадовался искренне, но Инге казалось, что, делясь своими ожиданиями вслух, она их усиливает, узаконивает и тем обиднее ей будет, если снова не повезет.

Однако в четверг она не выдержала и все рассказала. Максим тут же потребовал сообщить ему «соцдем» – они с Ингой намеренно пользовались такими словами, чтобы подчеркнуть утилитарный подход к тиндер-свиданиям. «30 лет, программист в Яндексе, любит ходить в походы и не любит черно-белое кино», – ответила Инга. «Звучит не так плохо, – милостиво признал Максим. – И когда вы встречаетесь снова?» – «В пятницу. Идем с ним ужинать где-то на Китай-городе».

Инга подумала еще и дописала:

«Как ты вообще считаешь, на каком свидании можно заниматься сексом?»

Максим сначала начал печатать ответ, потом перестал, потом снова начал. Наконец ей пришло сообщение:

«Простите, я разговариваю с Ингой или с ее бабушкой?»

«Да нет, ну все понятно с сексом. Непонятно с тиндером. Это ты у нас по нему большой специалист, может, у тебя советы есть».

«Какие тут советы? Ну, как пойдет. Может, на первом, может, позже».

«Очень ценная рекомендация, спасибо», – съязвила Инга.

Она и сама понимала, что ее вопрос звучит до смешного пуритански, но ее не отпускало ощущение, что тиндер-знакомства устроены не так, как обычные. Она была уверена, что они предполагают конвейер (например, Максим сам рассказывал ей однажды, как, уйдя с первого свидания, тут же отправился на второе), и она, с одной стороны, не желала становиться очередным незначительным винтиком в этом механизме, а с другой – идти наперекор правилам. Может быть, Антон просто коллекционирует в тиндере баб и, как только они переспят, посчитает их знакомство исчерпанным? Инге бы этого совсем не хотелось, но при этом она считала, что, если они станут регулярно встречаться, избегать секса тоже будет странно.

Отношение Инги к сексу было устроено намного сложнее, чем ей было бы приятно думать, поэтому она предпочитала не анализировать его вовсе. Она с гордостью рассказывала Максиму, что стеснение ей неведомо, – и это было правдой, потому что, разглядывая себя в зеркало, а потом сравнивая себя с какими-нибудь полуобнаженными актрисами или моделями, она с удовлетворением отмечала, что выглядит не хуже. Никаких экстравагантных сексуальных фантазий у Инги не было, поэтому стыд делиться ими тоже был ей незнаком. К чужим желаниям она считала себя восхитительно открытой: этот вывод Инга сделала потому, что никто и никогда не просил ее сделать что-то неприятное. Сама она редко проявляла инициативу, но была не против заняться сексом в общественном туалете, на столе или на подоконнике, благосклонно относилась к шлепкам, непристойностям на ухо и невинным ролевым играм, а вершиной своей сексуальной раскрепощенности считала случай, когда Кирилл стал приставать к ней под столом прямо во время обеда с его родителями.

Несмотря на эту показную непринужденность, к мимолетным связям Инга относилась настороженно. Она объясняла это их неоправданной рискованностью. «А вдруг я что-нибудь подхвачу? – сказала она Максиму, когда у них однажды зашел об этом разговор. – Или забеременею? Ты мужик, тебе легко». Максим заметил, что подобные риски обычно нейтрализуются контрацепцией, но Инга только отмахнулась, слегка обидевшись, что он не принял ее страхи всерьез.

Однако настоящая причина заключалась в том, что ей просто не так уж нравился секс. Точнее, он нравился ей потом, когда вместе с новизной из отношений уходила необходимость производить впечатление и можно было, ко взаимному удовольствию, ограничиться десятью минутами пару раз в неделю. Однако признаться в этом даже самой себе было бы убийственно

для самооценки, а уж сказать кому-то еще – и вовсе немислимо. Инге казалось, что не любить секс неприлично, что это идет вразрез с образом идеальной женщины, а ей очень хотелось быть идеальной.

Самое большое из известных ей удовольствий Инга находила в том, чтобы нравиться кому-то. Она обожала внимание, и поэтому стоило ей заметить, что кто-то проявил к ней интерес, как она принималась отчаянно кокетничать в надежде распалить его еще сильнее. Парадокс заключался в том, что это ее поведение, которое большинство принимало за многообещающую прелюдию, для Инги было конечной целью. Ей вполне хватало морального удовлетворения, потому что физическое требовало чрезмерных усилий при сомнительном, особенно на первых порах, результате.

По этой же причине Инга не понимала, какие мужчины считаются «сексуальными» и как можно просто «захотеть» какого-то человека, случайно увидев его на вечеринке. Слова «сексуальный» и «хочу» постоянно использовали ее подружки в университете, а Инга, хоть и принимала в их обсуждениях горячее участие, в глубине души недоумевала. Разумеется, ей попадались парни, которых она считала красивыми, но их красота была для нее такой же, как красота картины в музее, – от одного вида ничего животного в Инге не пробуждалось. В очередной раз напившись с Максимом, она призналась ему, что никогда не находила сексуально привлекательными полуголых мужчин из рекламы духов, хотя, очевидно, их внешний вид был рассчитан именно на это. Более того, женщины в такой рекламе часто нравились Инге гораздо больше. В пьяном волнении она спросила, не означает ли это, что ей в принципе нравятся женщины больше и не оказалась ли она неожиданно лесбиянкой к своим двадцати пяти годам. Максим не без иронии заверил ее, что она бы, скорее всего, догадалась об этом раньше, а настоящая причина, вероятно, в том, что образ женщины как сексуального объекта культивируется ушлыми маркетологами, и немудрено, что Ингино восприятие сексуальности искажается. Ингу это немного успокоило, и она почти примирилась с собой.

Однако Антон, притом что он вовсе не был писанным красавцем из рекламы, заставлял что-то внутри нее шевелиться. Инга чувствовала, что тут ей будет мало одной моральной победы, и она давала волю воображению (мечтательность почему-то накатывала на нее каждый раз, когда она ехала в метро, возвращаясь с работы) – представляла, как он целует ее, резко прижимает к себе, запускает пальцы ей в волосы, и все это было приятно, а вовсе не изнурительно.

В пятницу они договорились встретиться в семь, и Инга то и дело поглядывала на часы, хотя прекрасно знала, что до вечера еще далеко. Дел было мало, и она надеялась уйти пораньше. Даже когда Илья, проходя мимо, напомнил ей о статье для РБК, которую ей на планерке поручили писать, Инга не слишком расстроилась – писать она любила, и эта работа не грозила отнять у нее больше пары часов.

Как обычно, в половину второго они всем отделом сходили пообедать, а вернувшись, Инга еще раз перечитала написанное и отправила статью Илье на согласование. Она тут же забыла об этом и, чтобы убить время, зашла в фейсбук.

Фейсбук ее одновременно развлекал и утомлял. Это противоречивое сочетание объяснялось тем, что больше всего Инга любила читать посты, которые вызывали у нее протест, недоумение или презрение. В малых дозах они ее забавляли, в больших – начинали раздражать.

У нее было несколько любимых персонажей – про себя она так и называла их, «персонажи», потому что в пространстве белого экрана они представлялись ей скорее героями книги, чем живыми людьми. Сама Инга писала в фейсбук очень редко и только по работе, но следила за обновлениями с жадностью – она упивалась своим положением стороннего снисходительного наблюдателя.

Ингиной любимицей была девушка, которая вот уже два года не могла найти работу. Все это время она жаловалась на безденежье и живописала свой быт, переходящий, по ее слезли-

вым заверениям, от скромного к нищенскому, но продолжала не работать ни дня. Инге было ужасно интересно, на что она все это время живет. Девушка в постах клялась, что согласится на любую работу – секретарем, няней или полумойкой, но каждый раз, когда в комментариях люди делали ей конкретные предложения, она отказывалась: то у нее была аллергия на собак, то она «не имела ресурса» общаться с большим количеством незнакомых людей, то испытывала страх телефонных разговоров, то у нее и вовсе заклинивал дверной замок, лишая ее возможности попасть на собеседование.

Вторым любимым Ингиным персонажем был молодой человек, который как раз много работал, но жаловался на выгорание. Инге было его искренне жаль, но ее зачаровывала его безграничная откровенность. На аудиторию в тысячу подписчиков он рассказывал о своем упадке сил, проблемах с питанием и алкоголем, ночных истериках и страхе смерти. Он описывал свои сессии у психотерапевта, в подробностях запротоколировал долгий и мучительный развод с женой, а также несколько раз с мрачным наслаждением рассуждал о суициде. Временами Инга даже испытывала некоторое облегчение, натываясь на его новый пост, – по крайней мере, у него хватило сил его написать.

Была у нее в друзьях и ревностная феминистка, которая в основном публиковала образовательные статьи, но иногда делилась и собственным жизненным опытом. Читать ее Инге было даже интересно, но мир, состоящий из мужчин, женщин и проблем, порожденных их полом, казался ей очень тесным. Она не понимала, как феминистке самой не надоедает топтаться на таком крохотном пятачке.

Вообще феминистки в Ингиных глазах составляли отдельную фейсбучную категорию, и однажды она в порыве исследовательского интереса подписалась сразу на нескольких. Ее умиляло, как подчеркнута научные термины вроде «интерсекциональности» соседствовали в их постах с наивно-трогательными словами вроде «сестринства», но самым поразительным было, когда они принимались ругаться между собой. Это случалось постоянно – то одна, то другая оказывалась меньшей феминисткой, чем остальные, и ее на все голоса принимались осуждать. Это было как игра – звание «недостаточной феминистки» переходило по кругу, поэтому каждая успевала ею побывать.

Первое, что Инга увидела сейчас, зайдя в фейсбук, была фотография открытого ноутбука с заставкой фильма «Двойная жизнь Вероники», кружки с чаем и вязания. «Прекрасный вечер с великим фильмом» – гласила подпись. Инга закатила глаза и листнула ленту ниже. Объявление о сдаче квартиры, фотка кота, реклама магазина пальто, черно-белая фотография какого-то старика с двумя абзацами текста. Инга пробежала по нему глазами – ее коллега с прошлой работы оповещала о смерти деда. «Жаль, что мы так и не съездили с ним в Германию, как договаривались, – грустно писала коллега. – А ведь я так хотела показать ему родину его любимого Гете». Это предложение заканчивалось эмодзи в виде разбитого сердца. Инга с упорством закоренелого ретрограда отрицала эмодзи, пользуясь исключительно круглыми скобками, но разбитое сердце под постом о смерти впечатлило ее больше обычного. Она почесала ручкой подбородок, раздумывая, ханжество это в ней говорит или чувство прекрасного.

Илья подошел так незаметно, что, когда он заговорил, Инга от неожиданности подскочила.

– Это никуда не годится, – сообщил Илья.

– Что? – испуганно спросила Инга, в первую секунду подумав, что он имеет в виду соцсети в рабочее время.

– Статья. Надо все переделать. Я отправил тебе письмо с правками, посмотри.

Инга торопливо свернула фейсбук и щелкнула по письму. Вложенный файл и правда был весь выделен красным.

– Соберись, Инга. Нужно это не только написать сегодня, но и согласовать с продавцами, а Свиридов по пятницам рано уходит.

– Я думала, это на понедельник.

– Нет, дедлайн – пятница. Я говорил на планерке, но ты, видимо, была занята чем-то более важным.

Инга отвела глаза.

– Хорошо, – смиренно сказала она. – Я сейчас все переделаю.

Ее самонадеянность стала очевидна довольно быстро – «сейчас» ничего не выходило. Инга больше часа возилась с правками, но в ответ только получила от Ильи новые. Она нервно взглянула на часы – было уже четыре, и надежда успеть на свидание вовремя начинала медленно таять.

В шесть Инга написала Антону, что, кажется, немного задержится на работе, в шесть тридцать – что задержится сильно, в шесть пятьдесят, умирая от стыда и обиды, – что встречу придется перенести.

«Прости, я была уверена, что успею, но начальник пристал со статьей», – добавила она.

«Да, начальники – они такие».

Инге эта ремарка показалась очень сухой, и она снова горячо застучала по клавишам:

«Я правда очень виновата. Не подумай, что я просто не хотела приходить и придумала отмазку».

«Все ок».

«Давай, может, завтра?»

«Завтра не смогу».

«На следующей неделе?»

«Давай попробуем. Спишемся».

Инга вздохнула и отложила телефон. Антон явно обиделся – да и кто бы на его месте не обиделся? Она с силой щелкнула по мышке, отправив Илье очередную версию статьи. Далась ему эта проклятая статья! Почему из всех дней именно сегодня? И Свиридов этот наверняка уже ушел, так что они возьтятся впустую. Инга откинулась на спинку стула и с силой крутанулась на нем. Она знала, что Илья, конечно, не виноват, но ей нужно было на кого-то направить свою злость.

К восьми вечера офис опустел – даже Алевтина, всегда сидевшая до последнего, уже ушла домой. Инга попросила ее по дороге выключить верхний свет в их части опенспейса, решив, что в полутьме с одной настольной лампой будет уютнее. Алевтина перестаралась и, не заметив, погасила свет повсюду. Теперь освещенными оставались только общие зоны: кухня, гардеробная, переговорная – и кабинет Ильи. Инга приподнялась на подлокотниках кресла и оглядела опенспейс. Он был пуст, только еще одна настольная лампа светила в дальнем конце – кто-то из отдела маркетинга, как и она, проводил вечер пятницы на работе.

Инга вздохнула и, упав обратно в кресло, проверила телефон. Антон не писал.

Вокруг стояла неправдоподобная тишина, которую еще больше оттеняло еле слышное постукивание клавиш, доносившееся от дальнего освещенного стола. Пустой сумрачный опенспейс казался Инге таинственным, даже мистическим, как дом с привидениями. Для нее офис всегда был местом шума, суеты, яркого электрического света, и в представлении Инги он существовал как будто только днем, когда она сама в нем находилась. Теперь же у нее было чувство, что она заглянула на другую сторону, оказалась с изнанки реальности и здесь с ней может произойти что угодно.

Телефон завибрировал, и Инга порывисто его схватила, надеясь, что это Антон.

«Я отправил статью Свиридову. Уговорил его посмотреть сейчас, хотя он уже ушел. Если правок не будет, можно идти домой», – написал Илья. Снова в телеграм – в общении с Ингой он явно избегал корпоративного мессенджера. Прочитав, она поджала губы – тоже мне, ободрил! – но одновременно с легким раскаянием подумала, что он все же не такой уж и злодей.

Человек на другом конце опенспейса встал и погасил лампу. Инга так и не успела увидеть, кто это, только услышала, как вскоре со стуком отодвинулась створка шкафа, зашуршала куртка, а потом хлопнула входная дверь.

Инга тоже встала, но подошла к окну. Оттуда было видно дорогу, украшенную, как гирляндой, вереницами машин с горящими фарами, реку и огни домов на противоположном берегу. Разноцветные блики мерцали в темной воде. Ночной город всегда казался Инге очень нарядным, но романтических чувств не вызывал. Некоторое время она безучастно следила за движением машин, а потом разблокировала телефон и зашла в инстаграм. Пролистала несколько новых постов, вернулась в начало и открыла сторис. История Антона была первой, видимо, он совсем недавно ее опубликовал. Он снимал бармена, который улыбался на камеру и лихо замешивал какой-то коктейль. У Инги моментально испортилось настроение. Она, конечно, не рассчитывала, что Антон с несостоявшегося свидания пойдет напрямик домой, но видеть подтверждение того, что он отлично проводит время сам по себе – и действительно ли сам по себе – было обидно.

– Нравится вид? – спросил Илья, становясь рядом.

Он опять застал Ингу врасплох – она вздрогнула и заблокировала экран телефона.

– Красиво, – пожала она плечами.

Илья кивнул на телефон.

– Планы на вечер?

– Сорвались.

– Извини. – Он развел руками.

Инга старалась не смотреть на Илью. Она почему-то ощущала смутную неловкость, стоя рядом с ним в безлюдном опенспейсе. Впрочем, неловкость не была тягостной, скорее волнительной. Инга переступила с ноги на ногу.

– Свиридов ответил? – спросила она.

– Нет еще. Ты пьешь виски?

Инга растерялась и изумленно посмотрела на Илью. Он глядел на нее в ответ без всякого особого выражения. Она поспешно отвела глаза.

– Ну вообще да... – неуверенно пробормотала Инга.

– Я просто подумал: раз твои планы на вечер сорвались, а мы все равно ждем, то это немного скрасит нам ожидание.

Илья отошел от окна, и Инга нерешительно последовала за ним. Зайдя в свой кабинет, Илья щелкнул выключателем – спящий верхний свет сменился на более приглушенный, идущий от ламп на стене. Илья достал из шкафчика два стакана и бутылку.

– Прямо как в кино, – проговорила Инга, глядя, как он разливает виски по стаканам.

Илья фыркнул:

– Не сказал бы, что пить в офисе очень кинематографично.

– Ну, знаешь, как в сериалах про каких-нибудь дорогих адвокатов, – смутившись, попыталась пояснить Инга.

Илья протянул ей стакан. Она взяла его и помедлила, предполагая, что он захочет чокнуться, но Илья, сразу же отвернувшись, опустил в свое кресло за столом.

Инга огляделась в поисках стула для себя. В кабинете больше негде было сесть, кроме черного дивана у противоположной стены. Она сделала глоток и направилась к нему.

– И каким же твоим планам сегодня помешала работа? – спросил Илья.

Он сидел в кресле, вальяжно развалившись, а Инга, наоборот, примостилась с краю, плотно сжав колени. Ей казалось, что любая менее напряженная поза на этом диване автоматически будет выглядеть провокационно.

– Должна была встретиться кое с кем. С другом.

– Свидание? – лукаво поинтересовался Илья.

Его бесцеремонность снова огорошила Ингу, но она не была уверена, только ли поэтому ей так неловко отвечать. Этот непривычный потусторонний офис, полутемный кабинет и виски в стакане создавали странную атмосферу, в которой ни о каких свиданиях с другими людьми говорить не хотелось.

– Что-то вроде, – промямлила Инга.

– Где познакомились?

– Как и все. – Инга с усилием рассмеялась. – В тиндере.

– Я, кстати, видел тебя в тиндере, – сообщил Илья.

Он слегка поворачивался на своем стуле из стороны в сторону, но глаза его были прикованы к Ингиному лицу. Она знала, что у нее горят щеки – то ли от виски, то ли от его пристального взгляда.

– А... ну... да. Я туда иногда захожу. – Инга сделала еще один, на этот раз большой глоток.

– Долго думал, не свайпнуть ли тебя вправо, – как ни в чем не бывало продолжил Илья.

– М-м-м... не свайпнул? – спросила Инга, хотя ответ и так был очевиден. Она не понимала, нужно ли поддерживать этот разговор.

– Конечно, нет. Мы же все-таки работаем вместе. Это было бы странно.

Инга издала звук, который, она надеялась, походил на согласие, и поспешно отпила из стакана, чтобы замаскировать свое смятение.

Илья встал из-за стола и, взяв бутылку, направился к дивану. Нависнув над Ингой, он долил ей виски, а потом сел рядом и закинул ногу на ногу. Инга заметила, что у него полосатые носки кислотных цветов.

– Видел у тебя на фотке какой-то замок. Это где?

– Эдинбург, – сказала Инга, продолжая украдкой смотреть на его носки. То, какие они яркие, было заметно даже в полутьме. Почему-то это ее развеселило, и, расхрабрившись, она спросила: – А ты, значит, тоже сидишь в тиндере?

Илья неопределенно повел плечами.

– Иногда.

– И как успехи?

– Не жалуюсь.

Инга глотнула еще немного виски. Ее стеснение постепенно проходило, и она подумала – почему она вообще засмушалась? Может, у него в принципе такая простая манера общаться. Если он – а он все-таки начальник – не видит в их разговоре ничего неловкого, почему она должна?

Компьютер Ильи тренькнул. Инга прекрасно знала этот звук: пришел новый имейл. Илья подошел к столу и щелкнул мышкой.

– Поздравляю, – сказал он. – Свиридов согласовал.

– Фух, – сказала Инга, поднимаясь. – Тогда я пойду. Спасибо за виски.

Она взяла бутылку, которую Илья оставил на столике возле дивана, и отнесла ее в шкафчик.

– Больше не хочешь? – спросил Илья.

– Нет, спасибо, пойду домой, – легко ответила Инга и, развернувшись, хотела уже шагнуть к двери, но наткнулась на Илью. Он успел подойти вплотную и теперь смотрел на нее сверху вниз. Инга медленно подняла на него глаза.

Она никогда не оказывалась от него так близко. Инга видела, как блестит оправа его очков, видела короткие темные ресницы и родинку на левой скуле. Илья не двигался, и Инга тоже замерла. Ей показалось, что воздух вокруг нее уплотнился настолько, что давит на уши.

Илья очень медленно наклонился вперед. Инга знала, что он сейчас сделает, но не могла пошевелиться. Как загипнотизированная, она смотрела на его губы. Все разумные мысли

лежали в голове как пыль, прибитая дождем, промелькнула только одна – какая идеальная форма губ и какой при этом маленький рот.

Илья поставил свой стакан на тумбочку позади Инги, коснувшись рукой ее бедра, и выпрямился.

– Ну, домой так домой, – сказал он и сделал шаг в сторону.

Инга еще несколько секунд в оцепенении следила за ним, будучи не в силах пошевелиться и проживая внутри себя то, что только что не случилось. Илья, казалось, не обращал на нее внимания: он отвернулся к столу, неторопливо положил ноутбук в рюкзак, вжикнул молнией. Инга опомнилась. Нервно убрав свою отросшую челку за ухо и пролепетав: «До понедельника», она поспешно вышла из кабинета. Подойдя к своему столу, сгребла в сумку зарядку и карточку на вход в бизнес-центр и напоследок снова тайком поглядела на Илью: он все еще собирался, проверяя карманы рюкзака. Чтобы случайно не столкнуться у лифта, Инга стремглав выскочила из офиса и стала быстро спускаться по лестнице.

– А если бы он тебя поцеловал, что бы ты делала? – спросил Максим, обмакивая начос в сметану. Они сидели в баре на Новокузнецкой и пили уже по третьему пиву. Максим, кажется, и спрашивал об этом уже в третий раз – видимо, каждый новый стакан провоцировал в нем очередной раунд расспросов.

– Да ничего бы не делала. Что тут сделаешь? Не влепила бы ему пощечину, если ты об этом.

– Ну, ты бы скорее хотела или не хотела, чтобы он тебя поцеловал?

Инга задумалась.

– Скорее не хотела бы, – наконец ответила она и захрустела начос. – То есть вообще он мне нравится... Он прикольный, довольно симпатичный... наверное.

– Такие бицепсы, еще бы.

Инга шутливо пнула Максима под столом ногой.

– Я хочу сказать, что непосредственно в тот самый момент я бы, наверное, не была против. Атмосфера располагала. И если уж совсем честно, мне было приятно, что я ему вроде как нравлюсь. Но если подумать об этом глобально – то это катастрофа. Что бы я потом делала? Как бы я работала там дальше? Я даже толком не понимаю, как теперь себя с ним вести, а если бы что-то по-настоящему случилось?

– Но вы взрослые люди, – заметил Максим, а потом бросил начос в рот и стал энергично жевать. – Если вы друг другу нравитесь и никто никого не принуждает, то что такого?

Инга вздохнула.

– Да я не уверена, что он мне особенно нравится. Мне Антон нравится. Который, кстати, за весь день сегодня ни разу не написал. Но дело даже не в этом – главное, мы на работе. Илья – мой начальник. Как это будет выглядеть, ты подумай?

– Мне кажется, это неправильная постановка вопроса. – Максим сделал огромный глоток. Инга нетерпеливо наблюдала, как уменьшается пиво в его стакане. Отставив его, Максим не спеша взял очередной начос и, прежде чем откусить, многозначительно ткнул им в сторону Инги. – Если он тебе не нравится, то тут все однозначно и действительно не стоит допускать таких двусмысленных ситуаций. Но если все же нравится, то «работа» звучит как отмазка.

– Почему, когда я проявляю сознательность, ты говоришь, что это звучит как отмазка? – возмутилась Инга.

– Потому что я тебя знаю. Если бы тебе чего-то хотелось, никакая работа бы тебя не остановила.

– Я знаю, чего мне не хочется. Мне не хочется проблем. А пока эта ситуация выглядит как проблема.

– Ну тогда не повторяй ее. Необязательно бухать со своим начальником ночью в офисе.

Инга скривилась.

– А у тебя как дела?

– Завтра еду к Даниилу на новоселье.

– Я вот чего не понимаю. – Инга хотела потерять глаз, но вспомнила, что он покрашен, и не стала. – Как ты умудряешься клеить больше мужиков в тиндере, чем я?

– Скромные ожидания, моя дорогая, скромные ожидания.

Говоря это, Максим умудрялся выглядеть одновременно снисходительно и смущенно.

– Да твои ожидания едва ли не больше моих, – проворчала Инга. – А выборка вариантов – существенно меньше!

– Я просто не ищу любовь всей жизни. Повезет – значит, повезет. Не повезет – не беда. Ты, наверное, знакомишься с человеком и сразу думаешь, как будешь строить с ним отношения. А я знаколюсь и думаю – если секс меня устроит, то все уже не зря.

– Ну и что этот Даниил?

Максим со скучающим видом пожал плечами.

– Он странный какой-то. Вот, например. Заказали мы на днях доставку, привезли еду – все в контейнерах, вилки-ложки. А он говорит: дай мне тарелку и нормальную вилку, я не могу так есть.

– Ну и что?

– Ну кто ест доставку из нормальных тарелок? Их же потом мыть!

Инга постучала пальцем себе по лбу.

– И ты еще говоришь про скромные ожидания! – сказала она. – Готов бросить человека потому, что он ему не запахло мыть посуду.

– Ну ладно, – нехотя согласился Максим. – Может, это неудачный пример.

Самой изумительной особенностью Максима, по мнению Инги, было умение не ввязываться в спор. В то время как она была готова яростно отстаивать свое мнение по любому поводу, он, наоборот, с легкостью шел на компромисс. Инга не понимала, чего в этом больше: природной сдержанности, легкомыслия или любви к ней, Инге, но точно знала, что их многолетняя дружба не в последнюю очередь держится на этом счастливом качестве. В их паре Инга была грозой и огнем, а Максим – безупречным укротителем: он искренне ею восхищался, подпитывая самооценку, знал, как потушить любую ее вспышку, но при этом был достаточно тверд в суждениях, чтобы вызывать Ингино безграничное уважение.

Они познакомились на подготовительных курсах университета, с невероятной скоростью сдружились, как умеют только подростки, а поступив на один факультет, и вовсе не расставались. Окружающие, разумеется, считали, что они встречаются, и Инга с удовольствием их эпатировала, отвергая подобные предположения, – приятно было свысока отвечать, что они друзья, потому что, представьте себе, люди могут быть просто друзьями! В глубине души она, однако, сама пребывала от этого в замешательстве. Она не испытывала к Максиму романтических чувств, но полагала, что уж он-то обязан их к ней испытывать! Когда спустя несколько месяцев он признался ей, что он гей, Инга пережила потрясение, потому что такая надуманная, почти киношная коллизия не могла произойти в реальности. Но облегчение она тоже почувствовала – по крайней мере, дело было не в ней.

Инга уже не помнила, боялась ли она поначалу, что отныне их с Максимом отношения должны будут укладываться в рамки, продиктованные «Сексом в большом городе»: они наряжаются в розовые боа, пьют шампанское и целыми днями сплетничают о мужиках. Реальность вытеснила любые стереотипы. Максим, бывший ей другом, с годами незаметно заменил собой все прочие социальные роли, в которых Инга нуждалась. С ним можно было говорить о работе, о воспитании детей, о путешествиях во времени, о религии, о политике, о болезнях, о нравственных дилеммах – словом, обо всем, что остальные люди, как считала Инга, вынуждены разделять между друзьями, любовниками и родителями. Ощущение, что Максим привязан к

ней бескорыстно, что их близость порождена осознанным выбором, а не родственными узами или влюбленностью, делало его в Ингиных глазах исключительным.

Они, конечно, часто обсуждали, что стали бы отличной парой, и шутливо сокрушались, что этому не бывать. Впрочем, втайне Инга считала, что их нынешние многомерные отношения подходят им гораздо больше, чем могли бы плоские романтические – в конце концов, для вторых они слишком мало ссорились. Инга была уверена, что любви без драм не бывает, но тут Максим явно не разделял ее убеждений.

Она вернулась домой слегка пьяная и от этого взбудораженная – сердце жаждало действий, но Инга не понимала каких. Она нашла в холодильнике недопитую бутылку вина и налила себе бокал, а потом уселась на свое любимое место перед окном, выключив верхний свет. Сидеть там ночью при свете она не любила – чувствовала себя как в аквариуме.

Инга открыла инстаграм и стала листать ленту. В субботу вечером она была однотипная – сплошь фотографии с каких-то тусовок. Только Мирошина выложила своего кота, надменно глядевшего в камеру, с подписью в виде сердечек. Инга от души ей посочувствовала.

Она хотела отправить сообщение Антону, но с сожалением констатировала, что еще недостаточно выпила – гордость пока одерживала верх над опьянением. Вчера, когда ей пришлось отменить свидание в последний момент, Инга чувствовала себя очень виноватой, но с тех пор Антон так и не написал ей, и чем больше проходило времени, тем ярче разгоралась в Инге обида. После трех дней непрерывной переписки его нынешнее молчание выглядело особенно демонстративным. Инга признавала, что со свиданием получилось нехорошо, но она извинилась и явно не заслуживала такой холодности. «Видимо, с Антоном тоже не вышло», – подумала она. Это было печально, но, учитывая ее опыт онлайн-знакомств, ожидаемо.

Возможно, она и правда слишком много ждет от людей? Она, конечно, не искала в тиндере любовь всей жизни, как пошутил Максим, но вдруг ее планка действительно слишком высока? Инга вздохнула и отпила вина, глядя на каштан за окном. Свет фонарей золотом отражался от его мокрых веток.

Однажды на третьем курсе Инга ездила по обмену в Испанию. Там с ней училась француженка, которая глубоко поразила Ингу своими взглядами на отношения. По сей день Инга считала, что никогда не встречала человека, который так же мало переживал из-за разбитого сердца, своего или чужого. Француженка постоянно попадала в истории (или рассказывала, что попадала): то ее подкарауливал у туалета и страстно целовал официант, то полицейский, остановивший ее на улице, предлагал жениться, то у нее завязывалась романтическая переписка с анонимом, по ошибке набравшим ее номер. Она постоянно с кем-то встречалась и постоянно расставалась – до появления следующего бойфренда проходило максимум дня три, первый из которых она грустила, второй – перебирала новые варианты, а третий – нервничала, если ни один не подходил.

Легкость, с которой она меняла парней, казалась Инге почти акробатической, и она страстно желала сама такой обладать. В Испании это давалось ей лучше, чем в России, но до мастерства француженки было далеко. Той настоящее удовольствие доставляло количество партнеров, а Инге, как она думала, – качество, хоть она и ругала себя за такую старомодную позицию. Француженка смеялась над ней. «Все дело в вашей литературе, – говорила она. – Всех русских писателей интересуют только две темы – жизнь и смерть. Если бы они писали про любовь, как наши, ты бы тоже относилась к ней проще».

У Инги никак не получалось относиться проще. Она вовсе не мечтала о свадебном платье, муже и детях; хуже – она как раз мечтала о любви, но в ее представлении это было исплинское чувство, заставляющее горы дрожать. Каждый раз, влюбляясь, она надеялась, что это оно, и каждый раз, расставаясь, считала произошедшее трагедией. Учитывая количество этих трагедий в жизни, они уже давно должны были приобрести характер рутины, но Инга не желала смиряться. Каждый разрыв она переживала как первый.

От Антона мысли перепрыгнули к Илье. Инга, конечно, и вчера весь вечер о нем думала, но подстегнутый алкоголем разум явно не был удовлетворен сделанными выводами. Когда мужчины проявляли к Инге интерес, она автоматически их оценивала и размещала где-то на шкале между «никогда в жизни» и «можно попробовать». Илья, несомненно, проявлял интерес и, по Ингиной шкале, имел шансы, но вот беда – недотягивал. Максим был совершенно прав: дело было вовсе не в работе. У Инги никогда не бывало служебных романов, и, как преданный читатель фейсбука, она была напичкана предубеждениями на их счет, но в глубине души считала, что это ненужные крайности. Конечно, то, что Илья был ее начальником, могло бы осложнить их отношения в случае, если бы об этом стало известно или если бы они расстались. Но, с другой стороны, в этой сложности была своеобразная притягательность. Инге нравились сильные начальственные мужчины и нравилось нарушать правила. Досадная проблема, однако, заключалась в том, что ей не нравился Илья. Она снова и снова мысленно возвращалась к нему, почти желая найти то особенное, что заставило бы ее им увлечься, но не находила. Ни его формальная начальственность, ни многократно помянутые Максимом бицепсы, ни манящий дух бунтарства, который обеспечил бы Инге их роман, не могли перевесить его заурядности.

Инга одним махом опрокинула в себя оставшееся вино и отправилась спать, гордясь, что так никому и не написала.

На следующий день, однако, она проснулась в самом мрачном настроении. За окном шел дождь со снегом, кофе закончился, а выходить за ним совсем не хотелось. Инга с несчастным видом заварила чай, надеясь, что ей удастся обмануть организм, но не тут-то было. От неудовлетворенности слякотное серое утро стало только гаже. Инга ненавидела, когда что-то нарушало ее бытовой комфорт.

День не предвещал ничего интересного: планов не было, и погода не располагала к тому, чтобы их придумывать. Она полистала ленты соцсетей – из новых постов ей попались разве что рекламные, потому что большинство людей пока спало. Только владельцы собак этим утром нашли в себе силы зайти в фейсбук и сообщить остальным, что на улице – суший ад. Инга подумала, что не помнит ни одного случая, когда погода бы всех устраивала. В июне люди жаловались на аномальную жару, в августе – на затяжные дожди и то, что лета в этом году не было, в октябре – на первый снег, в декабре – на Новый год без снега, в январе – на морозы, в марте – на «сорок шестой день февраля». Если погода была слишком плохой для времени года, все ворчали, если слишком хорошей – все ворчали тоже: из-за не вовремя включенного отопления, из-за слишком рано замененных шин, из-за того, что приходится переодеваться из плащей сразу в пуховики, минуя осенние куртки. Даже если погода полностью соответствовала сезону, как, например, сегодня, люди все равно умудрялись жаловаться. Инга вдруг вспомнила про пилотов самолета и то, как они всегда объявляют по громкой связи: «Погода за бортом хорошая», даже если снаружи бушует торнадо. Интересно, пишут ли они тоже недовольные посты в фейсбуке.

Посмотрев еще раз на улицу, она окончательно решила заказать продукты на дом, но не успела открыть приложение с доставкой, как на экране высветилось сообщение:

«Что делаешь?» – написал Антон.

Инга почувствовала, как забилося сердце. Не раздумывая, она быстро набрала:

«Соизмеряю желание выпить кофе с желанием остаться в тепле».

«Я как раз иду на улицу. Хочешь, принесу тебе кофе?»

Инга замерла. Это что же, Антон напрашивается в гости? Было приятно, что он так быстро вызвался прийти, но вместе с тем и подозрительно, что так быстро.

Она опять подумала, что он прочитал ее мысли, потому что сразу же написал вдогонку:

«Прозвучало странно, понимаю. Я в самом деле просто предлагаю принести тебе кофе, потому что буду проходить мимо. Тебе необязательно приглашать меня к себе».

«Я буду американо», – выбила Инга на клавиатуре прежде, чем сомнения взяли верх. Сообщение ушло. Не дожидаясь, пока Антон его прочтает, она вскочила и заметалась по квартире: заправила постель, почистила зубы, вымыла кружки и бокалы, скопившиеся в раковине, собрала волосы, распустила волосы, в два взмаха накрашила ресницы. Прodelывая все это, Инга не была уверена, что действительно пригласит его в квартиру, но когда телефон тренькнул и она увидела сообщение «я внизу», то тут же набрала в ответ: «2 этаж, квартира 13».

Когда Антон позвонил в дверь, она стояла возле нее, но специально посчитала в голове до 5, прежде чем открыть. Он промок с ног до головы, но довольно улыбался, держа в руках картонную подставку с двумя стаканчиками. Инга даже ахнула от его вида.

– Откуда же ты шел?! – ошеломленно спросила она. – Заходи скорее!

Пока Антон мыл руки, Инга повесила его куртку сушиться возле батареи, попробовала кофе, который оказался еле теплым, и поставила чайник. Пока она суежилась, неловкость, которую она испытывала еще несколько минут назад, улетучилась. Впрочем, когда Антон вышел из ванной и замер в коридоре с нерешительным видом, Инга опять немного оробела.

– Кофе, наверное, успел остыть, пока я его нес, – смущенно сказал Антон.

– Он отличный, но я на всякий случай поставила чайник, если ты замерз.

Стараясь всем видом демонстрировать беззаботность, Инга направилась на кухню и жестом пригласила Антона следом. Едва зайдя туда, он восхитился:

– Какое крутое дерево!

– А, каштан? Да, мне тоже нравится, – произнесла Инга с деланным равнодушием.

Антон примостился на стуле рядом с подоконником и взял кофе.

– Все-таки остыл, – заметил он.

Инга поставила перед ним кружку с чаем, но не села рядом, а осталась стоять, прислонившись к кухонному столу. Они помолчали.

– Я подумала, ты совсем обиделся на меня за то, что я не пришла в пятницу, – наконец сказала она.

– А... нет. Извини, что не писал вчера. Весь день помогал другу с машиной, мы с ним договаривались.

Инга кивнула, сделав вид, что поверила. Антон отпил чай.

– Я тебя не задерживаю, ничего такого?

– Нет-нет, – сказала Инга и, поразмыслив, наконец опустила на соседний стул. – У меня на сегодня не было планов.

– Я на самом деле буквально на минутку. Знал, что буду идти мимо, и подумал: а вдруг ты уже встала. Честно говоря, не рассчитывал, что ты предложишь зайти. Но я рад – там довольно мокро.

Было неясно, врет Антон или говорит правду, и при этом Инга не понимала, какой вариант устроил бы ее больше. Не самая привычная ситуация: утро, она сидит на своей кухне с малознакомым человеком, которого нашла в тиндере, и пьет холодный кофе. Сигналы были смешанные. Если бы это был вечер и они только что вернулись со свидания, Инга знала бы, что делать. Если утро, наступившее после совместной ночи, – тоже. Если бы они с Антоном познакомились где угодно кроме тиндера, это, опять же, облегчало бы задачу, но как трактовать нынешнее положение вещей, Инга решительно не понимала.

– Я видел у тебя в комнате картины. Это твои или отца? – спросил Антон.

– Отца.

– Можно рассмотреть поближе?

– Конечно.

Следующие полчаса она показывала Антону отцовские рисунки – сначала он изучил те, что висели на стенах, потом, вдохновленная его интересом, Инга достала папку с эскизами, привезенную с дачи, а потом, окончательно осмелев, показала и те, что рисовала сама. Антон

выглядел искренне увлеченным, и Инга стала подозревать, что он действительно не имел тайных намерений, придя к ней. Это было свежо, но довольно удручающе.

Взглянув на часы, Антон вдруг спохватился и объявил, что ему нужно идти. Инга не без разочарования подала ему куртку и наблюдала, как он обувается.

– Увидимся на следующей неделе? – спросила она, когда он уже стоял в дверях.

– Я очень на это надеюсь, – ответил он, пристально глядя на нее, и вышел.

«Это все очень странно, – написала Инга Максиму, едва осталась одна. – Теперь он даже не обнял меня на прощание! И вообще вел себя настолько по-джентльменски, что тошно».

«Тебя расстраивает, что он с тобой не переспал?» – умилился Максим.

«Да не расстраивает, просто удивляет. Не станешь же ты отрицать, что существуют общепризнанные стереотипы. Если мужчина приходит к тебе на кофе, это обычно подразумевает секс».

«Патриархат тебя испортил. Да может, он просто нормальный чувак, который не хочет торопить события? Надеялся тебя увидеть, а повод не придумал».

«Ну хоть бы намек какой! Дотронулся бы, посмотрел многозначительно».

«Может, он гей?»

«Да непохож. И зачем тогда ему вообще было со мной знакомиться?»

«Может, он гей в самоотрицании?»

«Да ну тебя», – расстроилась Инга.

«Ты же сама недавно волновалась, как бы не переспать с ним раньше времени», – напомнил Максим.

«Да, потому что я думала, что он будет ко мне приставать!!! и не хотела сдаваться слишком рано. Но к такому я не готовилась».

«Мне кажется, матушка, ты зажралась. В кои-то веки попался нормальный мужик, который не тащит тебя в постель в первые пять минут. Может, он еще и личность в тебе разглядит».

«А я, может, предпочла бы, чтоб тащил», – мрачно ответила Инга.

С этого дня они с Антоном возобновили переписку, но, как стало казаться Инге, не так бодро, как раньше. На ее очередное и как будто случайно оброненное предложение увидеться он ответил, что будет занят всю неделю. Впрочем, каждый день Антон первым начинал разговор и, на Ингин пристрастный взгляд, казался весьма заинтересованным. Тем таинственнее было, что решительных шагов он не предпринимал.

Илья тоже ничего не предпринимал, но тут Инга была рада. В понедельник перед встречей с ним она нервничала, но, как выяснилось, напрасно: он вел себя так, словно ничего не случилось. Впрочем, нравоучительно напомнила Инга самой себе, ничего и не случилось. Всю неделю они почти не пересекались и не разговаривали лично, только обменивались рабочими письмами. Ингу совершенно устраивал такой расклад.

Мирошина предложила ей вместе выбрать для Ильи подарок на день рождения – она по-прежнему настаивала на проигрывателе. Инга думала, что они закажут какой-нибудь, но Мирошина заявила, что хочет пойти в магазин и купить на месте. «Ты разбираешься в проигрывателях?» – с недоумением уточнила Инга. «Нет, – ответила Мирошина, – но я разбираюсь в подарках. Мне нравится выбирать их лично». Инга от скуки согласилась составить ей компанию.

На выходных они встретились в центре и напрямик направились в заранее найденный Мирошиной магазин. С ними должна была пойти и Алевтина, но она в последний момент не смогла. Мирошина туманно шутила на этот счет, но Инга не понимала причину. В магазине они пробыли ровно пять минут: едва зайдя туда, Мирошина твердо направилась к конкретному проигрывателю и сообщила продавцу, что они его берут.

– Зачем мы вообще приезжали за ним, если ты и так знала, какой нам нужен? – удивилась Инга.

– Во-первых, сейчас мы его красиво упакуем. А во-вторых, раз уж мы встретились, то можно сходить попить кофе и поболтать. Жалко, Алевтина не смогла. Мы вообще с ней регулярно встречаемся просто так, не по работе.

В магазине цветов и оберточной бумаги они провели гораздо больше времени, чем в музыкальном. Мирошина придирчиво перебрала каждый из десятков рулонов, развернула его и приложила к коробке с проигрывателем, словно принт на бумаге мог той подойти или не подойти. Она то и дело спрашивала у Инги ее мнение, но что бы та ни говорила, Мирошина явно оставалась неудовлетворенной. На помощь пришла продавщица, но Мирошина и тут не спасовала – поджав губы, она упрямо продолжала примерять все новые и новые рулоны. Ей принесли еще одну коробку бумаги, дороже, потом еще одну, потом продемонстрировали ящик с катушками лент. Над ними Мирошина провела много томительных минут.

Инга заскучала еще на выборе бумаги и апатично разглядывала букеты за стеклом. Спустя полчаса Мирошина наконец выбрала ленту и даже «декор» – какие-то веточки и колокольчики. Не без гордости оглядев результат, она подхватила подарок и вместе с Ингой направилась в соседнюю кофейню. Сев там за столик, коробку она с почетом разместила на пустом третьем стуле.

Инга не знала, как проходили их «нерабочие» встречи с Алевтиной, но сомневалась, что они сильно отличаются от этой: Мирошина болтала без умолку. У нее вообще-то был мелодичный, но очень уж высокий голос, и Инге иногда приходилось прилагать усилия, чтобы сконцентрироваться на ее щебетании. Пока они ждали кофе, Мирошина в подробностях рассказывала ей про отношения Аркаши с его мамой – Инга ничего не спрашивала, но Мирошина явно не нуждалась в наводящих вопросах. Впрочем, когда она снова упомянула Алевтино отсутствие и многозначительно захихикала, Инга сдалась:

– А что с ней?

– С ней ничего. Это Паша заболел.

– Галушкин? При чем тут он?

Мирошина округлила глаза.

– Да ладно, неужели ты не знаешь?! – воскликнула она и тут же понизила голос. – Они же встречаются!

– Я не знала, – ответила Инга, с некоторой опаской наблюдая за мирошинским возбуждением.

– Но только это секрет! Никому не говори!

– То есть больше никто не знает?

– Ну, Аркаша не знает, думаю. И Илья. Это важно! Главное, чтобы Илья не узнал.

– Почему?

– Ну, роман на работе! У нас такое запрещено, а Илья – начальник.

Инга опустила голову и сосредоточенно принялась помешивать капучино.

– И что, за этим правда строго следят? – наконец спросила она. – Ведь ни Алевтина, ни Паша даже не подчиняются друг другу, они просто коллеги. Так тоже нельзя?

– Я знаю, что в головном офисе в Сиэтле недавно был случай, когда начальник из одного отдела стал встречаться с девушкой из другого. Когда об этом стало известно, было целое разбирательство. Мужик в итоге сам уволился.

– Хорошо, что мы не в Сиэтле, – натянуто рассмеялась Инга.

– Да у нас то же самое будет. Корпоративные стандарты-то одни. Как по мне, это все полный бред, конечно. Ну что теперь, Алевтине с Пашей не встречаться, если они вместе работают? Но правила есть правила, – нарочито печально вздохнула Мирошина и ложкой отломила

кусочек пирожного. Прожевав его, она кокетливо закончила: – Если уж их нарушать, то нужно делать это тайно.

– И давно они вместе?

– Да год почти. С прошлой стратегической сессии. Мы тогда ездили российским офисом в Сочи, тимбилдинг, вся фигня. С того момента у них и началось. И притом, уж насколько мы с Алевтиной близко общаемся, а она мне и то боялась рассказать. Только через несколько месяцев призналась!

– А ничего, что ты мне рассказала?

Мирошина отломилла еще кусочек пирожного.

– Да нет, – подумав, наконец сказала она и быстро добавила: – Ты ведь никому не скажешь?

Инга невольно улыбнулась.

– Не скажу.

Себе она поклялась, что не доверит Мирошиной ни один секрет.

Дни рождения у них в офисе всегда проходили по одинаковому сценарию – за прошедшие почти три месяца Инга успела хорошо его изучить. В обеденное время приглашенные собирались на кухне и именинник угощал всех тортом. Говорили тосты, чокались чаем. Обычно это занимало пятнадцать – двадцать минут, но Инге казалось, что вечность. Все стояли у стола, никто не садился, и после поздравлений наступало неловкое молчание, которое по мере сил пытались нарушить более социально приспособленные коллеги. Впрочем, им почти никогда не удавалось: реплики повисали в воздухе, и спустя короткое время все разбредались по парам и начинали обсуждать рабочие вопросы.

Инга чувствовала себя заложницей таких ситуаций: она ненавидела говорить тосты, ненавидела стоять у стола с тарелкой и ковыряться в ней на весу и ужасно жалела именинника – ей казалось, что он может испытывать только смущение и разочарование, стоя в кольце равнодушно жующих молчаливых людей. Сама она мечтала уйти сразу же после вручения подарка, но это было неприлично, поэтому Инга вынужденно улыбалась и делала вид, что наслаждается праздником.

День рождения Бурматова ничем не отличался от остальных – разве что резать торт и ставить чайник побежали Алевтина с Мирошиной, а не он сам. К ним присоединилась Капитонова, начальница отдела маркетинга. Заглянув на кухню попить воды, Инга увидела, как они втроем суетятся вокруг стола.

– Инга, помоешь, пожалуйста, сельдерей? – бросилась к ней Мирошина и, не дожидаясь ответа, всучила ей в руки икеевскую металлическую миску.

Инга не планировала участвовать в приготовлениях – помощников явно и без нее хватало, но отказать теперь было невежливо, поэтому она, помедлив пару мгновений, направилась к раковине.

– Какой здоровый выбор: сельдерей, – заметила она, включая воду.

– Ну, у нас тут разное. Сельдерей, морковь, орехи, виноград. Это для тех, кто на диете. Торт, само собой, даже несколько разных. Галя у нас повелительница тортов, у нее возле дома лучшая кондитерская.

Инга украдкой посмотрела на Капитонову – она была крохотной, очень худой женщиной с крупным носом и копной черных выющихся волос. Инга не так уж часто пересекалась с ней по работе и вообще старалась ее избегать – у той было вечно недовольное лицо. Представить ее в образе «повелительницы тортов» было непросто.

Инга надеялась, что, заплатив сельдерейный оброк, она сможет улизнуть, но не тут-то было – Мирошина попросила ее порезать один из тортов, потом вскрыть пакетики с орехами и насыпать каждый вид в отдельную пластиковую тарелку. Сама она, как заметила Инга, ничего

не делала, но с упоением дирижировала процессом, носясь между Алевтиной и Капитоновой и раздавая советы.

Инга так и не успела вернуться к себе, когда на кухню начали подходить их коллеги – празднование было назначено на два. Сам Илья еще не выходил из своего кабинета, поэтому все нерешительно мялись у стола, но ничего не брали. Инге было неприятно, что ее застали накрывающей этот стол, хотя она даже себе не могла толком объяснить причину. С одной стороны, ей не хотелось, чтобы люди подумали, будто лично она заботится об Илье, с другой стороны, ей чудилось что-то унижительное в том, что четыре женщины устраивали праздник для одного мужчины-начальника.

Наконец Илья пришел, и его встретили аплодисментами – нелепо, подумала Инга, ведь все они сегодня уже не раз его видели. Галушкин с Аркашей торжественно внесли упакованный проигрыватель. Маркетинг дарил отдельный подарок.

Инге показалось, что Илья в самом деле доволен – или он просто так хорошо притворялся. Мирошина сияла от радости. Она же и произнесла первый тост, подняв кружку с чаем, – «за лучшего в мире начальника». Все снова зааплодировали, а потом синхронно зазвенели ложками.

Инга попыталась спрятаться за спинами, чтобы не привлекать внимание. Сделать это было просто, потому что на небольшую кухню набился весь их этаж. Она видела, как к Илье подходили люди, улыбались, что-то говорили и хлопали по плечу. Алевтина подала Инге тарелку с тортом – ей достался кусок шоколадного, а она ненавидела шоколадные торты. Она незаметно отставила тарелку в сторону и потянулась за телефоном. На экране висело сообщение от Антона, пришедшее несколько минут назад. «Наконец-то разобрался со всеми делами, – писал он. – Не хочешь увидеться сегодня вечером? Прости за внезапность».

Инга так быстро набрала ответное сообщение, что поначалу опечаталась сразу в двух словах.

«Повезло, я сегодня как раз свободна. Где встретимся?»

«Знаю бар с коктейлями на Белорусской».

«Звучит неплохо».

«В 7, подходит?»

«Договорились. На этот раз я точно успею».

– От кого прячешься? – спросил Илья над самым ее ухом.

Инга тут же опустила телефон. Как он умудрялся каждый раз так незаметно подкрадываться?

– Ни от кого, – улыбнулась она. – Просто отошла в сторонку. Если честно, не фанат офисных дней рождений.

– Я тоже, – сказал Илья и, встав рядом с ней, оценивающе оглядел собравшихся. – Поэтому мы с несколькими коллегами вечером обычно куда-нибудь ходим. Ничего особенного, просто посидеть в более здоровой обстановке. Присоединишься к нам?

– Сегодня?

– Ну, день рождения у меня сегодня.

– Да, конечно, – смутилась Инга. – Я бы с радостью, но не могу. Не знала, что у вас так принято, и запланировала на вечер кое-что.

– Ну, значит, в другой раз, – пожал плечами Илья. Особого сожаления он не выказал, и Инге даже стало немного досадно.

– Хорошо вам посидеть, – сказала она, улыбаясь. – И с днем рождения еще раз. Извини, пойду работать. Очень вкусный торт.

– Да? А мне не понравился. Этим вроде бы Капитонова обычно занимается, – рассеянно сказал Илья и, уже не глядя на Ингу, шагнул обратно в гущу людей.

На третьем коктейле Инга решила, что, если Антон не предпримет никаких действий в самое ближайшее время, она поставит вопрос ребром. Коктейли превратили нетерпение в решимость.

Они сидели в полутемном людном баре уже битый час и все это время трепались без умолку. В любой другой ситуации Инга была бы счастлива, что беседа идет так непринужденно, но сейчас начинала чувствовать раздражение. Если этот разговор был очень плавной подводкой к долгожданному свиданию, то она явно затянулась.

Антон приподнялся, когда она подошла к столу, но не обнял, не чмокнул в щеку, а только неловким жестом указал на диван напротив. Изучая меню, он спросил, голодная ли она, и Инга, которая никогда не находила этот вопрос особо романтичным, тем не менее удивилась, как он смог так его произнести – с интересом, но без тени заботливости. Она сказала: нет; они заказали коктейли. Антон сразу же принялся рассказывать ей про что-то, что сегодня случилось у него на работе. Инга понадеялась, что ему нужно время, чтобы освоиться, но к концу третьего коктейля убедилась, что ее надежда была напрасной. Он и так прекрасно себя чувствовал и получал исчерпывающее удовольствие от разговора.

Инга решила пойти на крайние меры.

– Что-то холодно тут, – сказала она и поежилась.

– Может, тебе заказать что-нибудь горячее? – спросил Антон. – Тут вроде глинтвейн есть.

Инга подавила вздох.

– Можно я лучше пересяду к тебе на диван? – спросила она. – Мне кажется, мне от двери дует.

– Да, конечно.

Антон с готовностью подвинулся, освобождая ей место. Инга, изображая переохлаждение, более естественное в снегах Антарктиды, чем в московском баре, села рядом. Антон ото двинулся еще на несколько сантиметров.

– Может, чаю? – спросил он. Снова никакой участливости в голосе.

– Нет-нет, думаю, сейчас согреюсь. Еще по коктейлю?

Им принесли по четвертому. Антон продолжал болтать как ни в чем не бывало. Он вообще-то был хорошим собеседником – задавал ей вопросы, слушал, не перебивая, остроумно шутил, но все его достоинства тонули в единственном недостатке – не проявлял к Инге никакого романтического интереса.

Когда он отошел в туалет, она достала телефон и быстро написала Максиму:

«Мы с Антоном уже полтора часа сидим в баре пьем, и до сих пор ничего!!!»

«Может быть, он в принципе неторопливый парень?» – ответил Максим.

«Не знаю, но я так больше не могу. Я вообще не понимаю, чего ему от меня надо».

«Ну так спроси».

«Не могу же я действительно так и спросить!»

Вернулся Антон, Инга убрала телефон. Едва сев на диван (Инга обратила внимание: ни на сантиметр ближе к ней, чем раньше), он тут же снова принялся о чем-то рассказывать. Она вдруг поняла, что ей совершенно неинтересно. Вообще-то он рассказывал что-то веселое, и в другой ситуации она бы наверняка с увлечением послушала, но сейчас чувствовала только недоумение и разочарование. Улыбаясь и кивая, она в один присест осушила оставшийся в стакане коктейль и сказала:

– Боюсь, мне пора ехать.

– А, – растерянно протянул Антон. – Прости, не знал, что ты торопишься.

– Нет-нет, я и не торопилась, – заверила Инга, надевая пальто и кидая телефон в сумку, – просто вспомнила кое-что.

– Вызвать тебе такси?

– Спасибо, я сама.

– Я тогда провожу тебя до машины, а сам еще останусь, наверное.

– Конечно.

Они вышли из бара – Антон в одном свитере. Из-за угла дул ледяной ветер, и Инга подумала, что ему, наверное, очень холодно.

– Я что-то слишком рано вышла, – сказала она, глядя на телефон, по которому к точке на карте медленно ползла машинка. – Тебе не нужно ждать со мной, совсем замерзнешь.

– Мне не очень холодно, – ответил Антон с самым неправдоподобным выражением лица. – Тем более, мне приятно общаться с тобой и не хочется тебя отпускать.

Это было самое трогательное, что он сказал за вечер, и Инга вдруг решила – шагнув вперед, она поцеловала его, но почти сразу отстранилась.

– О... – пробормотал Антон. – Понимаешь... ты очень нравишься мне, Инга.

– Но? – подсказала Инга. Ей внезапно стало смешно.

– Но я не уверен, что могу. Я совсем недавно расстался с девушкой, с которой был вместе несколько лет, и, кажется, я пока не готов заводить новые отношения.

– Зачем тогда ты сидишь в тиндере? – Инга пристально смотрела на подъезжающие машины, чтобы не смотреть на Антона. Ей уже перестало быть смешно, и теперь она чувствовала почти негодование, хотя очень старалась его скрыть.

– Думал, что это, наоборот, мне поможет. И понимаешь, когда я увидел там тебя, подумал, что так и будет, но потом ты не пришла, и я снова стал думать, что, наверное, еще не время.

– А зачем в таком случае ты приходил ко мне с кофе?

Антон опустил голову.

– Прости, это все какая-то глупость. Я сам не разобрался, что мне надо.

– Ну, видимо, ты разобрался теперь, – желчно заметила Инга. Ее такси наконец подъехало. – Все, я пошла.

Антон схватил ее за руку. Инга помедлила, глядя ему прямо в глаза. Это был тот самый момент, когда он должен был привлечь ее к себе и поцеловать, раскаявшись в глупости. Как в фильмах. Как она представляла себе, возвращаясь с работы на метро.

– Мне очень жаль, что так вышло, – сказал Антон. – Жаль, что я встретил тебя сейчас, а не позже. Я не могу просить тебя подождать, пока я разберусь со всем этим. С собой, я имею в виду.

– Да уж, – хмыкнула Инга.

Он продолжал держать ее за запястье и молча смотреть ей в лицо. Поняв, что больше ничего не дождется, Инга осторожно сняла его руку со своей.

– Пока, Антон. Мне тоже жаль, – сказала она и тут же стремительно зашагала к такси, пока он не успел ответить.

Упав на заднее сидение, она привычным жестом достала телефон и быстро написала Максиму.

«Ну, золотая моя, радуйся, что ты все про него поняла сейчас», – тут же ответил Максим.

«А то бы что?» – любопытствовала Инга.

«Больше времени бы потеряла. Странный тип. Расстался с бабой, сидит в тиндере и морочит голову».

«Да может, он не такой уж и плохой, – возразила Инга. Как только она услышала отражение собственных мыслей в чужих словах, ей захотелось встать на защиту Антона. – По крайней мере, он поступил честно».

«А писать тебе изначально было честно?»

«Ну, он говорит, что сам не понимал, что ему нужно».

«Ну и зачем тебе такой? Неопределившийся?»

Инга вздохнула и посмотрела за окно. Они проезжали Белорусский вокзал. Подсвеченный в темноте, он казался облитым глазурью.

Телефон снова завибрировал, и Инга не глядя открыла сообщение. Она была уверена, что это Максим написал что-то вдогонку, но ошиблась – написал Илья:

«Жаль, что у тебя не получилось прийти».

Инга некоторое время изучала сообщение, а потом погасила экран, но глаз от него так и не отвела. В черном стекле, как огромные звезды, отражались проносящиеся мимо фонари. Инга снова разблокировала телефон и написала:

«Вы уже разошлись?»

«Пока нет».

«А где вы?»

«На Тверской».

«Приеду к вам».

– Мы можем развернуться? – спросила она у таксиста. Он тяжело вздохнул, но вбил в навигатор новый адрес.

Инга зашла в бар и огляделась, ища глазами большую компанию. Ее коллег нигде не было видно. Она нахмурилась, продолжая рассматривать зал. Она всегда чувствовала себя потеряшкой, стоя с потерянными глазами на пороге, когда ее-то наверняка давно заметили. Человек за барной стойкой махнул ей рукой, и Инга узнала Илью. Он был один.

– А где все? – спросила Инга, приближаясь и на ходу разматывая шарф.

– Аркаша ушел буквально только что. Остальные чуть раньше.

– Ой, прости, – смутилась Инга и замерла с шарфом в руке. – Я думала, вы бурно празднуете. Ты тоже уже собираешься?

– Теперь нет, – сказал Илья и рассмеялся. – Да садись. Я уже даже заказал тебе выпить.

Инга помедлила еще секунду, а потом села.

– Мне как-то неловко, – сообщила она. – Я тебя точно не задерживаю?

– Точно. Я сегодня совершенно свободен и вообще-то рад, что ты приехала.

Бармен поставил перед Ингой коктейль, она отпила его через соломинку. Боковым зрением она видела, что Илья за ней наблюдает.

– Как посидели? – спросила Инга.

Илья пожал плечами.

– Хорошо. Галушкин, правда, перебрал, и Алевтина даже вызвалась отвезти его домой.

Инга бросила на Илью быстрый взгляд, но тут же снова отвела глаза. Интересно, он правда не знает, что Галушкин с Алевтиной встречаются?

– А как твой вечер? – поинтересовался Илья. Теперь Инга пожала плечами, стараясь выглядеть беззаботно. – Судя по всему, не очень хорошо.

– Почему?

– Потому что ты здесь.

Инга хмыкнула.

– Невысокого же ты мнения о своей компании, – произнесла она чуть более игривым тоном, чем хотела.

– Я сделал этот вывод, потому что сначала ты отказалась идти с нами, а теперь пришла. Случилось что-то? – Илья спросил не озабоченно, а с неподдельным интересом, словно надеялся, что и вправду случилось. Ингу это покорило.

– Да нет, – нехотя ответила она. – Просто мне стало скучно, и я понадеялась, что тут веселее.

Илья сделал глоток. Инга заметила, что по сравнению с ней он почти не пьет, и велела себе не засиживаться. Допьет этот коктейль, чтобы не выглядеть невежливо, и домой. Она вовсе не хотела, чтобы история с ней и Ильей в баре повторилась, хватило одного раза. Если бы она знала, что он тут один, то вообще бы никогда не приехала. Или приехала? Инга помешала лед в стакане. Если говорить с собой начистоту, то после встречи с Антоном ей требовалось

поднять себе настроение. Илья подходил для этой цели, как любой другой человек, с которым можно было в пятницу вечером выпить, поговорить и посмеяться, так что она себя не винила. Однако ничего другого нельзя было допускать, поэтому Инга еще раз твердо сказала себе, что посидит ровно столько, сколько полагается в таких случаях – из уважения к тому, что он ее ждал, – а потом уйдет.

– Так чем он был плох? – спросил Илья.

– Кто? – не поняла Инга.

– Ну, тот, с кем ты встречалась. Ты ведь явно сбежала от него, потому что он был ужасен.

Инга сердито посмотрела на Илью. Она постоянно забывала об этой его особенности лезть не в свое дело.

– С ним все было в порядке, – отрезала она. – Говорю же, понадеялась, что тут веселее. Но уже начала сомневаться.

– Ого! – Илья выглядел позабавленным. – А с тобой шутки плохи. Ну, прости. Чтобы ты на меня не сердилась, закажу нам еще выпить.

– Нет-нет, – спохватилась Инга, разом позабыв о своем недовольстве. – Я не могу еще выпить! Мне пора домой.

– Да ладно тебе, – весело сказал Илья. – Ты уже взрослая, можешь лечь спать попозже.

Он постоянно говорил с ней шутливо и покровительственно, и, с одной стороны, Ингу это раздражало, но с другой – она вдруг с изумлением обнаружила – как будто даже немного нравилось. В такие моменты она чувствовала себя другим человеком – беспомощнее и при этом привлекательнее. Было приятно поддаваться этому ощущению, поэтому она, хоть и продолжала возражать для вида, осталась.

За вторым коктейлем последовал третий, а за третьим четвертый. Вокруг было людно и шумно, зеркала и бутылки сверкали в электрическом свете, всюду то и дело раздавались взрывы смеха и звон посуды, стулья громко шаркали по плиточному полу. Инга отошла в туалет и там оглядела себя в зеркало. Она очень понравилась себе: щеки порозовели, глаза блестят, непослушный завиток волос падает на лоб. Инге показалось, что она сама состоит из света и звона. Довольная собой, она вернулась к Илье.

Он сидел, небрежно облокотившись на барную стойку, и на секунду показался Инге по-настоящему красивым. Впрочем, она знала, что это следствие ее восхищения собой, – она давно заметила, что люди вокруг нравились или не нравились ей в зависимости от того, что она сама в этот момент думала о себе. Если она чувствовала себя особенно обворожительно, то как будто одалживала немного этой обворожительности другим и великодушно любовалась ими тоже.

Она села на свой стул и улыбнулась Илье. Музыка вдруг резко стала громче. Он что-то сказал, но Инга не расслышала.

– Что? – спросила она, перекрикивая шум.

Он наклонился к самому ее уху и повторил:

– Может, пойдем куда-нибудь, где потише?

Инга удивилась тому, каким горячим ей показалось его дыхание, а потом – тому, что от ее уха по шее пробежали мурашки. Она отстранилась и кивнула.

– Куда пойдем? – спросила она, когда они вышли из бара. Дверь позади захлопнулась, отрезав от них царивший там шум.

– Тут неподалеку еще одно место. Там должно быть потише.

Инга сделала несколько шагов вниз по ступенькам, но на предпоследней оступилась и слегка покачнулась, удерживая равновесие. Илья подскочил к ней с неожиданной прытью и подхватил, хотя Инга бы и так не упала.

Продолжая держать ее в объятьях, Илья протянул:

– О-о-о-о, кажется, кому-то лучше больше не пить.

– Да все в порядке, – пробормотала Инга, осторожно высвобождаясь. Она как будто отстранялась, но на самом деле лишний раз прикасалась к Илье: сначала положила ладони ему на плечи, потом провела руками по его рукам, прежде чем снять их с себя.

– Нет-нет, – безапелляционно заявил Илья, – с тебя сегодня явно хватит. Сейчас вызовем такси, я отвезу тебя домой.

– Отвезешь?

– Конечно. Я не могу отправить тебя одну в таком состоянии.

– Я в нормальном состоянии, – сообщила Инга.

– Мне все равно будет спокойнее, если я тебя провожу.

Когда такси подъехало, Илья открыл перед Ингой дверь, обошел машину и сам сел с другой стороны. Первым импульсом Инги было подвинуться к нему поближе, но в последнюю секунду она опомнилась и сделала вид, что просто устраивается поудобнее. Автомобиль бесшумно тронулся с места.

В салоне стояла тишина, даже музыка не играла. Илья молчал, и Инга тоже притихла. Как только они оказались внутри, ей вдруг стало не до шуток. Это в людном месте казалось уместным громко смеяться, говорить взахлеб и кокетничать, а здесь даже шевелиться лишний раз не хотелось, чтобы не привлекать внимание. Что они будут делать, когда подъедут к дому? В равной степени невозможно было тут же попрощаться с Ильей, которого она буквально вынудила провести с ней вечер дня рождения, и пригласить к себе. Почему она не ушла после первого коктейля, как собиралась? Инга незаметно вздохнула, глядя в окно.

По крайней мере, в этот раз она еще не сделала ничего такого, за что ей будет стыдно, утешила она себя. Значит, пока ситуация под контролем, не о чем переживать. Провожать ее он сам вызвался. Все в той же книжке про стерву, которую Инга нашла в детстве на даче, было написано, что мужчинам нужно позволять совершать бессмысленные экстравагантные поступки. Якобы они больше ценят женщин, ради которых им приходится терпеть неудобства. У Инги эта модель отношений вызывала сомнения, да и в подвигах Ильи она не нуждалась, но признавала, что взрослые люди вправе транжирить свое время и силы, как пожелают. Если Илье захотелось почувствовать себя джентльменом, провожая ее, пусть провожает. Она не обязана за это быть перед ним в долгу. Когда они приедут, она поблагодарит его и преспокойно отправится домой.

Такси остановилось перед ее подъездом. Инга и Илья вышли.

– Спасибо, что довез, – проговорила Инга.

После теплого салона машины снаружи показалось особенно холодно. Дул пронизывающий ветер, и она зябко спрятала руки в рукава пальто.

– Не будем же мы прощаться посреди улицы, – сказал Илья. – Пойдем хоть в подъезд зайдем, а то ты совсем замерзла.

Он развернулся и решительно направился к дому. Инга, поначалу опешив от его категоричности, поспешила следом. Спорить не стала – если их ждало неловкое прощание, лучше и правда перенести его в тепле.

Ветер пробирал ее до костей. Трясущимися пальцами она набрала код от подъезда, и Илья распахнул перед ней дверь. Инга прошмыгнула под его рукой внутрь.

– Какой этаж? – не столько спросил, сколько как будто повелел ей ответить Илья.

– Второй, – послушно сказала Инга, сама не понимая, почему идет у него на поводу. Его бесцеремонность и властность одновременно отталкивали ее и привлекали.

Илья поднялся по ступенькам и замер на лестничной клетке, выжидательно глядя на Ингу. Она медленно приблизилась, медленно достала из сумки ключи. Инга ждала, что он наконец сам начнет прощаться, но он ничего не говорил и не двигался с места. Она неторопливо вставила ключ в замочную скважину, повернула его и убрала в карман пальто. Дверь она распахивать не стала.

Отступать было некуда. Нужно было повернуться к Илье и твердо дать понять, что ему пора идти. Или все-таки пригласить его? Как-то неприлично прогнать его сейчас, когда он стоит на пороге. Хотя Инга и не просила провожать ее, ей было неловко, что начальник вынужден с ней возиться.

Она обернулась к Илье и неуверенно подняла на него глаза. Он стоял рядом, немного нависая, и Инга снова почувствовала себя меньше и беспомощнее – но эта слабость показалась ей вдруг такой притягательной – первобытной, идущей из самого нутра, – что захотелось больше не думать и отдаться ей целиком.

Илья так стремительно наклонился к ней и поцеловал, что Инга не успела бы остановить его, даже если бы хотела. Но она ничего не хотела, очарованная простотой момента. Было так приятно на секунду выбросить из головы все переживания – «это непрофессионально, она пожалеет, что она станет делать потом» – и пустить все на самотек.

Илья с силой прижал Ингу к двери, и они практически вломились в квартиру. Он целовал ее торопливо, грубо и как-то неумело, не стараясь приладиться и почувствовать, как она отвечает. Под этим камнепадом поцелуев Инга на ощупь вытянула руку и захлопнула дверь. Илья содрал с нее пальто и шарф и снова обрушился с поцелуями, теперь спускаясь ниже и впиваясь губами в шею. Инга опять почувствовала мурашки, но не от приятного возбуждения, а почти от боли. Она тоже целовала Илью, в темноте попадая то в щеку, то в ухо, но за его напором ей было не угнаться. Он скинул на пол свою куртку и пиджак, стащил с Инги свитер и снова набросился на нее. Он словно участвовал в каком-то соревновании неясно с кем, пытаясь продемонстрировать образцовую страсть. Ей это льстило, но она бы предпочла, чтобы он старался поменьше.

Илья принялся молниеносно расстегивать пуговицы на своей рубашке, продолжая, впрочем, терзать Ингу поцелуями. Она испугалась, что он попытается заняться с ней сексом прямо в коридоре на полу, а в следующую секунду с не меньшим ужасом попыталась вспомнить, брила ли сегодня ноги. Конечно, брила, она же готовилась к свиданию с Антоном. Пока Илья в самом деле не повлек ее на пол, Инга осторожно обошла его и начала медленно пятиться в комнату, маня его за собой. Они рухнули на кровать. Инга приказала себе перестать думать и просто плыть по течению, но не могла – непомерный энтузиазм Ильи то и дело возвращал ее к реальности. Она подумала, что на шее точно останутся синяки. Он, не расстегивая, рванул с нее юбку вниз – Инга услышала треск ткани и внутренне возмутилась: дорогая, между прочим, юбка, можно бы и поаккуратнее. Стараясь тем не менее изображать ответное воодушевление, Инга втайне мечтала, чтобы пыл Ильи наконец иссяк.

Он в самом деле на секунду остановился и принялся нетерпеливо шарить в темноте в своей одежде. Инга в первое мгновение не поняла, что он делает, потом догадалась – ищет презерватив. Ей бы порадоваться передышке, но вместо этого Инга ощутила давящую неловкость. Суета Ильи так резко контрастировала с ее собственным вежливым ожиданием, что ей было почему-то стыдно, причем за него больше, чем за себя. Потом Инга услышала звук надрываемой фольги, и ей вдруг стало не по себе, словно еще минуту назад можно было все как-то весело закончить, но уж теперь ясно было, что это всерьез.

Секс занял всего несколько минут – впрочем, Инга была рада. Сама она не получала ни малейшего удовольствия – пожалуй, даже меньше, чем обычно, из-за заставшего ее врасплох напора Ильи, – и привычно сосредоточилась на том, чтобы стонать и вскрикивать в нужные моменты. Она не хотела все испортить своим безразличием и поэтому, лежа на спине и вздрагивая от толчков, старательно демонстрировала восторг. Каждый ее вскрик, казалось, служил для Ильи поощрением – он принимался двигаться с удвоенной силой, словно хотел ей что-то доказать. Несколько раз он довольно ощутимо шлепнул ее по ягодице, так что Инга едва не ойкнула. После серии особенно интенсивных толчков (угадав, Инга вовремя издала протяжный стон) Илья скатился с нее и распластался на спине, тяжело дыша.

Инге показалось, что в комнате после отчаянной бури наступил штиль. Она сама тоже глубоко дышала, глядя в потолок. Шея, грудь и бедра горели от всех поцелуев, укусов, шлепков и щипков, которыми Илья ее осыпал. Когда дыхание выровнялось, а молчание показалось слишком затянувшимся, она приподнялась на локте и спросила:

– Ты как?

– Нормально, – с удивительным безразличием ответил Илья.

Инга ждала какого-то продолжения, но он молчал, не глядя на нее и не задавая встречных вопросов. Ингу это озадачило, но она сказала себе, что так, возможно, даже лучше: больше всего она ненавидела, когда мужчины после секса спрашивали у нее, было ли ей хорошо. Почему-то это всегда спрашивали только те, с кем хорошо не было.

Илья сел на кровати и осмотрелся. Хотя глаза уже привыкли к темноте и предметы в ней стали постепенно проступать, Инга сомневалась, что он многое разглядел. Свет ей включать не хотелось. Казалось, что, как только он зажжется, ей придется столкнуться с последствиями лицом к лицу. Пока можно было спастись мнимой невидимостью.

– Хочешь чего-нибудь? – спросила Инга.

– Есть вода?

Инга встала с кровати и, переступив через разбросанную на полу одежду, пошла на кухню. Илья тоже встал, безошибочно обнаружил ванную и зашумел водой. Инга специально задержалась на кухне, чтобы он вернулся первым, а потом подала ему стакан и уселась рядом на кровать. В темноте ей было видно его спину и плечи. Она подумала о том, чтобы наклониться и поцеловать его в плечо – не из нежности, а скорее в подтверждение того, что между ними только что случилось, – но не стала. Илья допил воду и поставил стакан на пол.

– Наверное, мне лучше уйти, – вдруг объявил он.

Инга хотела было запротестовать – он провел в ее квартире не больше получаса, и это казалось одновременно негостеприимным по отношению к нему и оскорбительным по отношению к ней, но неожиданно передумала это делать. Выпитое за вечер пока оказывало на нее анестезирующий эффект, но она знала, что скоро он начнет улетучиваться и тогда на нее обрушится ужас от содеянного. Лучше было не усугублять этот ужас присутствием Ильи.

Он немного помедлил, словно ждал, что она будет его останавливать, но потом принялся одеваться. Инга давно заметила, что одевание иногда смущает людей больше, чем раздевание: видимо, предстоящий секс лишает их страхов, но после они всегда с особой остротой чувствуют свою уязвимость. На случай если Илья испытывает какую-то неловкость, она соскользнула с кровати и тоже направилась в ванную. Включила свет, посмотрела на себя в зеркало. На шее и правда уже начали зацветать сиренево-багряные круги. Инга недовольно поморщилась, накинула халат и вышла, как раз когда Илья уже ждал ее у входной двери.

– Видимо, до понедельника.

По голосу Инга поняла, что он улыбнулся. Это неожиданно придало ей смелости, и она сказала:

– Илья, а что теперь мы будем...

Илья не дал ей договорить, приложив палец к губам, а когда Инга покорно замолкла, наклонился и поцеловал ее – на этот раз спокойно, без суеты. Отстранившись, он сказал: «Пока» – Инга почувствовала, что он снова улыбается, – распахнул дверь (она оказалась не заперта) и вышел. Оставшись одна, Инга щелкнула замком и прошлепала в комнату, где, спрятавшись под одеяло с головой, моментально уснула.

Когда она открыла глаза, за окном было еще темно. Неимоверно хотелось пить. Инга опустила руку и пошарила рядом с кроватью, надеясь, как обычно, найти телефон на зарядке и посмотреть, который час. Телефона не было – значит, вчера она забыла его подключить. Инга простонала и перевернулась на спину. Она никогда не забывала о телефоне за исключением

совсем редких случаев, если накануне смертельно устала или слишком много пила. Нужно было встать и найти его, а заодно налить себе воды. Шея страшно ныла, видимо, Инга неудобно спала. Она провела по ней рукой и вдруг вспомнила.

Ингу подбросило на кровати, и она села так резко, что закружилась голова. Все события вчерашнего вечера разом проступили в ее памяти, словно их подсветило вспышкой фотоаппарата. От ужаса у Инги даже перехватило дыхание.

Очень медленно она встала. На полу по-прежнему была разбросана ее одежда, которую она вчера так и не удосужилась поднять. При взгляде на скомканную юбку Ингу снова захлестнула волна паники. Это не могло случиться на самом деле, однако сомнений не оставалось.

Инга, покачиваясь, дошла до кухни, трясущимися руками налила себе воды и жадно выпила. В доме напротив горело два окна. Инга облокотилась на свой любимый подоконник, глядя перед собой невидящим взглядом. Ей было стыдно от всего разом: оттого что она так напилась, оттого что Илья даже не нравился ей по-настоящему, оттого что он был ее начальник и им совсем скоро снова предстояло увидеться, оттого что секс вышел таким безобразным. Все эти переживания сплетались внутри в один пульсирующий огненный ком. Инге казалось, что она бежит вдоль обрыва, а земля позади нее осыпается и падает в пропасть, и когда эта пропасть догонит ее, Инга тоже рухнет вниз. Она закрыла глаза. Хотелось, чтобы можно было сохраняться, как в компьютерной игре, и сейчас вернуться назад, во вчерашний вечер, когда ничего еще не произошло.

Мысли металась, как бабочки в банке. Инга вспомнила Антона, схватившего ее за руку, и пронизывающий ветер, который в этот момент налетел из-за угла, блеск бутылок на полках в баре, глухую тишину такси. Инга вспомнила, как она, пьяная и самоуверенная, смотрела на себя в зеркало и упивалась своей неотразимостью, как Илья подхватил ее на ступеньках, как она впечаталась лопатками в дверь, когда он обрушился на нее с поцелуями. При этом воспоминании Инга опять застонала. Ей было не просто стыдно за произошедшее, ей было стыдно за то, как именно оно произошло: как грубо Илья ее хватал, как натужно старался впечатлить ее своей страстью, как сама она ненатурально вскрикивала, лежа под ним.

Инга поплелась в прихожую и поискала телефон в кармане пальто. Он действительно оказался там, почти разряженный. Было восемь, на экране горело одно сообщение. Оно оказалось от Максима – он прислал ей какой-то англоязычный мем. Инга посмотрела на сообщение почти с нежностью. Как было приятно, что в ее рушащемся мире существовал Максим, который присылал ей мемы. Можно было даже подумать, что ничего страшного не произошло и ее жизнь идет своим чередом.

Зайдя в ванную, Инга посмотрела на свое лицо и тут же скривилась. Она выглядела отекающей и невыспавшейся, да еще и забыла смыть косметику, так что тушь размазалась под глазами. Шея представляла собой совсем устрашающее зрелище – вся в багровых разводах, – и на груди Инга тоже заметила синяки. Едва не хныча от внезапно накатившей жалости к себе, она осторожно забралась в ванну и включила воду.

Под душем ей немного полегчало – за шумом воды мысли как будто звучали тише, но стоило ей выбраться из ванной, как их снова выкрутили на полную громкость. Инга даже всхлипнула и зажмурилась, стоя над раковиной с зубной щеткой в руке. Никаких оформленных переживаний она больше не испытывала – стыд временами просто налетал, как стая птиц, трепал и мочалил ее, а потом уносился бесследно, уступая место абсолютному безмолвию внутри.

Инга сварила себе кофе и села перед окном. Ей нужно было заставить себя обдумать ситуацию, как бы мучительно это ни было. Скрипя зубами, она мысленно перебрала события прошлого вечера.

Почему она не ушла, как хотела? – Но разве могла она такого ожидать?

Зачем вела себя так игриво? – Но разве она просила Илью ехать с ней и приглашала в квартиру?

Инга знала, что ее поведение не было образцовым. Она строила глазки, флиртовала, а на выходе из бара, когда Илья ее подхватил, прикасалась к нему дольше, чем требовалось. Илья тоже вовсе не вел себя как начальник. Все эти их намеки, шутки и поддразнивания были как вода, наполняющая ванную, – но кто мог подумать, что в конце она перельется через край и хлынет на пол?

Наибольшие мучения, однако, Инге приносили воспоминания о самом сексе. Он был таким стремительным и неловким, что ее опять обожгло стыдом. Одно дело – переживать из-за секса с начальником в принципе: в этом хотя бы была пикантность. Другое дело – переживать из-за плохого секса.

Уволит ли ее теперь Илья? Инга постаралась бесстрашно проанализировать последствия. Пожалуй, вряд ли. Это было бы несправедливо: в конце концов, он сам виноват не меньше, а вообще-то даже больше нее. К тому же, прощаясь, он сказал: «До понедельника», и это тоже настраивало на оптимистичный лад. С другой стороны, мысль о понедельнике не слишком ободряла. Как себя держать? Делать вид, что ничего не произошло? Наверное, это самый правильный вариант, но Ингу заранее смущала недосказанность. Как будто до тех пор, пока они не обсудят случившееся и не поставят в нем точку, проблема не решится и будет маячить где-то неподалеку, действуя на нервы.

Скорей бы Максим проснулся. Инге нужно было срочно рассказать ему, что произошло. Он наверняка даст совет или, как минимум, сможет трезво оценить, насколько плохи ее дела. Инга надеялась, что милосердие к ней и пренебрежение корпоративными условностями позволят Максиму не судить слишком строго.

За окном медленно светало, как бывает поздней осенью: ночь просто стала на несколько оттенков серее, вылиняла. Через несколько часов этот процесс повторится в обратную сторону – серость опять сгустится до черноты, как будто в воздух добавили пигмента. Что бы там ни говорила ее мать, Инга ненавидела осень. Ни витамин D, который она ответственно пила начиная с августа, ни всевозможные лампы, торшеры и ночники не могли искупить отсутствие солнца. Ежегодно Инга видела в ленте статьи «Десять вещей, которые помогут вам пережить осень» и с надеждой их открывала, но все содержащиеся в них советы («одевайся ярко!», «ешь вкусненькое!», «слушай бодрящую музыку!») вызывали у нее только желчные фантазии о смерти автора.

Сегодня она, однако, чувствовала, что ей нужно занять голову любыми способами. Для начала Инга все же включила бодрящую музыку, надеясь, что она вытеснит мысли, и начала наводить порядок. Быстро выяснилось, впрочем, что работа ничуть не успокаивала. Даже наоборот – монотонные действия только способствовали размышлениям. Тогда Инга решила, что сегодня в таком случае будет, наоборот, особенно любить и жалеть себя. Достав из морозилки мороженое, лежавшее там уже месяца два, она завернулась в одеяло и включила сериал. Она старалась увлечься сюжетом, прилагала настоящие усилия, чтобы не думать о посторонних вещах, но напрасно – на кромке сознания постоянно трепыхалась беспокойная мысль: вдруг о том, что произошло, узнают, вдруг ее ждет наказание? Мороженое казалось приторно сладким.

Телефон завибрировал, и Инга нервно схватила его, надеясь, что это Максим. На экране, однако, висело сообщение от матери:

«Буду в твоём районе через полчаса, хочу зайти. Ты дома?»

Инга издала очередной стон и повалилась на кровать, спрятав голову под одеяло. Полежав так, в темноте, полминуты, она снова села и ответила:

«Дома».

Мать прочитала сообщение, но ничего больше не написала, и Инга, кряхтя, выбралась из кровати. Пройдясь по квартире, она постаралась заранее оценить, что в ней может вызвать у матери недовольство. Каждый раз, приходя к Инге, та обязательно находила в ее быту какой-то изъян, причем временами строго противоположный тому, который находила раньше. В один

день матери не нравилось, что Инга пьет воду из фильтра («когда ты последний раз меняла картридж? Проще уже из-под крана пить»), в другой – что Инга покупает воду в пятилитровых бутылках («ты что-нибудь слышала про экологию?»). Она замечала одну перегоревшую лампочку в люстре среди пяти, висящую в прихожей зимнюю куртку в мае, пластиковые контейнеры из-под еды в мусорном ведре. Нельзя сказать, что за все это она ругала Ингу. Она просто ее информировала, но так, что сразу становилось ясно: приличные люди такого не допускают.

Проходя мимо зеркала, Инга скользнула по нему взглядом и тут же вспомнила про синяки на шее. Выругавшись сквозь зубы, она сначала попыталась замазать их тональным кремом, но, потерпев неудачу, просто натянула водолазку с высоким горлом.

– Зачем ты так вырядилась? – спросила мать с порога, бросив на нее один-единственный взгляд, и тут же отвернулась, чтобы повесить пальто на вешалку.

– Замерзла, – буркнула Инга. Ее и без того плохое настроение моментально испортилось еще больше. Сегодня она предпочла бы вообще никого не видеть.

– Да? А мне кажется, у тебя жарница. Я принесла продукты и собираюсь приготовить обед. Ты сама себе наверняка ничего не готовишь.

Мать прошествовала на кухню, шелестя пакетом. Инга покорно уселась на стул.

– Как на работе? – поинтересовалась мать. Она стояла спиной, и Инга, в ту же секунду почувствовав, что заливается краской, этому очень порадовалась.

– Нормально, – постаралась произнести она будничным тоном. Голос тем не менее предательски дрогнул.

– Как отметили день рождения твоего начальника? Ты говорила, что покупала ему подарок.

Инга вцепилась руками в стул, словно боялась упасть. Мать обладала феноменальной способностью чутя вопросы, на которые она не желала отвечать.

– Нормально отметили, – промямлила Инга и постаралась перевести тему. – Как у тебя дела?

– Эта неделя у меня была рабочая. Из интересного – брала интервью у священника. У него очень популярный инстаграм, он там на религиозные вопросы отвечает человеческим языком. Простой дядька, выглядит искренним. Мне понравилось с ним разговаривать. Не смотрела?

– Ты знаешь, я по утрам собираюсь на работу, когда у тебя передача, – уклончиво ответила Инга и поерзала на стуле.

– Необязательно придумывать оправдания. Я и так знаю, что ты редко смотришь мои эфиры. Но этот был хороший.

В детстве Инга ужасно гордилась маминой работой. Когда у ее одноклассников спрашивали, кто их родители по профессии, все говорили: «бухгалтер», или «менеджер», или в лучшем случае «врач». Потом очередь доходила до Инги, и она триумфально заявляла: «Мой папа – художник, а мама – телеведущая». Казалось, все сразу проникались к ней уважением.

Мать иногда узнавали на улице и просили автограф. Если в этот момент рядом оказывалась Инга, то она надувалась от важности и про себя даже немного обижалась, что маму это внимание как будто не трогает. Ей казалось, что безразличием к своей популярности мать и у нее отбирает основание для гордости. Инга не желала с ним расставаться. Знакомясь с другими детьми, она первым делом хвасталась тем, кто ее мама. Она смотрела все ее эфиры. Ингу завораживало, что эта женщина в телевизоре, такая строгая и невозможно красивая, живет у нее дома. Ее хотелось постоянно рисовать. Ингу удивляло, что отец не делает этого.

Инга не могла точно сказать, почему со временем ее отношение изменилось. В четырнадцать ей вдруг стало казаться, что утренние ток-шоу – развлечение для стариков и больше их никто не смотрит. Она сама смотрела MTV. Вот там вести передачи было круто, а прогнозы погоды, курсы валют и репортажи из деревень, где построили долгожданный мост, казались

ей прошлым веком. Теперь она даже немного стыдилась признаваться, что мать работает на допотопном телевидении.

Вскоре умер отец, и Инга ударилась в почитание его памяти со всей силой подростковой экзальтации. Ей казалось, что, в отличие от матери, он делал в жизни что-то стоящее. Как раньше она боготворила ее, так теперь стала боготворить его. Инга решила, что обязательно пойдет по отцовским стопам. Материнская профессия окончательно перестала вызывать у нее что-либо, кроме презрения. Мать занималась конъюнктурой – Инга вслед за отцом собиралась творить вечность.

Мать никак не комментировала ее планы до тех пор, пока Инга торжественно не объявила, что намерена выучиться на художника. Про себя она приготовилась отражать удары. Она не сомневалась, что мать скажет, что это непрактично, не принесет ей денег и, возможно, поначалу даже не принесет успеха. Инга была готова ко всему. Мать выслушала ее, отложив книгу, которую читала, и сказала: «Поступай как знаешь. Мне всегда казалось, что лучше быть первым маляром, чем посредственным художником», – после чего с невозмутимым видом вернулась к чтению.

В Инге поднялась настоящая буря. Ей хотелось кричать и топтать ногами: почему ты считаешь меня посредственностью? Почему не интересуешься моим будущим? Если бы мать стала ее отговаривать, и то было бы приятнее.

Инга, конечно, промолчала. От матери истериками ничего нельзя было добиться. Вместо этого Инга пошла в свою комнату и там принялась перебирать рисунки. Ее трясло от негодования. Видела она вообще, как Инга рисует? Разве мало в ней таланта, чтобы стать настоящей художницей?

Проведя ревизию своих набросков, Инга сложила их обратно в папку и решила, что завтра покажет все учительнице по изо. Этого урока у них давно уже не было, но учительница помнила Ингу с младших классов, всегда здоровалась с ней в коридоре и неизменно говорила, какой способной ученицей та была. Инга решила, что ей нужно заручиться мнением профессионала – во-первых, это добавит ее работам веса, а во-вторых, наверняка докажет матери, что она настроена всерьез.

Однако утром, когда Инга снова открыла папку, ее решимость поугасла. Все рисунки вдруг показались ей детскими и жалкими. В тот день Инга так и не взяла с собой ни одного – она не могла допустить, чтобы учительница по изо недостаточно ее похвалила, а вернувшись из школы, уселась за стол и стала рисовать почти с остервенением. Она решила, что должна сделать что-то такое, что всех поразит, нарисовать так, как никогда раньше не рисовала, чтобы учительница хлопнулась в обморок от ее гениальности, а мама сказала: теперь я вижу, ты – настоящий художник. Инга просидела до самого вечера, пробуя то срисовать горшок с цветком, то набросать воображаемый пейзаж, то автопортрет, но ничего не выходило. И горшок, и ее собственное лицо получались вполне похожи на оригинал, но маму таким было не поразить.

Несколько следующих недель Инга не оставляла попыток. Вернувшись из школы, она сразу же садилась рисовать. Иногда она делала перерыв на несколько дней в надежде, что дремлющий в ней творческий потенциал созреет за это время, но все было напрасно. Чем больше Инга старалась, тем меньше ей нравился результат. Злость и неудовлетворенность копились в ней, а потом наконец выплеснулись наружу – однажды вечером, в очередной раз увидев, что рисунок никуда не годится, Инга вдруг разъярилась, скомкала его, с размаху швырнула на пол коробку с акварельными красками, отчего они все разбились в труху, а потом упала на кровать в рыданиях и еще долго мутузила подушку кулаками. На следующий день она собрала все свои рисунки и выбросила их в мусорный бак на улице. Еще через месяц, немного справившись с разочарованием, подумала, что могла бы поступить в архитектурный – все же рисовала она явно лучше среднего, но почти сразу с отвращением отмела эту мысль. Полумеры были ей не нужны.

В итоге после школы она поступила на факультет журналистики, где выбрала направление «связи с общественностью». Учиться там было легко, но неинтересно – впрочем, Инга подозревала, что ей вообще неинтересно учиться. Здесь материнская профессия опять обрела ценность: Инга всегда могла пройти у нее летнюю практику или договориться об интервью для какой-нибудь отчетной работы, но решила этим не пользоваться. Она не хотела, чтобы остальные думали, будто она поступила по блату, да и вообще – будто мать оказала влияние на ее выбор. В детстве родство с телезвездой возвеличивало, а теперь скорее обременяло.

Они пообедали. Мать заметила, что сидеть перед подоконником на высоком стуле – все равно что на жердочке, неужели Инге удобно так есть? Инга мрачно ответила: «Удобно». Она видела, что Максим что-то наконец написал, но при матери не стала проверять что.

Ей показалось, что сегодня мать не уходила дольше обычного: сначала она помыла посуду, хотя Инга настойчиво уверяла, что сделает это сама, потом заварила чай (она пила только чай), потом вспомнила, что привезла напечатанные фотографии с дачи, и стала их показывать. С одной стороны, все это немного отвлекало Ингу от тревожных мыслей, с другой – она быстро устала изображать беззаботность. В одиночестве можно было хотя бы не держать лицо.

Когда мать ушла, Инга повалилась на кровать. В голове было пусто, но внутри засело беспокойство, которое не ослабевало ни на секунду и мешало, как шипящий радиоприемник. Инга попробовала даже чуть-чуть поплакать, но слезы не лились – она испытывала не жалость к себе, а только страх перед последствиями.

Зато теперь она наконец могла рассказать обо всем Максиму. Свернувшись калачиком, Инга настроила ему несколько длинных сообщений, описывая вчерашний вечер. Этот процесс уже сам по себе имел терапевтический эффект. Сохранять в переписке уровень трагического отчаяния, который Инга испытывала наедине с собой, было невозможно. Почти сразу она непроизвольно сбилась на ироничный тон и удивилась, как уже только от одного этого ей стало легче.

Максим заявил, что не сомневался: этим все и кончится. «И что ты теперь собираешься делать?» – поинтересовался он.

«Не знаю! – набрала Инга, чувствуя, как в ней вновь поднимается паника. – В том-то и дело! Я боюсь даже представить, что будет, если об этом кто-нибудь узнает».

«Ну а с чего бы об этом кому-то узнать? Твой Илья же вряд ли станет об этом рассказывать на работе. И ты тоже».

«В целом да,» – согласилась Инга. За приступом иррационального ужаса она даже не подумала, как именно об этом может стать известно. Илья не станет болтать, а она и подавно.

«Но я имел в виду, что ты дальше собираешься делать с ним,» – продолжил тем временем Максим.

«В смысле, что делать?»

«Ну вот вы переспали, и?»

«Я все еще не понимаю вопроса, – заупрямилась Инга. – Какое тут вообще может быть дальше? Я не знаю, как мне это пережить!»

«Ну, может, вы о чем-то договорились. Или это так, ван-найт-стенд?»

«Я понятия не имею, что это было. – Инга попыталась собраться с мыслями, а потом даже вздохнула, хотя Максим не мог ее слышать. – Но совершенно точно любое продолжение исключено. Один раз такое, может, еще удастся спустить на тормозах, но никаких отношений я с ним завязывать не собираюсь, боже упаси. Он мне даже не особо нравится».

«Для этого заявления ты ведешь себя не очень последовательно», – съехидничал Максим.

«Я просто расстроилась из-за Антона! – возмутилась Инга. – И напилась! И Илья полез, а потом все произошло так быстро, что я даже не успела подумать».

«Как скажешь».

Инга надулась и погасила экран телефона. На что бы там ни намекал Максим, она точно знала, что вовсе не хочет сблизиться с Ильей. Во-первых, это действительно осложнило бы ей работу, а во-вторых, сам Илья по-прежнему не тянул на роль возлюбленного. Надо просто пережить эту стыдную историю, а для этого – постараться сделать вид, будто ничего не произошло. В понедельник она намеревалась вести себя как ни в чем не бывало. Повторяя это про себя, как мантру, Инга села дальше смотреть сериал.

Впрочем, до понедельника ее настроение успело не раз измениться. К концу субботы Инга неожиданно ощутила обиду, что Илья ей за весь день ни разу не написал. Он никогда раньше не писал ей по выходным, совершенно точно не обещал написать на этих, и саму Ингу еще утром ужаснула бы подобная перспектива – тем не менее к вечеру она обнаружила, что недовольна. В воскресенье ее недовольство сменилось раздражением, а потом – уже привычной тревогой. Молчание, которое она еще недавно считала естественным, вдруг показалось Инге зловещим. Она по-прежнему не нуждалась в ухаживаниях Ильи, но вежливое «как дела?», рассуждала она, было бы вполне уместно! Все же нельзя отрицать, что их отношения с пятницы изменились и нуждаются в прояснении. Он молчит, потому что стыдится? Потому что считает ее виноватой? Потому что собирается уволить? Потому что ему все равно? Инга переживала и вздрагивала каждый раз, когда ей приходило новое сообщение. Однако, несмотря на переживания, сама она тоже не писала Илье. Она боялась выглядеть глупо.

Утром в понедельник ее настроение совершило еще один кульбит. Проснувшись, Инга вдруг почувствовала неожиданный прилив сил. После двух дней, которые она провела, мучаясь то совестью, то страхом, это было приятное разнообразие. Собираясь на работу, Инга испытывала веселое предвкушение, словно там ее ждало что-то интересное. Свою неожиданную бодрость она объяснила тем, что знание лучше незнания. Инга так устала фантазировать о тех ужасах, которые ее ждут, что уже почти мечтала столкнуться с ними вживую. К тому же сегодня у нее было хорошее предчувствие.

Инга приехала в офис за десять минут до начала рабочего дня. Там было почти пусто. Из их отдела только Мирошина уже сидела на своем рабочем месте и вертелась на стуле в ожидании, когда включится ее компьютер. Она махнула Инге и, когда та поздоровалась, спросила:

– Как выходные?

– Хорошо. Как твои?

– Тиша заболел. Возила его к ветеринару. Жаль, что ты не пошла с нами в пятницу.

У Инги бухнуло сердце.

– Хорошо посидели? – спросила она, делая вид, что собирает бумажки, с прошлой недели раскиданные на столе.

– Ага. Тебя вспоминали.

Сердце застучало громче.

– Что говорили?

– Да ничего особенного. Мне показалось, Бурматов прямо расстроился, что ты не с нами.

– Я думаю, ты преувеличиваешь, – пробормотала Инга, старательно и явно дольше необходимого постукивая стопкой листов по столу.

Работы оказалось много, и Инга пропустила момент, когда Илья пришел. Повернувшись к Алевтине с каким-то вопросом, она увидела из-за ее плеча, что он уже сидит в кабинете. Ингино сердце опять забило, и она почувствовала, как щеки горят. Ей вмиг стало так стыдно, как будто ее уже поймали с поличным. Однако к этому стыду примешивалось и другое, неожиданное чувство – Инга вдруг ощутила к Илье симпатию, почти нежность, оттого что они были связаны общим секретом. Это делало его особенным и более близким человеком, чем все остальные. В смятении Инга отвернулась к своему компьютеру и уставилась на открытый имейл. Курсор мигал на недописанной строчке. Инга смотрела на него как зачарованная, но

слов не видела. Нужно успокоиться, сказала она себе. Ты не можешь так бурно реагировать каждый раз.

Ее волнение постепенно улеглось, а потом вновь сменилось нетерпением – Инга жаждала действий. Она ждала, что Илья позовет ее поговорить – конечно, по рабочему вопросу – или хотя бы напишет и по его тону она сможет понять, что он думает. Однако он не звал и не писал. После обеда он куда-то ушел, собрав рюкзак и кивнув им на прощание. Инга жадно следила за ним глазами и готова была поклясться, что на нее он даже не посмотрел.

То же самое повторилось на следующий день и на следующий. Инге казалось, что Илья намеренно избегает общения с ней, – она не могла вспомнить, чтобы раньше у них три дня не находилось повода поговорить. На планерке в среду они, конечно, перебросились словами: Инга отчиталась о работе за неделю, Илья задал уточняющий вопрос. Голос его при этом звучал равнодушно, и сам он опять едва на нее взглянул.

Максим советовал думать позитивно. «Ты ведь хотела как можно скорее забыть обо всем, – увещевал он Ингу. – Чем ты теперь недовольна?» Инга сама толком не понимала. Страх, что о случившемся станет известно, сменился недоумением: неужели они будут делать вид, что ничего не произошло? Раньше Инга фантазировала о всевозможных исходах: Илья ее уволит, Илья извинится, он будет несправедливо ее третировать или, наоборот, начнет за ней ухлестывать, но единственное, что никак не укладывалось в голове, – что все останется по-прежнему. Пока, однако, происходило именно это, и Инга, осмелев, даже почувствовала себя оскорбленной.

Поэтому, получив поздно вечером в среду сообщение от Ильи, она не сразу открыла его, а сначала просто созерцала уведомление на экране, чувствуя, как внутри закипает азартное предвкушение. Вот оно, развитие, наконец-то! Инга смаковала это чувство. Ее не волновало, что именно она прочтет, намного важнее был сам факт написанного сообщения. Это было признанием, подтверждением того, что между ними случилось. Оказывается, Инга не столько боялась возможной кары, сколько того, что Илья забыл о произошедшем. Сделав глубокий вдох, она стукнула по экрану.

«Занята завтра вечером?» – написал Илья.

На Ингу снизошло одновременно торжество при виде такого ослепительного доказательства собственной правоты и разочарование – настолько это было пошло, предсказуемо и банально. Конечно, Илья просто делал вид, что не замечает ее. Конечно, он ни о чем не забыл. С чего она вообще сомневалась? Инга даже усмехнулась при виде такой красноречивой иллюстрации своей власти над мужчинами.

Однако, хоть внимание Ильи ей и льстило, она не собиралась его поощрять. Во-первых, все ее переживания были еще слишком свежи и Инга боялась окунуться в них снова. Во-вторых, Илья просто не стоил этих переживаний.

Требовалось сформулировать деликатный отказ. Угораздило же его очароваться! Теперь к прежним трудностям прибавилась новая. А вдруг Илья обидится и решит проучить ее в отместку? Все-таки он начальник, и отказывать ему, как утверждалось в фейсбучных страшилках, чревато проблемами.

Эти мысли всплыли в Ингином мозгу, как пузыри на поверхности воды, и, тут же лопнув, растворились бесследно. Удивительно: она, еще пару дней назад с ума сходящая от страха, теперь вдруг почувствовала себя абсолютно неуязвимой. Ощущение собственной привлекательности как по волшебству придало Инге сил. Мстительные начальники существовали только в фейсбуке. В реальности были два взрослых человека, один из которых понравился другому – увы, без взаимности. Бывает. Инга не сомневалась, что с легкостью это разрешит. Нужно было только понять, что именно хотел предложить ей Илья, и в зависимости от этого придумать ответ.

«Пока не знаю, – наконец ответила Инга, решив действовать осторожно. – А что?»

Илья долго не читал сообщение, и она устала ждать. Чтобы отвлечься, Инга включила какой-то ролик на ютубе. Тут же ей пришел ответ.

«Завтра в 19 фокус-группа. Я еду посмотреть, хочу, чтобы ты поехала со мной».

Инга почувствовала, как краснеет, хотя ее никто не видел. Падать с высоты своего самодовольства было болезненно. Она даже прикрыла глаза, переживая неслучившийся позор. Какое счастье, что она ответила туманно, а не начала с ходу разьяснять Илье, почему ему ничего не светит.

Инга вспомнила Максима с его советом думать позитивно и, чтобы вернуть себе уверенность, стала перечислять в голове плюсы. По крайней мере, Илья в нее не влюблен, а значит, неловкости удалось избежать. Кроме того, он наконец-то начал с ней разговаривать и даже позвал на встречу – добрый знак. Их отношения скоро обязательно вернуться в нормальное рабочее русло. Ингино самолюбие было, конечно, уязвлено оттого, что Илья не начал бегать за ней, но, если посмотреть на вещи трезво, такое развитие событий – самое удачное.

«Да, конечно, я поеду с тобой к 19», – смиренно ответила она.

Весь следующий день Инга провела в ожидании, как будто вечером ее ждала не унылая фокус-группа, а самый настоящий сюрприз. Поймав себя на этом, Инга тщательно проанализировала причину и пришла к выводу, что просто испытывает невероятное облегчение оттого, что жизнь снова начала налаживаться.

За весь день Илья, впрочем, опять не перекинулся с ней ни словечком. Инге казалось, что все без исключения сегодня зашли к нему в кабинет, кроме нее. В обычный день она бы не обратила на это внимания, но сейчас параноидально подмечала любую мелочь.

Когда они вернулись с обеда, Мирошина включила на своем компьютере радио «Шоколад». Она и раньше так делала, неизменно слушая его на полную громкость без наушников. Инга первый раз изумилась и ждала, что кто-нибудь сделает замечание, но остальных музыка как будто не беспокоила. Робевшая на новом месте Инга тогда тоже промолчала, а потом вроде бы и сама привыкла, но сегодня она была слишком взвинчена, чтобы мириться с неудобствами.

– Может, тебе наушники дать? – спросила она, постаравшись, однако, придать своему голосу миролюбивости.

– Ой нет, у меня от них уши болят, – скривилась Мирошина. – Я редко что-нибудь в наушниках слушаю.

Инга оглядела коллег, призывая их на помощь, но остальные даже не оторвали глаз от экранов. Вздохнув, она надела наушники сама, включив какой-то беззубый ненавязчивый джаз.

В шесть двадцать Илья написал ей: «Пойдем», но – очередная мелочь – в корпоративный мессенджер, а не в телеграм. Инга уже была готова и тут же встала. Попрошавшись с Аркашей и Алевтиной, последними, кто оставался в отделе, она направилась к выходу. Илья вышел из кабинета одновременно с ней, и к шкафу, где держали верхнюю одежду, они тоже подошли одновременно. Оделись молча. Илья по-прежнему на нее не смотрел, и Инга даже на секунду испытала желание проверить, не померещилось ли ей его сообщение, таким он казался отчужденным. Он придержал для нее входную дверь, и Инга против воли поторопилась пройти – ее не покидало ощущение, что она одним своим присутствием доставляет Илье неудобство.

В лифте он продолжал молчать и смотрел прямо перед собой. Инга даже начала злиться – если ему так неприятно находиться рядом, зачем он вообще потащил ее с собой?

Когда они сели в машину, ее злость сменилась робостью. Они впервые оказались наедине с прошлой пятницы, и это как будто к чему-то обязывало – может быть, сейчас должно произойти объяснение? Инга покосилась на Илью, но он деловито пристегивал ремень и вовсе не выглядел как человек, который готовится начать разговор. Она отвернулась к окну. Хотелось спросить что-нибудь вроде «Ты со мной не разговариваешь?», но Инга понимала, что это будет слишком мелодраматично, а то и скандально. Если Илья собирается так подчеркнуто держать дистанцию, что ж, она ему подыграет. Инга снова с тоской подумала, что, вернись она в про-

шное, она бы ни за что не стала с ним спать. Секундное пьяное веселье, когда он поцеловал ее у квартиры, никак не стоило последовавших за этим сложностей.

Ехать было недалеко, что очень радовало, потому что тишина по-настоящему угнетала Ингу. За всю поездку Илья только поинтересовался, не холодно ли ей и не сделать ли печку потеплее. Инга сказала «да» и оживилась, понадеявшись, что сейчас завяжется разговор, однако Илья больше не произнес ни слова.

Фокус-группа проходила в небольшой комнате, где за овальным столом сидело несколько мужчин и женщин, которые должны были оценивать какую-то рекламу. Ингу и Илью проводили в соседнее помещение, откуда они могли наблюдать за происходящим через стекло. Людям за столом их не было ни видно, ни слышно. Это походило на то, как показывают допросы в сериалах: обычно в них детективы, исподтишка разглядывающие подозреваемых, кажутся важными и могущественными. Инга, однако, не ощущала ни того ни другого – наоборот, только неловкость, словно она подглядывала.

Пока шла фокус-группа, она несколько раз что-то спрашивала у Ильи – он отвечал скупой и как будто недовольно. Про себя Инга не переставала задаваться вопросом, зачем он взял ее с собой. Работы для нее тут не было, Илья ее компанией демонстративно тяготился. Инга сидела в соседнем от него кресле и ловила себя на том, что вжимается в его противоположный край, подальше от Ильи, – ей казалось, что ему неприятно находиться рядом. Ей самой тоже было неуютно и хотелось только поскорее очутиться дома.

Долго так продолжаться не могло, это было ясно. Невозможно работать в месте, где начальник испытывает к тебе такую выразительную неприязнь. Инга чувствовала себя виноватой и обманутой попеременно: она понимала, почему он ее сторонится, и корила себя за глупость, но уже через секунду негодовала оттого, что страдает одна.

К концу фокус-группы Инга окончательно извелась – все ее мысли вертелись вокруг того, как она оказалась в такой мучительной ситуации и как теперь из нее выбираться. На обратном пути, стоя возле лифта, Инга судорожно пыталась подобрать слова. Ей нужно было сказать хоть что-то: спросить, упрекнуть, оправдаться – лишь бы нарушить это ледяное молчание, терпеть которое больше не было никаких сил.

Лифт был последним шансом это сделать. Там они будут вдвоем, а потом спустятся в холл, Илья наверняка нехотя спросит, куда ее довезти, она скажет, что доберется сама, и они разойдутся, оба недоумевая, зачем вообще понадобилась эта совместная поездка. Инге, по крайней мере, казалось, что Илья точно так же этого не понимает. Сказать хотя бы на прощание что-то важное превратилось для нее в своего рода долг – словно так она хоть как-то обоснует свое присутствие.

Лифт звякнул, приехав на их этаж, двери открылись. Они вошли, Илья нажал кнопку. Свет внутри был такой неожиданно яркий, что Ингина решимость вдруг испарилась. Она в панике повторяла в своей голове: «Нужно что-то сказать, нужно что-то сказать», как будто эти несколько секунд в лифте и правда были ее последним шансом все исправить, но слова не приходили.

– Илья! – в отчаянии взмолилась Инга. – Пожалуйста, давай поговорим!

Илья метнул на нее взгляд, и Инга почему-то очень хорошо представила, как она выглядит сейчас: глаза расширены, брови жалобно приподняты, на лице просительное выражение. Она не успела даже моргнуть, когда он вдруг шагнул к ней, резко притянул к себе и поцеловал.

Лифт снова звякнул – первый этаж, и Илья в ту же секунду отстранился и повернулся к дверям. Инга оторопело разглядывала его профиль. Илья не смотрел на нее, но улыбался. Двери раздвинулись, он пружинисто вышел в холл. Инга вышла следом, по-прежнему прикованная к нему взглядом, – он как будто тащил ее за собой на невидимом тросе.

– Подвезти тебя? – небрежно спросил Илья. Из-за того, что он продолжал улыбаться, интонация казалась ненатуральной.

Инга торопливо помотала головой.

– Ну, как хочешь. – Илья пожал плечами (было неясно, расстроен он или нет) и пошел к выходу, не оглядываясь.

Инга пробормотала слова прощания ему в спину, чувствуя себя еще более потерянной, чем раньше.

Доехав до дома, она целеустремленно направилась в магазин. Как только Илья ушел, она решила, что за сегодняшние переживания вознаградит себя чем-то экстраординарным, хотя пока не придумала чем. Алкоголь она в последнее время пила так часто, что свою экстраординарность он уже растерял, но фантазия сегодня отказывалась работать. Бродя вдоль полок, Инга разглядывала торты, мороженое и сыр, который обожала, ожидая, когда что-нибудь в ней отзовется, но ничего не казалось ей достойным утешением. Выбор еды, однако, позволял оттянуть момент, когда придется подумать о более важных вещах, поэтому она не торопилась уходить.

Спустя двадцать минут, так ничего и не купив, Инга все же вышла из магазина. Неудовлетворенность стала острее. Может быть, ей просто нужно с кем-то поговорить? Написать Максиму, чтобы он приехал прямо сейчас? Инга представила, как она за чаем рассказывает ему про очередной виток своих переживаний, и скривилась. Она чувствовала такую усталость от себя, что произносить слова и самой их слушать казалось невыносимым. Инга повертела головой по сторонам, надеясь, что ее вдруг озарит. Через дорогу светилась лимонно-желтая вывеска «Макдональдса», и Инга почти машинально зашагала к ней.

Стоило ей открыть дверь, как стало понятно – именно этого она и хотела весь вечер. Жареная картошка, тоненько порезанные маринованные огурцы и хрустящий рожок со сливочным мороженым. Инга даже на секунду замерла на пороге, сраженная цельностью этого гастрономического переживания. Людей было не так уж много, и она заняла укромный столик за колонной.

Инга ходила в «Макдональдс» раз в год – это был искусственный праздник, который она создала, придумав себе ограничение. С последнего похода год еще не прошел, поэтому она чувствовала себя немного криминально, однако тяжелые времена требовали отчаянных мер. Инга обмакнула картошку фри в сырный соус и стала задумчиво жевать.

Илья поцеловал ее в лифте. Спустя час этот факт вызывал у нее исключительно негодование – правда, не из-за поцелуя, а из-за терзаний, в которые он ее снова ввергал. Инга не понимала, какое главное чувство в ней порождает происходящее: оно и захватывало ее, как приключение, и угнетало, как неудобство. Шарахаться между этими эмоциями было очень утомительно. Впрочем, еще утомительнее было, когда ничего не происходило и Инге оставалось только ждать.

Этому нужно было положить конец, и единственный способ сделать это – было понять, чего она хочет от Ильи. Раньше она не сомневалась, что хочет только, чтобы все поскорее закончилось, но больше не была в этом уверена. Сегодняшнее поведение Ильи при всей его нелогичности и возмутительности на самом деле ей льстило, а вот терпеть его подчеркнутую отчужденность Инге совсем не нравилось.

В советах не заводить отношения с начальником плохо было то, что они запоздали. Инга на все лады ругала себя, что сделала шаг по этой дорожке, но теперь ей казалось, что легче уже идти по ней до конца – все равно отменить то, что между ними произошло (Инга почему-то даже в своей голове стеснялась произносить слово «секс»), было невозможно. Очевидно, держаться как ни в чем не бывало у них не получалось, а тягостное молчание, которым Илья окружал Ингу, долго выносить она не могла. Вариантов, таким образом, оказывалось два: либо уволиться, либо начать отношения. Второй вариант вызывал множество вопросов, зато первый – ни одного: Инга твердо знала, что увольняться ей не хочется, поэтому всерьез рассматривать эту возможность не имело смысла.

При всей неоднозначности варианта с отношениями они больше не казались такой уж безумной идеей. В самом деле, сейчас это помогло бы решить проблему. Инга явно нравится Илье, и ей это приятно. Он сам, пожалуй, не выглядит мужчиной ее мечты, но она и правда слишком требовательна. Первый секс (Инга все же заставила себя подумать это слово) действительно был ужасен, но, с другой стороны, какой первый секс не ужасен? Зато на работе все наладится. Инга строго сказала себе, что этот фактор вовсе не определяющий, однако как приятное дополнение он казался нелишним.

Она выудила из картонки последний ломтик картошки фри. Что же тогда делать? Написать Илье и как-то намекнуть, что она не против? Позвать куда-то? Или ждать, пока он в очередной раз поцелует ее в лифте, чтобы наверняка? Наверное, лучше ждать. Чем меньше действий, тем меньше ошибок.

Инга возвращалась домой успокоенной. Она даже не отдавала себе отчета, как все это время ее нервировала зависимость от Ильи и его поступков. Теперь, когда она приняла собственное решение, ей стало намного легче. Инга не любила идти на поводу у обстоятельств – и пусть контроль над ситуацией был иллюзорен, он тем не менее придавал ей уверенности.

Всю пятницу Инга то и дело посматривала через плечо на Илью, словно боялась пропустить от него тайный знак, но он, конечно же, никаких знаков не подавал. Это ее раздражало, потому что, как и в прошлый раз, ей казалось, что за поцелуем в лифте что-то немедленно должно последовать. Инга даже специально задержалась на работе, чтобы они с Ильей остались в пустом офисе вдвоем, – и они правда остались, только ничего все равно не случилось: Илья погасил свет в кабинете, в своей ставшей уже привычной манере еле заметно кивнул ей на прощание и направился к выходу. Инга дождалась, пока за ним захлопнется дверь, и тоже собралась домой, злясь на себя за стыдно потраченное время.

– Что-то вы сегодня поздно, – услышала она, протискиваясь через турникет на первом этаже. Людей в холле почти не было, и Инга изумленно повертела головой, пытаясь понять, кто это сказал и кому.

За стойкой ресепшен стоял молодой человек. Он улыбался и смотрел прямо на нее, так что сомнений в том, к кому он обращался, не было. Инга, однако, нахмурилась: она понятия не имела, кто это такой и почему заговорил с ней. Лицо молодого человека тем не менее казалось смутно знакомым, но Инга не могла вспомнить, где его видела.

– Что, много работы? – как ни в чем не бывало спросил он и облокотился на стойку, продолжая улыбаться.

– Простите, мы знакомы? – сдержанно отозвалась Инга.

Молодой человек улыбнулся еще шире, отчего его черные прямые брови разъехались в сторону, и Инга наконец-то его узнала.

– А я вас как-то с фонтана прогнал. Вы обычно рано уходите, а сегодня что-то задержались.

– А вы следите, когда я уйду? – неприязненно спросила Инга.

Ей сразу не понравился этот охранник, но теперь она и вовсе почувствовала враждебность к нему. Ее раздражала и его фамильярность, и излишняя осведомленность, а еще – непреднамеренное напоминание о том, почему именно она уходит так поздно.

– Да не то чтобы, – пожал он плечами. – Просто запомнил вас и с тех пор регулярно встречаю.

– Не знаю, как это вы меня регулярно встречаете, если я вас – никогда.

Охранник, казалось, не замечал ее холодности.

– А у вас внешность яркая, – охотно пояснил он. – Ну, такая... запоминающаяся. Я часто вижу, как вы на обед с коллегами ходите.

– Будьте любезны, прекратите за мной шпионить, – процедила Инга. – Мне это не доставляет ни малейшего удовольствия.

С этими словами она развернулась и, гневно цокая каблуками, устремила к выходу.

На выходных она все-таки встретила с Максимом и обсудила с ним последние новости.

– Тебе не кажется, что все это какая-то ерунда? – спросил Максим.

– Что именно? – обиделась Инга. – Ты же сам намекал, что мне нужно начать встречаться с Бурматовым.

– Во-первых, я ни на что не намекал. Я спрашивал у тебя, что ты собираешься делать. И во-вторых, я имею в виду, что этот твой Илья очень странный. Ты говоришь, отношения у вас на работе запрещены, он твой начальник, и при этом он то демонстративно игнорирует тебя, то лезет сосаться. Это в принципе не очень адекватное поведение, а на работе тем более.

– Я решила не гадать, что он там думает, а исходить из своих интересов. Проблем явно станет меньше, если мы начнем встречаться.

– Очень романтично, – скривился Максим. – Ты про него-то сама что думаешь?

– Ну он не ужасный, – заверила его Инга. – И потом, я почти не знаю его. Нужно же дать шанс человеку.

– А если ты поймешь, что все-таки не складывается, – не боишься, что вот тогда-то проблемы и начнутся?

Инга на секунду задумалась, а потом отмахнулась:

– Да что сейчас об этом говорить. Посмотрим, как пойдет.

Пока шло не очень: Илья снова перестал замечать ее – или это ей так казалось. Возможно, до всего этого они так же мало общались лично (теперь Инга уже ни в чем не была уверена), но отныне любая мелочь в его поведении несла для нее скрытый смысл. Она неутомимо анализировала его поступки – причем несовершенные с таким же тщанием, как и совершенные, надеясь отыскать объяснение его холодности. В моменты, когда та становилась особенно заметной, Инга даже начинала сомневаться, не померещились ли ей вообще лифт и поцелуй. Она столько раз мысленно возвращалась к этой сцене, что она затерлась в памяти: теперь Инга смотрела на нее как бы со стороны, сквозь мутное стекло. Реальность же, наоборот, казалась бескомпромиссно ясной, и в ней Илья был абсолютно чужим.

Начало декабря выдалось сухим и теплым – настоящий рай для фейсбучных нытиков, которые в этом году могли жаловаться не только на погоду, но и на особенную неуместность ранних новогодних украшений. Инге, наоборот, нравилось и то и другое. Зиму она не любила, и единственное, ради чего соглашалась ее терпеть, – это Новый год. Взросление никак не сказывалось на ее энтузиазме: в десять и в двадцать семь она ждала праздника одинаково. Это ожидание каждый раз немного скрашивало ей первый зимний месяц. Как только в городе появлялись праздничные украшения и в магазинах начинала играть «Джингл беллс», в Инге послушно включалось новогоднее настроение. Причинно-следственная связь работала безотказно, поэтому, по мере того как с каждым годом сезон украшений сдвигался, начинаясь все раньше и раньше, Ингино ощущение праздника тоже сдвигалось. Инга шутила, что она как собака Павлова: видит елочную игрушку – начинает готовиться к Новому году. Почему все жалуются, она не понимала: атмосфера праздника для нее никогда не растрчивалась от долгого ожидания, а, наоборот, усиливалась. Инга жалела только, что Новый год отмечают в конце декабря: праздновали бы хоть на месяц позже, больше темной холодной зимы озарялось бы его предвкушением.

Придя в очередной понедельник на работу, Инга застала рабочих, устанавливающих в холле огромную елку. Тлевшее в ней ощущение праздника мгновенно вспыхнуло и засияло. Одно дело – видеть гирлянды в каких-то витринах, это был только намек на торжество, другое – елку в собственном бизнес-центре. Это уже неизбежность.

Вообще-то Новый год был парадоксальным днем – Инга любила подготовку к нему, а само отмечание – нет, и уж точно не было ничего хуже, чем та самая секунда, когда куранты отбивали двенадцатый удар, начинал играть гимн, все кричали и чокались. В эту секунду Инга всегда ощущала огромное разочарование: в детстве она его даже особо не скрывала, неодобрительно наблюдая за взрослыми с дальнего конца стола, а став старше, маскировала под теми же криками и тостами. Ей казалось, что в этот момент у нее умирает надежда: вот закончился еще один год, а ничего не произошло. Инга не знала, на что надеялась; не имело значения, был год удачным для нее или нет, – все равно она каждый раз испытывала пронзительное ощущение потери, и ей становилось так горько, словно она расставалась с чем-то невероятно дорогим – с собой прежней, наверное. Инге казалось, что каждое первое января ей нужно начинать все заново: заново строить планы, заново давать себе обещания. Она не любила это чувство и заранее расстраивалось, что оно опять непременно ее посетит, но предшествующую ему новогоднюю суматоху вопреки здравому смыслу встречала с детским восторгом.

Инга купила кофе в кофейне на первом этаже – обычно из диетических соображений она пила черный без молока, но тут внезапно попросила апельсиново-имбирный латте, потому что он был более новогодним, и поднялась в офис. Из-за елки в холле и кофе она почувствовала такую безмятежность, что все переживания последних недель вдруг стали почти несущественными. Проходя по опенспейсу, она, однако, по привычке стрельнула глазами в сторону кабинета Ильи – он был пуст. Ингу это только больше ободрило.

Кажется, все в отделе почуяли приближение праздника и были в приподнятом настроении.

– Я на выходных была в «Икее», – рассказывала Алевтина, когда Инга подошла, – там уже все продается к Новому году. Я не удержалась и купила кучу всякого ненужного хлама – какие-то новогодние салфетки и свечи. Но ни о чем не жалею.

– Да там уже два месяца, как все продается к Новому году, – проворчал Галушкин, при этом, впрочем, улыбнувшись.

– А я видела тако-о-ое платье в рекламе в инстаграме! – Мирошина даже округлила глаза. Обращалась она к Алевтине. – Теперь все время про него думаю. Стоит, конечно, как чугунный мост, но я решила – когда себя еще побаловать, как не на Новый год. Тем более корпоратив. Я тебе скину магазин.

– А что слышно про корпоратив? – спросил Аркаша. – Когда он вообще?

Инга временами забывала об Аркашином присутствии, потому что его стол стоял немного в стороне от всех, рядом с большим фикусом. Столы остальных были составлены в прямоугольник так, что Инга сидела напротив Мирошиной, а Алевтина – напротив Галушкина, и само собой получалось, что чаще они разговаривали и обменивались взглядами четвером. Аркаша к тому же обычно молчал, только изредка тяжело вздыхал из-за экрана, поэтому сейчас, когда он подал голос, все разом повернулись в его сторону.

– Двадцать второго вроде, – сказала Алевтина. – Письмо еще придет.

– Ой, я так люблю наши новогодние вечеринки! – просияла Мирошина.

– Я тоже! – радостно отозвался Аркаша.

Инга покосилась на него: он во все глаза смотрел на Мирошину, но она этого не замечала, уже что-то быстро набирая в телефоне.

За весь день Илья так и не появился, а в Инге проснулся рабочий азарт – она переделала кучу дел, которые откладывала уже давно, и все сегодня у нее получалось и складывалось. Скорее всего, это было просто совпадение, но Инга усмотрела здесь лишнее подтверждение того, как хорошо ей работается, когда Илья не терроризирует ее холодным молчанием. На обеде она была весела и подтрунивала над Галушкиным, который жаловался на шпарящие батареи при аномальной жаре за окном и демонстративно обмахивался салфеткой.

Инге казалось, что без Ильи в офисе и остальные чувствовали себя раскованнее: Мирошина и Алевтина, хихикая, достали что-то из ящика и закрылись в переговорке. Инга видела сквозь стекло, что они расставили на столе несколько пузырьков с лаком и красят ногти. В уголок их отдела то и дело кто-то заглядывал: сначала офис-менеджер Кристина – сказать, что на кухне стоит чак-чак, который она привезла из Казани, потом один из продажников – Инга встречала его пару раз, но имени не знала. Продажник пришел к Галушкину и сначала вроде бы говорил про работу, но потом уселся на пустой мирошинский стул и стал расспрашивать, куда Галушкин ездил в прошлом году кататься на сноуборде, потому что он сам планирует уйти в отпуск в конце января и выбирает место. Инга до этого даже не знала, что Галушкин катается на сноуборде.

Весь отдел засобирался домой рано, и даже Алевтина не стала задерживаться и ушла ровно в шесть. Инге же почти не хотелось, чтобы такой благостный день заканчивался. Она неторопливо доотвечала на все скопившиеся письма, составила список дел на завтра и под конец даже навела порядок на столе. Она как раз выключила компьютер с чувством глубокого удовлетворения, когда на Алевтенином столе зазвонил телефон. Инга никогда не отвечала на чужие телефоны, но сегодня ей хотелось, чтобы все было идеально и ни один звонок не оказался пропущенным. Она сняла трубку и бодро сказала: «Алло».

– Я думал, Алевтина на месте, – после паузы произнес Илья.

Инге вмиг стало ужасно неловко за то, что она ответила, словно она невольно встряла в чужой разговор.

– Алевтина уже ушла, – виновато сказала она. – Я одна здесь. Позвони ей на мобильный. Илья помолчал еще несколько секунд.

– Вообще-то я хотел попросить ее взять кое-что из офиса. Думал, она, как всегда, сидит допоздна.

– Я могу взять, что нужно, – тут же с готовностью сообщила Инга. Возможно, если она окажет Илье услугу, это его смягчит.

– Я хотел попросить ее взять документы из моего кабинета и завезти мне домой, – продолжил Илья.

Теперь настал черед Инги помолчать.

– Я могу сделать и это, – в конце концов неуверенно произнесла она.

– Они мне нужны завтра утром, а я не смог сегодня прийти в офис. Вспомнил поздно, понадеялся, что Алевтина еще там. Если ты сможешь привезти, буду благодарен.

Пока Илья говорил, Ингина голова уже начала заполняться возможными сценариями их встречи, но прежде чем сомнения окончательно захлестнули ее, Инга выпалила:

– Смогу.

– Коричневый конверт в верхнем ящике стола. Адрес я сейчас тебе скину. Спасибо.

Илья отключился, не дожидаясь ее ответа. Инга не спеша поставила трубку обратно в гнездо.

Она дошла до его кабинета и зажгла свет. Через стеклянную стену оглядела офис – никто не смотрел в ее сторону. Инга выдвинула верхний ящик и тут же увидела коричневый конверт, но вместо того чтобы взять его и вернуться к себе, открыла ящик ниже. Она не знала, что ищет, и на самом деле даже не испытывала желания что-то найти – ее скорее волновала сама возможность почувствовать себя преступницей. Кроме вороха документов с какими-то подписями, в столе ничего не было, и Инга, быстро растеряв интерес, хотела уже уйти, когда вдруг в последнем ящике увидела торчащий между бумажками уголок фотографии. Она извлекла ее на свет и рассмотрела. На снимке были Илья и Алевтина в полутемном помещении у какой-то стены. Оба улыбались и стояли рядом, не касаясь друг друга. Несмотря на то, что фотография была совершенно невинной, Инга почувствовала, как в ней шевельнулось подозрение. Когда

был сделан этот снимок? Зачем Илья держал его в столе? И не странно ли было, что он позвонил Алевтине, чтобы попросить завезти документы к нему домой?

Инга почувствовала, что у нее испортилось настроение. Запихнув фотографию обратно между бумагами, она взяла коричневый конверт и стремительно вышла.

Илья жил в центре, в невысоком доме кремового цвета с лепными белыми фризами. Такие дома, когда они были отреставрированы и свежепокрашены, напоминали Инге пирожные. Ей всегда бывало любопытно, кто в них живет, а теперь вот, пожалуйста, – она знает такого человека. Интересно, Илья снимает здесь квартиру или это его собственная? Подъезд был один, Инга подошла к нему и отправила Илье сообщение: «Я внизу».

Он прочитал, но ничего не ответил. Инга спрятала руки в карманы, отвернулась от подъездной двери и стала рассматривать улицу. Напротив, через дорогу, стоял дом с огромным психоделическим граффити во весь торец. Пока Инга его рассматривала, дверь позади нее запищала и открылась.

– Привет, – сказал Илья. – Спасибо, что приехала.

Инга быстро обернулась. Илья стоял, придерживая дверь плечом, в белой футболке и накинутой сверху легкой куртке. Инга подумала, что это, кажется, первый раз, когда она видит его без пиджака.

Она достала из сумки конверт и протянула ему.

– Спасибо, – повторил Илья. Он взял конверт не глядя.

Инга переступила с ноги на ногу. По дороге сюда она пыталась обуздать мысли, но они все равно брыкались: а если он предложит ей зайти? а если не предложит? Она так ничего и не решила и, даже стоя сейчас перед ним, не могла определиться, чего ей хочется больше.

– Ну, я пойду, – сказала наконец Инга, но осталась на месте.

– Поднимешься? – спросил Илья.

Наверное, если бы в этот момент он улыбнулся или голос его показался бы ей игривым, она бы отказалась. Ее решимость поощрить его приставания вдруг куда-то делась. Сейчас Инге казалось, что это была абсурдная идея, даже неприличная. Однако вопрос Ильи прозвучал так ровно и доброжелательно, что Инга, прекрасно зная, что обманывает себя, подумала: если она поднимется, это еще ничего не будет значить. Может, они просто выпьют чаю и она пойдет домой, зато их отношения наконец-то наладятся. Точно так же недавно на пороге своего дома она уговаривала себя, что решение еще не принято, но на самом деле в глубине души уже чувствовала, как в ней закипает азарт.

Она шагнула за Ильей в подъезд.

Его квартира тоже была на втором этаже, за массивной железной дверью. Илья пырнул ее ключом и с громким лязгом отомкнул замок. Инга вошла внутрь и, переступая порог, почувствовала, как дернулось сердце. Илья вошел следом и запер дверь.

– Чай или кофе? – спросил он, вешая куртку на крючок.

– Кофе.

Илья ушел по коридору вглубь квартиры, оставив Ингу одну. Она неторопливо разулась, осматривая прихожую. Белые стены, два плаката в черных рамках, у двери высокая металлическая бочка, какие бывают в барах, служившая тумбочкой. На ней валялись монеты и смятые чеки. Зеркала поблизости нет. Инга сразу почувствовала себя неуютно оттого, что не может сейчас же проверить, как выглядит.

– А где можно руки помыть? – громко спросила она.

– Прямо и направо, – донесся голос Ильи. Тут же зашумела вода.

Мягко ступая, Инга дошла до ванной. Зеркало в россыпи мыльных капель, стиральная машинка полная, хоть и не стирает. Инга повертела головой, рассматривая свое отражение со всех сторон. Помимо того что зеркало было грязным, оно висело неудобно, слишком высоко. Инга не испытала должного удовлетворения.

Выйдя из ванной, она пошла на рокот чайника.

Кухня впечатлила Ингу размерами и количеством предметов – блендер, тостер, кофемашина, ряд ножей на магнитной полосе, стена, увешанная сковородками. Электрический свет ослепительно отражался от поверхностей и граней, отчего кухня имела вид кристально чистый и очень нарядный.

– Ого, – не сдержалась Инга. – У тебя тут и правда раздолье.

Она вспомнила их разговор в стейк-хаусе, где Илья говорил, что пускает на кухню только «посвященных». Это ее неожиданно расстроило. Если тогда он намекал на секс, то теперь выходило, что Инга полностью вписывается в его правило. Неприятно было осознавать свою предсказуемость.

Илья тем временем протянул ей кружку с кофе, а сам налил себе чай.

– Я же говорил, что люблю готовить, – заметил он.

Он вел себя непривычно, не так, как всегда. Обычно он излучал грубоватую самоуверенность, которая казалась Инге почти вульгарной, но на которую она поддавалась именно из-за ее безыскусности. Инге бы хотелось, чтобы к ней подбирали ключ и трепетно открывали замок, – Илья же скорее выламывал крышку, но как бы ей ни был противен этот метод, приходилось признать, что он работает. Однако сейчас Илья не старался произвести на нее впечатление – не заигрывал, не отталкивал, держался вежливо и отстраненно. Эта внезапная нейтральность сбивала Ингу с толку.

Она сделала глоток и поставила кружку на стол позади себя. Может быть, уйти, пока не поздно?

– Классная квартира, – вежливо сказала Инга. За исключением кухни, квартира показалась ей обычной, а ванная – и вовсе непривлекательной.

Илья тоже сделал глоток из своей кружки.

– Могу показать тебе остальное, – сказал он.

И опять – если бы при этом он ухмыльнулся или многозначительно на нее посмотрел, Инга тут же сбежала бы, но Илья был сдержан, если не сказать строг. Инга вышла из кухни следом за ним.

В соседней комнате, куда Илья ее привел, одна стена была кирпичной и необработанной, как в лофте. На ней красовалось огромное граффити Бэнкси – девочка, тянущаяся к воздушному шару в виде сердца. У этой стены стояла кровать, у противоположной – шкаф с зеркальными дверцами, в которых и кровать, и девочка отражались. Одна секция шкафа, ближе к окну, не закрывалась – там на полках были расставлены пластинки. За исключением тумбочек у кровати, больше никакой мебели тут не было, и комната выглядела незаконченной – граффити выдавало претензию на модность, которую в процессе отделки вдруг передумали воплощать.

Илья зашел внутрь, но остановился сразу у входа – руки в карманах, слегка покачивается с носка на пятку, явно ждет Ингиных слов. Она медленно прошла по комнате, не понимая, что тут оценивать: девочка с шаром-сердечком у кровати казалась ей пошлостью, а больше не за что было зацепиться. Подошла к пластинкам.

– Как тебе проигрыватель, который мы подарили? – спросила Инга, скользя взглядом по обложкам. – Ты уже слушал на нем что-нибудь?

Пластинки из-за отца всегда ассоциировались у нее с джазом, но тут его не было – Инга заметила альбом Земфиры, *Depeche Mode* и саундтрек к «Убить Билла». Слушать на виниле современную музыку всегда казалось ей пустым снобизмом.

– Хорошо, – равнодушно сказал Илья.

Инга отвернулась от пластинок и выглянула в окно. В свете фонарей было видно дом с граффити напротив.

– Ладно, – решила Инга. – Я, пожалуй, пойду.

Произнеся это, она посмотрела на Илью, чтобы понять его реакцию. Тот все еще стоял у входа, наполовину загораживая дверь, и не шевелился. Инга не стала дожидаться, пока он что-нибудь скажет, и гордо промаршировала через комнату, напоследок по привычке бросив взгляд в зеркало. Вид у нее был независимый. Это придало ей еще больше уверенности.

Илья продолжал стоять в дверях и не двинулся с места, даже когда Инга подошла почти вплотную. Она остановилась и подняла на него глаза: он, по-прежнему с руками в карманах, взирал на нее сверху вниз. Лицо непроницаемое. Инга потупилась, но продолжала стоять на месте. Ясно было, что сейчас должно что-то произойти, и Инге очень хотелось, чтобы произошло, но при этом не хотелось нести за это никакой ответственности. Это Илья должен был ради нее нарушать правила – она сама предпочитала оставаться образцом благоразумия. Красноречиво стоять перед его носом, трепетно опустив глаза, – предел флирта, который, решила Инга, она может себе позволить, чтобы потом не корить себя за распушенность.

Илья не целовал ее так долго, что Инга успела испугаться – вдруг он вообще не понял, что ее надо поцеловать? – но потом она заметила краем глаза, как он наклоняется к ней, и подалась навстречу. Он, однако, просто крепко схватил ее за запястье и повлек к кровати. Там Илья отпустил ее и стащил с себя майку. Инга, замешкавшись, принялась расстегивать на себе блузку, пристально разглядывая пуговицы и чувствуя, как он на нее смотрит. От его молчания ей стало немного не по себе. О чем Илья думает, понять было невозможно. Он не выглядел угрожающе или враждебно, но при этом взгляд у него был такой тяжелый, что пригвождал Ингу к земле. Он не помогал ей: проследив за тем, как она наконец совладала с пуговицами, он молча снял с себя джинсы и сел на кровать. Инга сняла юбку. Стоя перед Ильей в нижнем белье, она показалась себе вызывающе голой.

Он забрался на кровать и отодвинулся, освобождая место. Инга, снова помедлив, последовала за ним. Никакой романтики в происходящем не было, как не было и томительного предвкушения, от которого всегда пустела голова. Инга ясно осознавала все вокруг и из-за этого испытывала все возрастающую неловкость.

Если в прошлый раз Илья изображал чрезмерную страсть, то в этот раз он был совершенно пассивен. Это Ингу озадачило. С одной стороны, она отчетливо ощущала, что мыслями он находится здесь, что его внимание сосредоточено на ней, – каждый раз, когда она открывала глаза, то видела, что он пристально смотрит ей в лицо. С другой стороны, Илья не проявлял никакой инициативы и словно ждал, что она возьмет все управление процессом на себя.

Инга считала, что не испытывает стеснения во время секса, но сейчас чувствовала себя совсем по-другому. Бездействие Ильи, его странная покорность повергали ее в замешательство. Несмотря на то, что это он повел к кровати и начал раздеваться первым, Инге теперь казалось, что она принуждает его, едва ли не мучает, поэтому она временами замедлялась и всматривалась ему в лицо. Илья, однако, ничем не выказывал протеста или неудовольствия, и Инга снова начинала неуверенно двигаться. У нее родилось неприятное ощущение, что она демонстрирует цирковой номер, только и инвентарь для ее трюка, и зритель, наблюдающий за ним, – одно и то же существо. Она сама постоянно думала о том, как выглядит со стороны, и против воли то и дело опускала взгляд вниз, на свои грудь и живот, чтобы удостовериться, что смотрится привлекательно. Грудь подпрыгивала, живот, вообще-то плоский, собирался складкой. Инга впервые почувствовала себя обремененной телом. Тут ей еще пришлось в голову, что они с Ильей отражаются в зеркале напротив, – и сейчас это не потешило ее самолюбие, а только заставило устыдиться.

Илья ничего не говорил – он вообще не издавал ни звука. У Инги от неловкости обычные стоны тоже застряли в горле. В комнате было слышно только их дыхание, еле различимый скрип пружин в матрасе и иногда звонкие шлепки, с которыми соприкасались их тела. При всей естественности этого звукового сопровождения Инга никогда не обращала на него внимание раньше и сейчас усилием воли заставляла себя не морщиться – ей было неприятно.

Когда она окончательно поняла, что Илья не намерен активно участвовать в процессе, она взобралась на него сверху, закрыла глаза и взмолилась про себя, чтобы этот странный секс закончился поскорее. Илья действительно быстро кончил – при этом опять же пугающе беззвучно, – и Инга торопливо скатилась с него, чтобы только положить конец этому недоразумению.

Отвернувшись, она стала изучать стену напротив. Смотреть на Илью ей было стыдно.

Он некоторое время тоже лежал неподвижно, а потом резко сел и сказал куда-то в сторону:

– Принести твой кофе?

Инга сообразила, что он смотрит на нее через зеркало. Она тоже села на кровати, придерживая одеяло у груди, и, глядя на его отражение, сказала:

– Принеси.

Илья легко встал и, совершенно не стесняясь, голым отправился на кухню. Инга проследила за ним взглядом. Спина у него все же была восхитительная: каждую мышцу можно рассмотреть. Илья долго не возвращался, потом зашумела кофемашина. В спальню он зашел с двумя кружками. Инга сразу отвела глаза.

– Твой кофе остыл, я сделал новый, – сказал он.

Держался он так обыденно, словно они случайно встретились у офисного кулера. Ингу изумляла его безмятежность сейчас, его пассивность до этого – у нее вообще все происходящее не укладывалось в голове. Однако на этот раз она твердо пообещала себе не оставлять ситуацию неразрешенной.

Некоторое время они в полной тишине сидели на кровати и отхлебывали из своих кружек. Наконец Инга собралась с духом.

– Я не хочу быть одной из тех женщин, которые выясняют отношения... – начала она.

– Так не будь, – перебил ее Илья.

Инга осеклась.

– Нет, – упрямо сказала она после паузы. – Видимо, все же буду. Я не понимаю, что происходит и что значит твое поведение.

– Мне кажется, происходит то, что называется сексом, – сказал Илья, невинно глядя на нее.

Инга, впервые за вечер различив на его лице какую-то отчетливую эмоцию, приободрилась.

– Я имею в виду, что после секса ты меня на работе как будто не замечаешь. Потом целуешь в лифте. Потом снова не замечаешь. Это странно, тебе не кажется?

– А ты бы хотела, чтобы как я тебя замечал? Целовал у всех на глазах?

– Нет, – смутилась Инга. – Но ты и наедине со мной никак не общаешься. Я все время ломала голову, что ты об этом думаешь.

– Ты придаешь всему слишком большое значение, – сказал Илья и поставил кружку на тумбочку.

Инге показалось, что в его голосе прозвучало самодовольство. Вытянувшись на кровати, он положил голову ей на колени.

Инга нерешительно провела рукой по его волосам. Волосы были в геле. Он что, даже когда сидит дома, их укладывает? Она не понимала, что делать. Инга надеялась, вызвав его на разговор, честно рассказать о том, что ее беспокоит, но Илья явно не разделял ее настрой. Его безучастность показалась ей обидной.

– Я просто хочу чувствовать себя в офисе комфортно, – сухо сказала она. – Я думала, мы взрослые люди и можем не смешивать личные отношения и рабочие.

– Ты произносишь эти слова голой в постели с начальником, – заметил Илья. Он говорил с деланой серьезностью, но Инга видела, что в глазах у него блестит веселье. Сейчас он куда

больше походил на себя прежнего, каким она привыкла его видеть. – Тебе не кажется, что это максимальная степень смешения личного и рабочего?

Инга убрала руку с его головы.

– Ну и что мы будем делать? – спросила она раздраженнее, чем хотела.

– Да ничего не будем. Работать, как раньше.

Инга помолчала, ища слова.

– Останешься у меня на ночь? – спросил Илья как ни в чем не бывало, и в Инге снова зажглась надежда. Может быть, из таких маленьких штрихов и сложится в конце концов определенность.

– Только завтра утром мне надо будет совсем рано от тебя уйти, чтобы заехать домой, – сказала она.

В тот вечер они заказали доставку еды, потому что Илья объявил, что ему лень готовить (хотя Инга и не просила), а потом сели смотреть какое-то смешное шоу на ютубе. Инга относилась к смешным шоу с равнодушием, переходящим в неприязнь, но сразу согласилась – устанавливать свои правила ей показалось рано. Илья дал ей футболку, чтобы она могла ходить в ней по дому, они забрались в кровать и укрылись одеялом. Инга некоторое время не могла решиться сесть к Илье ближе. Как и только что, во время секса, она сейчас удивительно хорошо осознавала себя, свое положение на кровати, положение Ильи, фиксировала их движения и просчитывала в голове допустимость дотронуться до него или положить голову на плечо. Илья, кажется, не испытывал подобных проблем: он выглядел совершенно расслабленным. На девятой минуте ролика он приобнял Ингу и притянул к себе, продолжая смотреть в экран и время от времени усмехаться. В его жесте не было нежности – даже наоборот, он вышел на редкость фамильярным, но Инга не стала сопротивляться и послушно положила голову Илье на грудь. Довольно скоро у нее затекла рука, а потом и шея, но Инга терпела, потому что неподвижность была ее укрытием: она исподтишка следила за Ильей в зеркале. Его лицо не выражало ничего, кроме вовлеченности в происходящее на экране. Инге пришло в голову сравнение, что она как летчик, ведущий самолет в кромешном тумане. Она считала, что хорошо разбирается в людях и знает, как себя с ними вести, но Илья оставался настолько закрытым и так противился любым ее попыткам разобраться в нем, что она чувствовала себя совершенно дезориентированной.

Илья к ней не приставал, и Инга была рада: еще одного такого безжизненного секса она бы не вынесла. В двенадцать они решили ложиться, и по размеренному дыханию Ильи Инга поняла, что он уснул почти мгновенно. Она же долго не спала: слышала шуршание шин за окном и смотрела на потолок, по которому перемещались жемчужные отсветы фар.

Инга проснулась от своего будильника. За окном был непроницаемый мрак. Илья сонно зашевелился рядом и положил руку на нее – не обнял, а просто положил руку. Инга выскользнула из-под его руки и принялась одеваться.

– Мне нравится, как ты выглядишь голой, – пробормотал Илья, и Инга от неожиданности подскочила. Она была уверена, что он спит.

Его замечание неожиданно ее окрылило – в нем была та самая нормальность, которую Инга тщетно старалась отыскать вчера. Она улыбнулась Илье и стала одеваться медленнее, бросая на него лукавые взгляды. Илья, однако, лежал с закрытыми глазами. Собравшись, Инга снова забралась на кровать и поцеловала его в щеку.

– Сколько времени? – спросил Илья, по-прежнему не открывая глаз.

– Шесть утра.

– Тебе вызвать такси?

Крылья Инге словно обрубили: она уже представляла, как Илья сейчас будет просить ее задержаться, а она – кокетливо отказываться, но он, как выяснилось, и не думал ее останавливать.

– Я справлюсь, – буркнула Инга и спрыгнула с кровати.

Она надеялась, что он хотя бы скажет ей что-нибудь на прощание, пока она надевает пальто в коридоре, но Илья ничего не сказал и не вышел проводить.

До дома Инга доехала быстро, сходила в душ и сварила кофе. Проснувшись у Ильи, она почувствовала себя бодрой и вполне отдохнувшей, но сейчас почему-то начала клевать носом. Идти на работу совершенно не хотелось. Инга забралась с ногами в ярко-красное кресло, стоявшее у нее возле окна в комнате, поставила на колено чашку с кофе и уперлась взглядом в стену. В голове при этом было пусто. Через десять минут такого сидения Инга взглянула на телефон и, ойкнув, вскочила, залпом допив кофе. Язык обожгло.

Инга поспешно оделась и нарядилась – из-за внезапно навалившейся усталости ей было совершенно безразлично, как она выглядит. В последнее время она часто, собираясь на работу, воображала, как столкнется там с Ильей, и каждый раз хотела показаться ему особенно красивой, но сегодня ей вдруг как по волшебству стало все равно.

– Ты сегодня какая-то бледная, – заметила Мирошина, когда Инга села за компьютер напротив нее.

От этих слов в Инге сразу же вскипело раздражение: ее выводила из себя мирошинская манера с ходу комментировать внешний вид, делала ли она комплименты или, как сейчас, изображала беспокойство. Это казалось непрошеным вторжением.

– Не выпалась, – отрезала Инга.

– Но ты все равно хорошо выглядишь. – Мирошина, видимо, почувствовала, что Инга раздражена. – Такая аристократическая изможденность.

Инга сползла в кресле под надежный заслон монитора.

С утра Ильи в кабинете не было, и к обеду он опять так и не пришел. Инга сначала радовалась этому – она и правда отчего-то была без сил и больше всего мечтала оказаться дома, запереть дверь и, завернувшись в одеяло, смотреть сериал. Однако чем больше времени проходило, тем отчетливее в ее голове звучал назойливый шепот: если Илья не собирался приходить, почему ничего ей не сказал? У него было достаточно времени с ней наедине, чтобы поделиться планами на завтра. Он решил, что они ее не касаются? Значит, их отношения даже теперь не продвинулись вперед и он снова будет ее не замечать? Инга отмахивалась от этих мыслей, потому что это уже попахивало паранойей, но избавиться от них совсем у нее не получалось.

В обед она как бы между делом спросила у Алевтины, не знает ли та, где Илья. Алевтина равнодушно пожала плечами и сообщила:

– У него какая-то важная встреча сегодня.

Это отнюдь не поспособствовало Ингиному успокоению, наоборот: то, что Алевтина знала об Илье больше, чем она, Инга, только укрепило ее мрачный дух. Она снова вспомнила про фотографию в столе Ильи. На вид та была безобидной, но вдруг за этим снимком стояло что-то большее?

Илья за весь день так и не появился, и Инга, досидев ровно до восемнадцати ноль-ноль, отправилась домой. Там она набрала горячую ванну – почти кипяток – и медленно погрузилась в воду. Ее длинные каштановые волосы распустились по поверхности, как чернила. Инга вспомнила, как в детстве ее поражали женщины в фильмах, которые собирали волосы в высокую прическу, принимая ванну. Ей тогда казалось, что в этом есть какое-то кокетство: если уж лезть в воду, так целиком. По этой же причине она всегда презрительно относилась к девушкам, которые на пляже верещали от брызг и отказывались нырять, чтобы не намочить голову. Инга обожала воду – и плавать, и просто смотреть. Она даже любила попадать под дождь. Максимум однажды, после того как долго ждал ее в машине у офиса, сказал, что сделал наблюдение: в то время как почти все мужчины, выходя из здания под ливень, не менялись в лице, все без исключения женщины обязательно замирали на пороге, морщились и фыркали, как кошки.

Максим утверждал, что только Инга вышла и промаршировала к машине, как будто даже не заметив потоп.

Телефон, лежавший на полу, звякнул. Инга лениво перевернула голову по бортику ванны и посмотрела на экран: мать. Инга улеглась обратно. Совершенно не хотелось сейчас с ней общаться. Через полминуты телефон звякнул снова. Инга недовольно цокнула и опять взглянула на экран. Илья.

Она села прямо, вытерла руку о полотенце и взяла айфон.

«Пойдем поужинаем завтра» – было написано в сообщении.

Инга довольно долго созерцала отсутствие вопросительного знака, пытаясь понять: ее скорее раздражает или восхищает такая самоуверенность. Наконец она ответила: «Ну можно» – мстительно добавив «ну», чтобы Илья не думал, будто она так уж рада приглашению.

Она ждала, что он напишет еще что-нибудь – куда? во сколько? – но Илья молчал. Инга даже засомневалась, не обиделся ли он из-за ее недостаточного энтузиазма, но тут же разозлилась на себя: сколько можно из-за него переживать?! Положив телефон на пол, она с головой ушла под воду.

Проснувшись утром, она сразу подумала, что сегодня ей что-то предстоит, хотя некоторое время не могла вспомнить что. Вроде бы что-то увлекательное. В полусне Инга перебирала события, пытаясь понять, чего так ждет, пока в памяти не всплыл Илья. Ингу неожиданно кольнуло разочарование. Это оказалось совсем не то, что она надеялась вспомнить.

За окном было тепло и сыкотно, и это навевало уныние. Нехотя выбравшись из-под одеяла, Инга бесцельно бродила по квартире, то и дело замирая у окна и пялясь на свой каштан, казавшийся сейчас поникшим, как мокрая собака. Она села краситься за стол на кухне, но света было мало, и в этом сумраке ее лицо выглядело невыспавшимся и опухшим.

Была среда, а значит, день планерки. Иногда они проводили ее в переговорке, но сегодня Илья попросил всех зайти к нему в кабинет. Инга опять примостилась в углу дивана, рядом сели Мирошина и Алевтина. Галушкин и Аркаша вкатили свои стулья и уселись на них, Илья восседал за столом. Все привычно отчитывались по очереди, Илья сидел, опустив глаза, и слушал, казалось, невнимательно.

Телефон Инги, лежащий рядом на подлокотнике, завибрировал. Она вздрогнула и украдкой скосила на него глаза. Сообщение от Ильи. Инга метнула на него изумленный взгляд – он же сам всегда запрещал отвлекаться на планерке. Илья сидел с самым невинным видом и смотрел на Аркашу, который путано рассказывал о проблемах с готовящимся выпуском их корпоративного журнала. Инга осторожно, стараясь не привлекать внимание, нажала на сообщение.

«Хочу тебя прямо на этом диване».

Инга вытаращила глаза. Лицу стало жарко. Оттого что сообщение пришло на виду у всего отдела, ей на одно паническое мгновение показалось, будто остальные знают, что в нем написано. Она продолжала смотреть в телефон, опасаясь встретиться взглядом с кем-то из коллег. Спокойно, сказала она себе, спокойно. Конечно, никто не знает.

Справившись с собой, она медленно подняла глаза на бормотавшего что-то Аркашу. Потом, едва слышно откашлявшись, так же медленно подперла голову рукой. Тут же ей пришла в голову мысль, что чем осторожнее и тише она двигается, тем подозрительнее выглядит. Она приняла, как ей казалось, непринужденную позу, положив руку на подлокотник. Кожаная поверхность дивана была шероховатой и прохладной на ощупь. Инга представила, как Илья укладывает ее на этот диван, и внезапно почувствовала, как от этой фантазии потеплело внизу живота. Она скрестила ноги. Посмотрела на Илью. Тот уже слушал Алевтину. На Ингу за всю планерку он даже не взглянул, но в этом неожиданно обнаружилась своеобразная пикантность. Как будто между ними была натянута невидимая нить, о существовании которой знала только Инга. Тайна будоражила воображение, и Илья, тоже облеченный этой тайной, вдруг показался

ей соблазнительным. Теперь Инге было даже приятно, что сообщение пришло ей при всех, – она чувствовала свое превосходство перед ничего не подозревающими коллегами.

В шесть Илья написал, что через пятнадцать минут будет ждать ее внизу – им нужно выйти по отдельности. Инга опять ощутила прилив энтузиазма. ореол преступности подогревал ее интерес. Она проследила, как в восемнадцать ноль семь Илья вышел из своего кабинета. Через три минуты она начала собираться. Алевтина спросила у нее что-то по работе, и Инга поймала себя на том, что ответила ей свысока, – она чувствовала себя очень значительной.

Ровно в восемнадцать пятнадцать она вышла на парковку, как Илья и сказал. Его машина мигнула фарами. Как только Инга села, Илья сразу же тронулся с места, ни слова не говоря. Они миновали шлагбаум на парковке, проехали в полной тишине несколько улиц и остановились в крохотном темном переулке. Инга перевела недоуменный взгляд с окна на Илью, но не успела ничего сказать, потому что он набросился на нее с поцелуями. Инга не успела отстегнуть ремень и теперь чувствовала себя неловко связанной, а Илья продолжал настойчиво ее целовать – впрочем, никаких других поползновений он не делал, и через минуту Инга начала скучать, не понимая, какой толк просто целоваться в машине в темной подворотне.

– Я мечтал об этом весь день, – прошептал Илья, и Инге снова пришло в голову, что он разыгрывает перед ней какую-то роль. Его трезвые поцелуи, хоть и были напористыми, к счастью, оказались не такими неистовыми, как пьяные, но говорил он при этом совершенно шаблонные фразы.

Так они целовались некоторое время – Илья демонстрировал пыл, Инга думала о том, как неудобно врезается в шею край ремня.

– Нам все же нужно доехать до ресторана, – наконец оторвавшись от нее, сказал Илья, посчитав, видимо, свой долг страстности исполненным. В голосе его прозвучало сожаление, и Инга снова подумала, что это уже перебор.

Ресторан оказался итальянским и ужасно милым внутри – скатерти в синюю и красную клетку, свечи и сухие цветы на столах, на стенах – старые черно-белые фотографии «маленькой Италии» в Нью-Йорке. Среди фотографий попадались кадры из «Клана Сопрано». Инге ресторан очень понравился, и она опять потеплела к Илье. Все-таки он оставался загадкой. Не может ведь скучный претенциозный человек любить такие очаровательные заведения. Его характер упорно ускользал от понимания.

Свидание протекало вполне мирно: Илья опять настоял на том, что сам сделает заказ, потому что хорошо знает, что «удается здесь шефу», и когда еду принесли, Инга признала, что он угадал. Они немного поговорили о работе, но вскоре сам же Илья сменил тему. От вина Инга расслабилась и, когда он накрыл ее руку своей, уже не нашла в этом ничего слишком киношного. Илья рассказывал ей о том, как учился кататься на серфе, она ему – про отца и рисование. В начале вечера, однако, Инга постоянно ловила себя на мысли, что они как будто намеренно обходят молчанием какой-то важный предмет, требующий разъяснения, только она не могла точно определить какой. Неуставность их отношений? Внезапную смену поведения Ильи? К концу ужина Инга решила, что все дело было в том, что она никак не могла составить о нем четкого представления, но после пары бокалов эта проблема перестала быть существенной.

В полдесятого Илья попросил счет и сам его оплатил – на этот раз Инга даже не потянулась за кошельком. Они вышли на улицу. Похолодало, изо рта шел пар, однако мороза не чувствовалось.

– Ко мне? – спросил Илья и взял ее за руку.

Инге вспомнилась его квартира и сразу следом – секс на его кровати, со шпионящим за ними зеркалом и девочкой с сердечком на стене.

– Давай ко мне, – сказала Инга. – Ко мне ближе.

Илья пожал плечами и вызвал такси – свою машину, сказал он, заберет завтра. В такси играло радио «Релакс» и нестерпимо пахло синтетическим покрытием сидений. Илья притянул

Ингу к себе, и она уткнулась ему в пальто, от которого пахло приятным одеколоном. Сейчас, когда он просто обнимал ее, не накидываясь с поцелуями, такой спокойный и уверенный, она чувствовала себя почти уютно.

Инга немного опасалась, что это ощущение разрушится, когда они окажутся дома: Илья снова начнет изображать неумную страсть, и приятный вечер превратится в состязание по актерскому мастерству. Однако опасения оказались излишними – они зашли в квартиру, сняли верхнюю одежду, потом направились на кухню; Инга достала вино и разлила его по бокалам, они чокнулись и выпили. Илья подошел к окну и спросил, не мешает ли Инге дерево – свет же наверняка загораживает. Инга сказала, что не мешает, ощутив тем не менее очередной крошечный укол разочарования. Она была невысокого мнения о людях, неспособных сразу же влюбиться в ее драгоценный каштан. Вот Антон – совсем другое дело, ему он сразу понравился.

Оттого что Илья на этот раз вел себя игриво, но сдержанно, Инга почувствовала себя уверенней. Отставив бокал, она приблизилась и обняла Илью со спины. Он тут же развернулся к ней и стал целовать, наконец спокойно, без ярости. Впрочем, кроме поцелуев, он не делал ничего. Инга отстранилась, взяла из его рук бокал и поставила рядом с собственным. Илья, словно только и ждал, когда ему освободят руки, обнял ее и продолжил целовать – его руки скользили по Ингиной спине, но не забирались под блузку. Инга, чтобы намекнуть ему, что можно действовать решительнее, начала снимать с него пиджак.

Обычно на этом ее работа по раздеванию мужчин заканчивалась. Пиджак, или свитер, или футболку даже не требовалось снимать до конца – нужно было совершить движение, как будто ты пытаешься это сделать, поддеть краешек, а дальше мужчины всегда брали инициативу на себя, раздеваясь сами и раздевая ее. Но не Илья. Он повел плечами, чтобы облегчить Инге задачу, – пиджак соскользнул на пол. Инга ждала, что сейчас он начнет расстегивать ее блузку, но этого не происходило. Илья упоенно ее целовал и шарил руками по спине, но больше не делал ничего. Инга предприняла вторую попытку: расстегнула его ремень. Илья послушно снял ремень и вернулся к поцелуям. Инга опять почувствовала замешательство. Мужчины обычно не вели себя так – они должны были торопливо расставаться с одеждой, попутно срывая одежду с нее. Такой деликатности никто не проявлял, да Инга и не желала ее – она сама предпочитала снисходительно отдаваться мужским порывам.

Через еще одну томительную минуту поцелуев Инга принялась расстегивать пуговицы на себе самостоятельно.

Она раздела Илью до трусов, сняла свою одежду, а потом взяла его за руку и повела к кровати. Илья опять позволял ей руководить, но хотя бы не выглядел таким замороженным, как в прошлый раз. У кровати Инга неожиданно для себя самой толкнула его в грудь, приказывая сесть. Она не поняла, откуда возникло это движение – из злости на Илью за его пассивность или из властного чувства, которое вдруг охватило ее. Илья смотрел на нее снизу вверх с лицом замороженным и смиренным, и это еще больше подстегнуло Ингу. Она показалась себе выше и даже более того – величественнее.

Инга привыкла к восхищенным взглядам мужчин, с которыми спала. Им, видимо, льстил уже сам факт наличия рядом с собой такой очевидной красоты. Оставаясь с ней наедине, они вели себя как восторженные кладоискатели, в чьи руки неожиданно свалилось сокровище – вроде бы случайно, но в глубине души каждый из них считал, что, конечно, по праву. Ингу такой расклад совершенно устраивал. Ей нравилось быть объектом, потому что это позволяло, если нужно, сохранить дистанцию, не обременяло ответственностью и не требовало лишних усилий. Что может быть легче, чем светить лицом. Инга делилась своим светом с щедростью.

Но Илья смотрел по-другому: словно это не он заполучил Ингу, а она обладала властью над ним. Инга никогда не хотела меняться ролями, но сейчас, стоя перед ним, вдруг почувствовала опьяняющую вседозволенность. Она неторопливо сняла с себя белье. Илья следил за ее движениями как загипнотизированный. Инге казалось, что у нее кожа светится в тем-

ноте, – с такой невероятной силой от нее исходило ощущение своего превосходства. Она еще раз толкнула Илью – он безропотно вытянулся на кровати – и села на него сверху.

На этот раз Илья негромко стонал, зато Инга молчала. Она привыкла подыгрывать, но сейчас покорность Ильи пробуждала в ней что-то темное, неизведанное. Ей хотелось быть грубой, хотелось наказывать его за саму эту покорность – не потому что она ей не нравилась, а потому что она как будто требовала жестокости. Инга даже не знала, что способна на такое. Она никогда не получала удовольствия от унижений, но унижить Илью ей хотелось – за то, что он был таким слабым, за то, что строил из себя на работе, за то, что заставлял ее переживать и мучиться, за его нос картошкой и волосы в геле.

Илья застонал громче, а потом обессиленно замер. Инга тут же слезла с него и, рывком притянув его руку, положила ее себе между ног. Илья, до этого пренебрегавший продолжением, на этот раз послушно делал все, что ему велели.

Потом Инга лежала с закрытыми глазами, а Илья водил пальцами по ее груди. Инге было хорошо, но при этом немного неловко. Опьянение проходило. Ее решительность, которая только что далась так естественно, вдруг стала казаться чем-то неприличным. Теперь Инга чувствовала смущение и не желала открывать глаза.

– Ты поразительная, – выдохнул Илья ей в ухо и куснул мочку.

Инга уже вернулась в свое обычное подыгрывающее состояние, поэтому улыбнулась, словно ей было приятно. На самом деле ей стало противно: на нее только что нашло помутнение, но вот оно закончилось, и она вернулась в себя, а Илья, оказывается, никакого помутнения не переживал и происходящему не удивлялся. От контраста между их впечатлениями Инга чувствовала стыд.

Она незаметно поглядела на Илью из-под ресниц. Выражение лица у него было совершенно растроганное. Оно не очень-то вязалось с их недавним сексом. Инга замечала, что мужчины после бывали или самодовольными, или заботливыми, или равнодушными – обычно это зависело от стадии отношений, но с таким умилением на нее никогда не смотрели. Инга перекатилась набок и уткнулась в Илью, чтобы не видеть его лица. Он продолжал ее обнимать, но вскоре по тому, как отяжелела его рука, Инга поняла, что он спит.

Инга села на кровати. Волосы Ильи примялись, и на макушке просвечивал пробор, который еще немного, и можно было бы назвать лысиной. Губы красивые, но до чего же маленький рот. И что за дурацкий нос все-таки. В который раз Инга поразились тому, что, когда Илья был в очках, нос не бросался в глаза, но сейчас она будто спотыкалась об него. Инга вспомнила своего бывшего, Кирилла. Его нельзя было назвать красавцем, но на его лице была написана такая явственная мужественность, что Инга таяла. Потом подумала про Антона. Он был полной противоположностью Кирилла: тонкий, легкий, с улыбкой дерзкой, как у подростка. Мысль об Антоне второй раз за вечер оказалась неожиданно болезненной, и Инга тут же ее отогнала, снова сосредоточившись на Илье. Его рука лежала на подушке. Кисть была очень маленькой, и пальцы – короткими.

Инга отвернулась. Она подумала, что никогда бы не стала рисовать Илью. Она всех мерила этим критерием: рисование означало пристально рассматривать человека и любить каждую его часть. Если что-то в облике царапало ей взгляд, то от долгого выписывания этой детали она могла развить к ней чуть ли не ненависть. Илья с его носом и руками точно не имел бы шансов против нее устоять.

Вздыхнув, Инга встала и тихо прошла на кухню. Там она допила вино из своего бокала, а потом, подумав, и из бокала Ильи.

– То есть он что, вообще к тебе не прикасался? – спросил Максим, глядя не на Ингу, а на свирепую маску то ли свиньи, то ли быка под стеклом, с короной из черепов.

– Нет, прикасался, – ответила Инга, тоже разглядывая маску. – Но без инициативы, понимаешь? Инициативу все время приходилось мне проявлять.

Накануне Инга и Максим договорились встретиться, но когда они привычно стали выбирать бар на завтрашний вечер, Инга неожиданно для себя вдруг воспротивилась и сказала, что такими темпами они скоро окончательно сопьются, поэтому перед баром им нужно хотя бы для разнообразия культурно просветиться. Максим на это резонно заметил, что культурное просвещение перед явно никак не скажется на выпивании после, поэтому нависшей над ними тени алкоголизма все равно не избежать, но он тоже не прочь оживить программу. Инга предложила музей, Максим сказал, что от картин его тошнит и он согласен разве что на музей древностей. Теперь вот уже час они бродили по музею Востока. Было четыре, раньше пяти отправляться в бар казалось безнравственно, хотя Инга подозревала, что к этому времени просвещение полезет у нее из ушей.

Несмотря на выходной день, в музее было пустынно. В этом зале Инга и Максим были единственными посетителями и бродили между стеллажами под неприветливым взглядом смотрительницы. От того, как пристально она за ними наблюдает, Инге казалось, что настоящие экспонаты здесь не маски и вазы, а они с Максимом.

– А что плохого в инициативе? – спросил Максим, переходя к следующему шкафу. Там на безголовом манекене с расставленными в сторону руками (что, по мнению Инги, придавало ему тревожное сходство с распятием) была выставлена какая-то национальная одежда с очень широкими рукавами.

– Ничего плохого, – отозвалась Инга, продолжая думать про распятие. – Но, во-первых, мне это как-то непривычно. Во-вторых, он совершенно не похож на человека, которому должно такое нравиться. В обычной жизни он, ну знаешь, такой нахальный, бесцеремонный. А в постели как овечка.

– По-моему, это классика.

– Но я не хочу так! Мужик должен беспокоиться о моем удовольствии, а не наоборот.

– Ну скажи ему: дорогой, а ты не хочешь поработать?

Инга вздохнула. Они добрались до конца зала и перешли в следующий.

– Я вообще пока стесняюсь с ним говорить, – наконец призналась Инга.

– Почему?

– Не понимаю, чего от него ожидать. Каждый раз, когда я настраиваюсь на определенную реакцию, он делает что-то совсем другое.

– Зато не скучно, – заметил Максим. – Посмотри, какая уродливая обезьяна.

Инга скользнула взглядом по фигурке обезьяны, но не заинтересовалась.

– Мне нравятся более традиционные отношения, – пробормотала она.

Максим ее расслышал.

– Ну с самого начала было ясно, что ничем традиционным тут не пахнет. Он твой начальник.

– Он написал, что хочет меня прямо на его диване. В кабинете.

Максим фыркнул, но ничего не сказал, наклонившись к витрине и внимательно что-то в ней разглядывая.

– Это как-то пошло, скажи? – продолжила Инга.

– Он мне вообще не нравится, – заявил Максим, отстраняясь от стекла и делая шаг к следующему стеллажу.

– Почему? Ты его даже никогда не видел! – тут же вскинулась Инга. Сейчас она бы хотела, чтобы Максим ее переубеждал, а не соглашался.

– Потому что мне кажется, что он на самом деле не нравится тебе.

Инга прикусила язык. Некоторое время они молча перемещались по залу, разглядывая предметы на витринах.

– Хотела бы себе домой такое? – спросил Максим, остановившись перед узким деревянным шкафом с перламутровой инкрустацией.

Инга серьезно оглядела шкаф.

– Вообще хороший, – наконец изрекла она. – Но, мне кажется, у меня бы не смотрелся. А ты бы?

– Шкаф с цветочками? Конечно, нет. Мне бы лучше вот коллекцию нэцкэ. С самыми глупыми лицами.

– Пыль задолбаешься стирать.

– А я под стеклом.

Они прошли дальше. Инга посмотрела на телефон. До морального права пить оставалось сорок пять минут.

– Ну а у тебя как? – спросила она.

– Что как?

– Ну, тиндер твой.

– Да так. Познакомился тут, представь себе, с англичанином.

– Ты мне не рассказывал! – обиженно заметила Инга.

Они остановились перед большой экспозицией ваз. Максим хотел пройти мимо, но Инга задержалась, внимательно изучая узоры.

– Да он поначалу даже показался мне ничего. Приехал сюда после университета и вот уже год живет в Москве и преподает английский в какой-то частной школе. Говорит, писал диплом про российскую организованную преступность в девяностых, увлекается Россией и вот воспользовался вакансией, чтобы тут пожить.

– Ну пока звучит не так плохо. Тебе такое должно нравиться.

Максим хорошо разбирался в истории и интересовался современной политикой – Инга, в отличие от него, не помнила ни одной даты из школьной программы, а новости читала, только если натыкалась на них в соцсетях. Все, чем Инга не интересовалась сама, автоматически казалось ей не заслуживающим внимания – так она справлялась с ощущением собственной неполноценности, которое возникало в ней всякий раз, когда она общалась, как ей казалось, с людьми более образованными, чем она. Но с Максимом все было не так: его образованность делала саму Ингу более достойной. Если он, такой умный, выбрал ее своим другом, значит, она лучше всех.

– Да я и говорю, поначалу он мне понравился. Но довольно быстро у него начал проскальзывать какой-то великоимперский шовинизм. Причем в завуалированной форме. Например, он говорит: «Как мне нравится в России. Вот в Англии, если на столе стоит тарелка с одним последним печеньем, его никто не возьмет. Все будут извиняться и отказываться. А вы, русские, вообще не заморачиваетесь на тему вежливости». Понимаешь, так и сказал: «Don't give a shit about courtesy».

– Да, что-то не очень, – согласилась Инга.

– Ну и все в таком духе. Вы, русские, такие искренние, ваши эмоции всегда у вас на лице. Вы, русские, так быстро живете – женитесь в двадцать лет, а у нас считается, что сначала нужно встать на ноги. Но потом он пошел еще дальше: стал рассказывать мне про свою семью, а там что ни родственник, то посол в Италии или генерал-губернатор Индии. «Ах, у моей семьи такой старый дом, там постоянно ломаются коммуникации, а недавно крыша в конюшне обвалилась», прикинь?

– В конюшне?

– Да! И потом он мне говорит: «Ты не думай, моя семья не какая-то особенно знатная, так, upper middle class. Мы люди интеллектуального труда и творчества. А ты к какому классу себя относишь?»

– А ты?

– Ну, я сказал, что плохо его слышу из-за гула на том заводе, на котором я работаю с пяти утра. Но, по-моему, он не понял иронии.

– Да, твой путь к идеальному партнеру тернистее моего, – признала Инга.

Они отошли от ваз и направились к стоящему в центре зала зеркалу в массивной раме из темного дерева, изображавшей какие-то ветви и павлинов.

– А я вообще подумал, что с возрастом шансы на то, чтобы встретить кого-то подходящего тебе, существенно снижаются, – сообщил Максим. – Не потому что всех разобрали или ты сам подурнел, а потому что законсервировался. Пока ты молод, почти со всеми получается найти общий язык, потому что никаких четких представлений о мире у тебя еще нет. А когда они окончательно сформированы, совпасть в них с кем-то уже сложновато. Как будто есть я, а вокруг меня – огромный океан с чудинами, от которых не знаешь, чего ждать.

– Но я же не чудина? – спросила Инга.

– Так мы с тобой вон сколько знакомы. Чтобы не казаться мне чудинкой, нужно было со мной бухать последние одиннадцать лет. А где мне теперь найти еще одну родственную душу?

– И ты мне еще говорил про мои завышенные требования, – укоризненно заметила Инга.

Они остановились перед зеркалом, и она заглянула в его мерцающую глубину. Ее манили все зеркала без исключения, но в старых скрывалась особая тайна, волновавшая ее воображение. Ингу захватывала мысль о том, сколько людей до нее смотрелось в них, как будто все их бесчисленные лица навеки отпечатались в амальгаме. Ей казалось, что, присоединив свое лицо к этим отпечаткам, она оставляет в истории настоящий, физический след, утверждает свое существование.

Это зеркало было не такое уж старое – по крайней мере, оно отлично сохранилось, и Инга могла разглядеть себя с почти безупречной ясностью. Она скользила взглядом по своему носу, бровям, завитку челки и думала про Илью. В отличие от Максима, когда она влюблялась, люди казались ей близкими сразу же (потом, правда, наступало закономерное отрезвление), но Илья оставался чужим и очень, очень далеким. Инга не понимала, что из этого причина, а что следствие: он кажется ей чужим, потому что она не влюблена, или она не влюблена оттого, что они непохожи?

– Кстати, насчет бухать одиннадцать лет, – сказал Максим. – Мне начинает казаться, что наша дружба треснет, если мы не сделаем этого немедленно. Я больше не могу.

– И это тоже нас роднит, – благодарно отозвалась Инга, и они стремительно, чуть ли не наперегонки, бросились вон из зала.

До Нового года оставалось десять дней, до новогоднего корпоратива – три. Проснувшись на следующее утро после встречи с Максимом, Инга проинспектировала внутреннее состояние на предмет похмелья и пришла к выводу, что чувствует себя приемлемо. Сегодня это было важно: она запланировала купить всем подарки. Нет ничего хуже, чем шататься по переполненному торговому центру, умирая от головной боли.

Она проверила телефон – смутно помнила, что вчера поздно вечером переписывалась с Ильей. К счастью, переписка оказалась короткой и не очень выразительной. Вчера Инга сердилась, что Илья отвечает ей так скупно, и все пыталась спровоцировать его на что-нибудь поинтереснее, но сегодня была предсказуемо рада, что у нее не вышло. Утром пришло еще сообщение от матери – та спрашивала, когда до Нового года они увидятся. Инга написала, что заедет поздравить ее на неделе. Полистав соцсети, она быстро убедилась в их традиционной для воскресного утра безжизненности.

Торговый центр кипел народом, из динамиков неслась бодряя новогодняя музыка, у киоска, где заворачивали подарки, выстроилась длинная, с загнутым хвостом, очередь. Инга мысленно застонала. Впрочем, странно было ждать чего-то другого.

Вообще Инга любила выбирать подарки – это было частью праздничного ритуала, которая усиливала предвкушение Нового года, но в этот раз особой приподнятости не чувствовала. Дело было не в похмелье, которое, оказывается, с утра затаилось в голове, а теперь начало медленно, коварно себя обнаруживать. Дело было в том, что на Новый год у нее не было никаких планов. Прошлый и позапрошлый она встречала с Кириллом – один раз вдвоем, один раз в компании его друзей на арендованной ими даче. Три года назад они ездили с Максимом в Чехию – Инга незадолго до этого рассталась с парнем и поездку в итоге плохо запомнила: большую часть времени они пили, заливая ее горе, которого она на самом деле не чувствовала, но считала нужным держать марку. Более ранние Новые года Инге не вспоминались, но она точно знала, что вопроса, с кем и как его отмечать, никогда не стояло. Все чудесным образом решалось само собой.

В этом году все было иначе. Максим должен был отмечать с семьей – его матери недавно сделали операцию, и, как примерный сын, он не мог бросить ее одну. Идею отмечать Новый год со своей матерью Инга отменяла не раздумывая. Старые знакомые разбились по парочкам или уезжали кто куда, а на работе она еще ни с кем не успела настолько сдружиться, поэтому эти варианты тоже отпадали. Однако самой большой проблемой был, конечно, Илья. Инга ничего не знала о его планах. Она считала, что если они теперь вместе (хотя однозначность такой оценки вызывала сомнения), то и праздновать должны вместе, но именно потому, что их статус был ей до конца не ясен, она сама не решалась ничего предложить. Оставалось только ждать, когда предложит Илья, но это ожидание крало у нее другие возможности. Инга могла бы все же поискать себе компанию, могла бы поехать куда-то одна – в конце концов, она никогда еще не встречала Новый год одна, – но все это казалось излишней суетой в свете другого, напрашивающегося варианта.

Ее беспокоило и то, что Илье надо купить подарок, а она совсем не знала какой. Дарить что-то дорогое в начале отношений было нельзя, чтобы не выглядеть отчаявшейся, дарить что-то дешевое нельзя, чтобы не выглядеть жадной. Невозможно было подарить и что-то особое, личное, потому что Инга просто не представляла, что это может быть.

Кроме того, ей нужно было купить что-то для Галушкина – он достался ей случайно в «Секретном Санте». Неделю назад они всем департаментом коммуникаций зарегистрировались в специальном телеграм-боте, который, перетасовав заявки, прислал каждому имя того, кому нужно было сделать подарок. Договорились, что подарками обменяются перед общим корпоративом. Инга немного расстроилась, что ей достался Галушкин, – дарить подарки мало-знакомому мужчине было сложнее, чем малознакомой женщине. Инга вообще не понимала, почему парни всегда изображают великомученические страдания с приближением праздников, ведь даже если воротить нос от любой сентиментальности, девушкам несложно что-то купить. Цветы, свечи, безделушки, милые штучки для дома – под женщин разработана целая индустрия бездушных подарков. Другое дело – мужчины. Культ мужественности отрицал всякое проявление нейтральной обезличенной заботы. Впрочем, хорошо, что ей не достался кто-то из маркетинга, кого она знала бы еще хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.